

Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И
СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В ДРЕВНОСТИ,
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И В НОВОЕ ВРЕМЯ**

Кострома
2016

УДК 394. 9:947. 02(471.317)
ББК 63. 52(2Р34)
Э 917

Печатается по решению Ученого совета Костромского музея-заповедника

Этнокультурные взаимодействия на территории Верхнего Поволжья и сопредельных территориях в древности, Средневековье и в Новое время: сб. науч. тр. / Сост. И. С. Наградов и В. Л. Щербаков; ОГБУК «Костромской музей-заповедник». – Кострома: Костромаиздат, 2015. – 134 с.

В сборник вошли научные труды участников Всероссийской конференции (Кострома, 25 ноября 2015 г.). Авторы статей исследуют вопросы взаимовлияния народов на обширной территории Верхнего и Среднего Поволжья, Русского Севера, Приуралья. Материал распределен по двум разделам: «Изучение этнокультурных взаимодействий методами археологии» и «Этнокультурные взаимодействия как предмет изучения этнографии, источниковедения и краеведения». Широкие временные границы исследований от эпохи бронзового века до сер. XX в. делают сборник интересным для широкого круга специалистов в области истории, археологии, этнографии и краеведения.

УДК
ББК

© ОГБУК «Костромской музей-заповедник», 2016
© ООО «Костромаиздат», 2016

**Приветственное слово
генерального директора Костромского музея-заповедника
Н.В. Павличковой**

От имени коллектива Костромского музея-заповедника рада приветствовать собравшихся на древней костромской земле исследователей, посвятивших свой труд делу изучения сложнейших этнокультурных процессов.

Современный интерес к вопросам этнокультурного взаимодействия обусловлен непростыми политическими и социальными реалиями XX — XXI вв., такими как рост миграции и ксенофобии, появлением феномена глобализации.

Актуальна тема и для нашего региона, через который в древности проходили линии соприкосновения археологических культур, а затем славянских племен и финно-угров. Уникальные явления, такие как, например, Сейминско-Турбинский транскультурный феномен, остатки материальной культуры которого представлены Галичским кладом, так же имеют место на территории Костромской области. В более позднюю эпоху Московского государства и Российской империи костромская земля не раз становилась местом централизованного расселения или даже ссылки иноязычных групп: татар, немцев, поляков.

Верхнее Поволжье, и костромской край в частности, находился и находится в тесном взаимодействии с другими регионами, имеющими свои этнокультурные особенности, что позволяет сравнивать протекающие в разных местах процессы, искать аналогии, обмениваться знаниями. Подобный подход уже дает свои результаты. Тесное сотрудничество Костромского музея-заповедника и Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им В.М. Васильева позволило начать археологическое изучение памятников древнемарийской культуры на территории Шарьинского района Костромской области. Исследования получили широкий общественный резонанс, и уже в июне 2015 г. благодаря поддержке администрации Костромской области, деятельному участию некоммерческой организации «Костромская старина» и научному консультированию МарНИИЯЛИ в Шарьинском филиале Костромского музея-заповедника была открыта выставка «История и культура костромских черемис (марийцев)».

Определяя тематику конференции, организаторы конференции стремились найти свою «нишу» в «здании» фундаментальной науки. Думается, что это им удалось. Я надеюсь, что строго научные материалы конференции будут использованы в работе музеев, архивов, образовательных учреждений и уже в ближайшее время она получит статус научно-практического мероприятия.

Желаю всем участникам конференции творческих успехов и больших перспектив в реализации их исследований!

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. Изучение этнокультурных взаимодействий методами археологии

Акилбаев Александр Владимирович (Йошкар-Ола). Этнокультурное взаимодействие древнемарийского населения IX-нач. XII вв. с Верхним Поволжьем и Поочьем.....	6
Баранов Вячеслав Сергеевич (Кострома, Казань). Об одном из жилищ с древнерусской керамикой на территории Болгарского городища X-XV вв.....	14
Долгополов Сергей Васильевич (Йошкар-Ола). Памятники раннего железного века Поветлужья: итоги и перспективы изучения.....	26
Кузнецова Валентина Николаевна (СПб.). Двуглавые подвески Древней Руси XI–XIII вв.....	35
Никитина Татьяна Багишевна (Йошкар-Ола), Шабалина Наталья Юрьевна (Шарья). Новые археологические материалы по древней истории верхнего Поветлужья в экспозиции Шарьинского филиала Костромского музея-заповедника.....	42
Новиков Александр Викторович, Новикова Ольга Вячеславовна (Кострома). История изучения памятников эпохи раннего железа бассейна р. Унжи.....	49
Панченко Галина Викторовна (Плёс). Культовые камни города Плеса.....	58
Сатурин Алексей Александрович (Кострома), Щербаков Виталий Леонидович (Кострома). Глиняный колокольчик из археологического собрания Костромского музея-заповедника: семантика декора.....	68
Шалахов Евгений Геннадьевич (Марий Эл, пос. Юрино). Главная загадка «шаманской ризницы» (к 180-летней годовщине обнаружения Галичского клада).....	73
Шумилов Евгений Николаевич (Пермь). О миграции белозерской весы в Приуралье.....	80
Щербаков Виталий Леонидович (Кострома). Археологические исследования Костромского музея-заповедника в 2012 – 2015 гг.....	85

СЕКЦИЯ 2. «Этнокультурные взаимодействия как предмет изучения этнографии, источниковедения и краеведения»

Беляева Татьяна Анатольевна, Беляев Иван Владимирович, Чебукина Елена Николаевна (Вологда). «Русский Север и Верхнее Поволжье как сопредельные территории. Этнокультурные взаимодействия как основа формирования общероссийской гражданской идентичности»...	90
Герасимова Татьяна Николаевна (Чухлома). Русские немцы в истории Чухломы.....	97
Емелин Евгений Викторович (Козьмодемьянск). «Этнокультурное взаимодействие в костюмах горных мари и чуваш в XIX-XX вв.».....	104
Марасанова Виктория Михайловна (Ярославль). Этнический состав населения Ярославского Поволжья в конце IX – X вв.: археологические и письменные источники, топонимика, историография.....	107
Михайлов Сергей Сергеевич (Москва). Из истории формирования ассирийских диаспор в некоторых городах Верхневолжья (на примере Твери и Иваново).....	115
Монякова Ольга Альбертовна (Ковров). Легенда о первом поселении на месте города Коврова в контексте проблемы взаимодействия волжской Булгарии и Руси в XII-XIII вв.....	124
Рязанов Александр Владимирович (Саратов). Этнокультурное взаимодействие народов Поволжья при освоении новых территорий (случай с. Кунчерово Пензенской обл.).....	129

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДРЕВНЕМАРИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ IX-НАЧ. XII ВВ. С ВЕРХНИМ ПОВОЛЖЬЕМ И ПООЧЬЕМ

Акилбаев Александр Владимирович
Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В.М. Васильева, г. Йошкар-Ола

Вопрос о контактах древних марийцев с Волго-Окским междуречьем сложен и неоднозначен. Наиболее ранние контакты древних марийцев с западным миром связаны с взаимоотношениями между ближайшими соседями - мордвой, муромой, мерей. Эти народы объединены общностью происхождения, которая проявляется в схожести некоторых элементов материальной культуры. Схожесть украшений ярко демонстрируют материалы древнемарийских могильников IX-XI вв.: перечисленные народы имеют в целом те же принципы ношения нагрудных украшений, обувных подвесок, отличаются широким распространением гривен глазовского типа, «усатых» перстней и некоторыми другими элементами костюма и материальной культуры. Общность происхождения во многом затрудняет интерпретацию украшений в качестве импорта. Вероятнее всего, контакты обозначенных народов имели сложный и многогранный характер, включавший меновую торговлю, этнические связи.

К украшениям, попавшим на древнемарийскую территорию от других волжских финнов, можно отнести гривны из гладкого, круглого в сечении, тонкого дрота, с концом, оформленным грибовидной или многогранной шляпкой (Рис. 1: 1), встречающиеся в древностях мордвы¹, подвеску в виде прямоугольного щитка, над которым расположены две загнутые стойки, возможно, имитирующие головы животных (Рис. 1: 2), известные по материалам муромы², некоторые разновидности каплевидных (подтреугольных) подвесок (Рис. 1: 3, 4), попавшие на марийскую территорию с Оки и ме-

---

1 Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 71-73. Мальм В.А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. — М., 1967. — С. 149-206.

2 Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. САИ. Вып. Е1-36. — М-Л., 1966. — С. 70.

рянской территории³, подвеска с прямоугольной основой муромского типа⁴ (Рис. 1: 5), «усатая» сюльгама (Рис. 1: 6), встречающиеся в материалах муромы и мордвы⁵, а так же обувные обмотки с металлическими пластинами⁶ (Рис. 1: 7) и прямоугольные ажурные нагрудные украшения⁷ (Рис. 1: 43). Эти украшения представлены единичными экземплярами, за исключением каплевидных подвесок, и датируются в целом X в. Однако имеются и более ранние вещи - гривны и подвеска в виде прямоугольного щитка. Таким образом, предметы волжско-финского происхождения являются наиболее ранними импортными вещами в материалах древних марийцев и проникли на территорию их расселения еще в IX в.

Стоит отметить, что и в муромских материалах имеются древнемарийские вещи, например, трапециевидные подвески в Урвановском и Танкеевском (в муромском погребении) могильниках, что свидетельствует о двусторонности контактов.

Этнические и торговые взаимоотношения между волжскими финнами имели место в течение всего рассматриваемого периода, постепенно перерастая во взаимоотношения уже со славяно-финским колонизационным потоком в середине XI в. (речь о нем пойдет ниже). Эти контакты имели эпизодический характер, оставили след в женском костюме раннесредневековых марийцев, но существенного влияния на него не оказали. Однако существовали по XI в. включительно. Значительное место в системе контактов населения Вятско-Ветлужского междуречья с западным миром занимает активная торговля по Волге. Наиболее ярко этот пласт торговых связей иллюстрируют предметы, происходящие из стран балтийского бассейна (стоит отметить, что предметы получили распространение и на Руси, поэтому утверждать их проникновение напрямую из Скандинавии или Прибалтики нет основания) или из памятников дружинной культуры Руси. К таким предметам относятся большинство подкововидных фибул⁸ (Рис. 1:

3 Древняя Русь. Быт и культура. – С. 173, табл. 103, 12.

4 Древняя Русь. Быт и культура. – С. 74.

5 Ярославское Поволжье X-XI вв. Отв. ред. Смирнов Н.А. М., 1963. – С. 67.

6 Кирпичников А.Н. Указ. соч. – С. 16-58.

7 Археология севернорусской деревни X-XIII вв. Том 1. Отв. ред. Н.А. Макаров. – М., 2007. – С. 101.

8 Древняя Русь. Быт и культура. – С. 64.

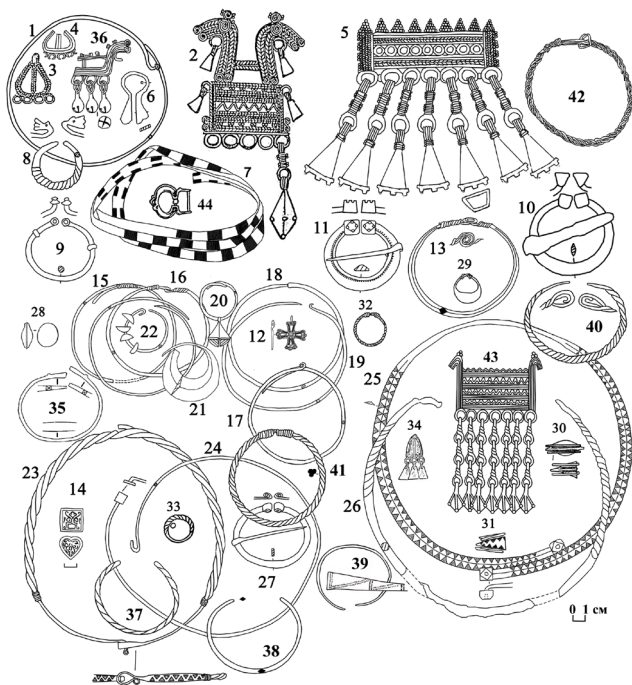

Рис.1: 1-п.5 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 2-Юмский мог-к, подъемный мат-л; 3-п.XIII мог-ка «Черемисское кладбище»; 4-п.52 Дубовского мог-ка; 5-п.7 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 6-жертв. комплекс 13 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 7-п.14 мог-ка «Черемисское кладбище»; 8-из мат-в раскопок 1929 г. Веселовского могильника; 9-п.25 Веселовского мог-ка; 10-п.5 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 11-п.5 Веселовского мог-ка; 12-подъемный мат-л с Веселовского мог-ка; 13-п.53 Дубовского мог-ка; 14-п.28 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 15-п.5 мог-ка «Нижняя Стрелка», п. 14 мог-ка «Черемисское кладбище»; 16-п.23 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 17-п.3 Веселовского мог-ка; 18-п.18 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 19-п.5 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 20-п.4 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 21-п.63 Дубовского мог-ка; 22-п.11-а мог-ка «Нижняя Стрелка»; 23-п.4 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 24-жертв. комплекс 12 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 25-п.11 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 26-п.30 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 27-п.20 Веселовского мог-ка; 28-п.23 Дубовского мог-ка; 29-п.16 Веселовского мог-ка; 30-п.31 Дубовского мог-ка; 31-п.17 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 32-п.5 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 33-п.16 Дубовского могильника; 34-п.26 Веселовского могильника; 35-п.2 Веселовского могильника; 36-п.29 Веселовского могильника; 37-п.74 Дубовского могильника; 38-п.5 Юмского мог-ка; 39-п.28 Веселовского мог-ка; 40-п.5 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 41-п.4 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 42-п.15 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 43-жертв. комплекс 10 мог-ка «Нижняя Стрелка»; 44-п.19 Дубовского мог-ка.

8, 9, 10, 11), боевые ножи - скрамасаксы⁹, крест скандинавского типа¹⁰ (Рис. 1: 12), некоторые браслеты, концы которых оформлены спиральной завязкой¹¹ (Рис. 1: 13), поясные накладки (Рис. 1: 14), имеющие аналогии в Тимевских курганах¹², меч каролингского типа¹³ (возможно, некоторое другое оружие и орудия труда), английский денарий, саксонская (не хватает слова). Кроме того, шерстяные ткани, иные товары органического происхождения также могли попасть в Вятско-Ветлужское междуречье с запада. Вещи балтийского и дружинного облика датированы в марийских материалах преимущественно X в., но встречаются и в XI в. Славяно-скандинавские купцы редко посещали древнемарийские территории, торговля с Русью в X в. была слабой, заметно уступала торговым отношениям с Волжской Булгарией. Никаких факторий на рассматриваемой территории (в отличие от Волжской Булгарии) древнерусские торговцы не имели. По-видимому, товары, которые могли предложить раннесредневековые марийцы (пушнина, мед, воск) были в изобилии представлены в самой Руси и не интересовали купцов. Возможно, в Марийском Поволжье устраивались кратковременные стоянки, где торговые караваны пополняли запасы провизии, чинили суда и проводили незначительные торговые операции. Вполне возможно, что такие отношения древних марийцев и купцов перемежались со взаимными ограблениями и вооруженными стычками. Однако именно эти вещи являются ярким свидетельством функционирования Великого Волжского пути. Предметы балтийского и дружинного происхождения встречены преимущественно в богатых захоронениях, определяли высокий статус их владельцев и были исключением в костюме древних марийцев (преимущественно в мужском костюме), не повлияв на него. Следующим фактором связей древнемарийского населения с Русью, давшим наибольшее количество предметов, является славяно-финская колонизация Волго-Окского междуречья и Европейского Севера.

9 Нефедов Ф.Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. // МАВГР. Т. III. – М., 1899. – Табл. I, 1.

10 Леонтьев А.Е. Археология мери. К предистории Северо-восточной Руси. – М, 1996. – С. 159.

11 Дубынин А. Ф. Раскопки Малышевского могильника // КСИИМК. – Л., 1949. Вып. XXVII. 1949. – С. 103.

12 Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, №94. – М., 1961. – С. 215. Археология севернорусской деревни. – С. 116.

13 Бейлекчи В.В. Указ. соч. – Рис. 9.

С XI в. в материалах могильников Вятско-Ветлужского междуречья наблюдается постепенный приток вещей славян и западных финно-угров, который усиливается к рубежу XI-XII вв. Большой интерес представляют находки височных колец - украшения, зачастую имеющего яркую этническую окраску: с прямыми заходящими концами (Рис. 1: 15), характерными для Белозерья и северо-запада Новгородской земли¹⁴, с намотанными друг на друга концами (Рис. 1: 16), встречающиеся в Ярославском и Костромском Поволжье¹⁵, со спиральным концом, встречающиеся в Костромском Поволжье¹⁶ (Рис. 1: 17), со втулкой - этноопределяющее украшение мери¹⁷ (Рис. 1: 18), с отверстием и крючком, типичные для муромы¹⁸ (Рис. 1: 19), с бубенчиком (Рис. 1: 20), встречающиеся в Западном Поволжье и в материалах Мининского археологического комплекса¹⁹, височное кольцо (серьга) в виде полумесяца (Рис. 1: 21), характерное для древностей муромы²⁰, височные кольца с загнутым концом и бусинами²¹ (Рис. 1: 22). Все эти височные украшения женские и появляются на древнемарийской территории только в XI в. Изделия волжско-финского происхождения в данном случае можно отнести не к результатам контактов непосредственно с волжскими финнами, а к контактам со смешанным славяно-финским миром (когда волна колонизации дошла до мерянских и муромских земель), поскольку они не синхронны древностям муромы и мери и в древнемарийских погребениях отличаются поздней датировкой. К этой категории вещей следует отнести фрагмент подвески в виде стилизованного изображения конька (Рис. 1: 36), аналоги которому известны в мерянских материалах²². Рассмотренные

14 Древняя Русь. Быт и культура. – С. 65.

15 Леонтьев А.Е. Указ. соч. – Рис. 73, 1, 94, 1.

16 Фехнер М.В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. – М., 1967. – С. 71-73, 84.

17 Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология могильников населения I-XIV вв. западной части Среднего Поволжья. – Саранск, 2008. – С. 16-22, рис. 12. 2.

18 Фехнер М.В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. – М., 1967. – С. 64.

19 Там же. – С. 62-63.

20 Мальм В.А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. – М., 1967. – С. 155, 161-162, 176. 181-183. Древняя Русь. Быт и культура. – С. 73.

21 Археология севернорусской деревни. – С. 121. Древняя Русь. Быт и культура. – С. 77.

22 Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. Т. 17. – М., 1987. – Табл. III, 8, CVII, 30, CXVI, 19, табл. CVII. 29.

украшения зачастую сопровождаются другими предметами из западного мира. Следующим характерным элементом западного влияния являются шейные гривны: гривна, свитая из двух бронзовых проволок, концы раскованы, украшены орнаментом «волчий зуб» и оформлены в виде петли и крючка (Рис. 1: 23), характерны для Владимиро-Суздальской и Новгородской земель, Костромского Поволжья²³, круглопроволочная гривна, один конец оформлен крючком, другой квадратной гвоздевидной шляпкой (Рис. 1: 24), близкие аналогии есть в материалах мордвы²⁴, гривны из тонкого, треугольного в сечении дрота, концы которого заходят друг за друга и украшены многогранными или полукруглыми головками, лицевая сторона раскованной части дрота украшена орнаментом «волчий зуб»²⁵ (Рис. 1: 25), железные гривны²⁶ (Рис. 1: 26). Все они появляются на территории расселения древних марийцев в XI в., но обычные для раннесредневековых марийских древностей «глазовские» гривны они вытеснили только к концу XI в. С территории Руси происходят некоторые подкововидные фибулы²⁷: с головками в виде усеченной перевернутой пирамиды со срезанными углами (Рис. 1: 10), аналогии которой есть во Владимирских курганах и Новгороде, со спиралевидными концами (Рис. 1: 27), распространенным по всей Северной Руси, с зооморфными головками (Рис. 1: 8), встречающимся в Прибалтике и Новгороде. С этой категорией импортных предметов связано большое количество перстней: щитковые перстни с валиком, завязанными и не завязанными концами²⁸ (рис. 1: 28, 29), некоторые разновидности «усатых» перстней²⁹ (Рис. 1: 30, 31), витой из проволок, с завязанными концами перстень³⁰ (Рис. 1: 32), рубчатый (ложновитой) перстень³¹ (Рис. 1: 33), с

23 Археология севернорусской деревни. – С. 296; Рис. 110, 14.

24 едошвина Н.Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни X- XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. – М., 1967. – С. 264.

25 Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Табл. XXIX, 9, 16.

26 Левашева В.П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. – М., 1967. – С. 215.

27 Там же. – С. 220

28 Там же. – С. 214

29 Там же. – С. 237

30 Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. МИА. №65. – М., 1981. Рис. 34, 3а, с. 94-96. Древняя Русь. Быт и культура. – С. 74.

31 Монгайт А.Л. Рязанская земля. – М., 1961. – С. 119.

простым щитком и лапчатыми привесками³² (Рис. 1: 34), а также браслетов: «звериноголовые»³³ (Рис. 1: 35), ложновитые³⁴ (Рис. 1: 37), с сужающимися³⁵ (Рис. 1: 38) и расширяющимися³⁶ (Рис. 1: 39) концами, витые³⁷ (Рис. 1: 40, 41) и плетеные³⁸ (Рис. 1: 42). С территории Руси происходят лировидные пряжки (Рис. 1: 44). В этом списке следует отметить топоры с треугольными щековицами, калачевидные кресала.

Украшения славяно-финского облика к рубежу XI-XII вв. вытесняют характерные для древних марийцев типы украшений («глазовские» гривны, граненые браслеты, «усатые» перстни), а в XII в. коренным образом изменяют марийский костюм.

Многие из представленных изделий имеют широкое распространение на территории Северной Руси, однако достаточно четко локализуется три центра: Волго-Окское междуречье (с некоторыми соседними территориями), Белозерье, Новгород и Новгородская земля. Причем изделия из Волго-Окского междуречья заметно преобладают. Большое количество типовых изделий (браслетов, топоров, кресал) наводит на мысль о сбыте ремесленной продукции древнерусских мастеров, которые в связи с освоением Волго-Окского междуречья стали географически ближе к Среднему Поволжью и Поветлужью. Появление вещей волжско-финского происхождения может свидетельствовать и о некоторых этнических контактах. Не стоит забывать, что мы говорим о периоде начала противостояния Северо-Восточной Руси и Волжской Булгарии, в котором черемисы, по-видимому, приняли участие, находясь на пограничной территории. Кроме того, это время усиления феодализации и христианизации славяно-финского населения Восточной Руси, сопровождавшегося «восстанием волхвов» в Ростове и Белоозере. Вероятно, эти процессы сопровождались и миграцией на восток некоторой части

32 Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Табл. XXIX, 9, 16.

33 Левашева В.П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. – М., 1967. – С. 215.

34 Там же. – С. 220

35 Там же. – С. 214

36 Там же. – С. 237

37 Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. МИА. №65. – М., 1981. Рис. 34, 3а, с. 94-96. Древняя Русь. Быт и культура. – С. 74.

38 Монгайт А.Л. Рязанская земля. – М., 1961. – С. 119.

населения. Однако для XI в. не следует преувеличивать процессы миграции, сама колонизация (за некоторым исключением) не дошла до Среднего Поволжья и не затронула древнемарийскую территорию.

Не можем мы говорить и о политическом влиянии Древней Руси в Вятско-Ветлужском междуречье. На древнемарийской территории не обнаружено каких-либо опорных пунктов, откуда могло осуществляться это влияние или, к примеру, свозиться дань.

ОБ ОДНОМ ИЗ ЖИЛИЩ С ДРЕВНЕРУССКОЙ КЕРАМИКОЙ НА ТЕРРИТОРИИ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА X-XV ВВ.

Баранов В.С.

Институт археологии им.А.Х. Халикова АР РТ, г.Казань

Болгарское городище X-XV вв. – археологизированные остатки средневекового города Болгара, расположенного в районе слияния рек Волги и Камы на территории Западного Закамья (Спасский район Республики Татарстан) (рис.1). Этот город являлся одним из основных центров сначала Волжской Болгарии X-XIII вв., а затем, во второй половине XIII-первой трети XV в., – Золотой Орды. Его значение как административной, ремесленной, торговой и культурной доминанты региона неоднократно отмечалось исследователями¹.

Площадь городища от первоначальных 9-12 га в X-первой половине XI в. к XIV в. увеличилась до 380 га².

Расположение города на одном из узловых участков волжского пути определяло его роль, не только как транзитного перевалочного пункта международной торговли, но и в качестве одного из связующих элементов культур Востока и Запада.

Характер взаимоотношений русских княжеств и Волжской Болгарии стал предметом глубокого изучения российской исторической наукой уже со второй половины XIX в. Многочисленные находки русских вещей на территории болгарских памятников толковались как следы пребывания русского населения на территории Среднего Поволжья задолго до завоевания Казани и присоединения этих земель к Русскому государству. Исследования Болгарского городища, начатые в 1864 г. известным русским востоковедом и археологом В.Г. Тизенгаузенем, и систематически проводящиеся с 1938 г.³, позволили накопить значительный археологический материал

---

1 Ситдииков А.Г., Измайлов И.Л. Город Болгар в истории и культуре//Великий Болгар. – М., 2013. – С.16-29.

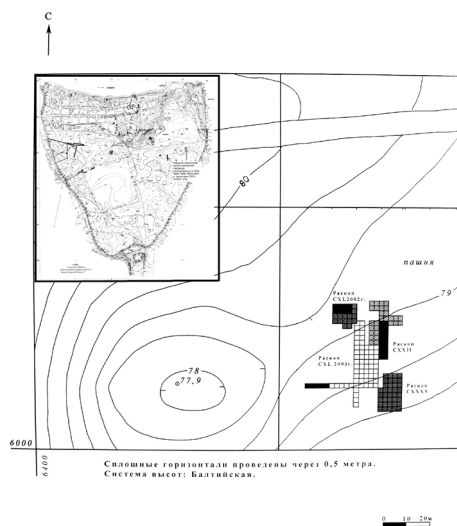
2 Свод памятников археологии республики Татарстан. – Казань, 2007. – Т.3. – С.321-322.

3 Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография//Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987. – С. 32-34.

золотоордынских слоях, с разной долей уверенности, – 13 сооружений (4 – наземные дома, 9 – землянки и полуземлянки)⁷.

По свидетельству исследователей, топография находок и расположение объектов с древнерусской керамикой и вещами, позволяют говорить о чересполосном проживании русских и болгар. Это касается как основной

Район юго-восточной части Болгарского городища, исследованный в 1994-1996, 1999, 2002, 2003 гг. раскопами СХХII, СХХХV, СХL

территории города, ограниченной валами, так и его низменной, заречной части. Особое скопление русских жилищ отмечается в восточной части заречного района, заселенной с середины XIII в. ремесленниками (ювелирами, металлургами, косторезами) – выходцами из русских земель⁸.

Еще один объект, который можно с определенной долей вероятности отнести к данному населению, был исследован в юго-восточной части городища в 1995-1996 г. (сооружение 25, раскоп СХХII) (рис.2).

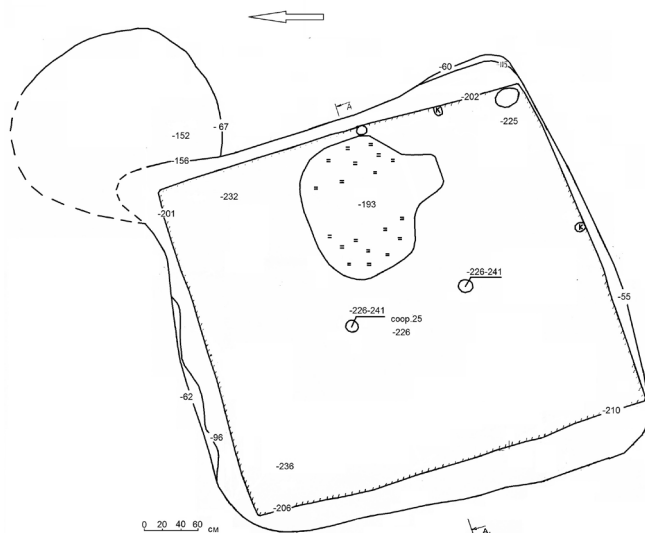
Объект имеет сложную строительную историю, в которой можно выделить два этапа.

7 Там же. – С.64

8 Там же. – С.57

I строительный этап.

В этот период исследованный объект представляет собой жилище-землянку, котлован которой размером 440х480 см. отрыт в материковом грунте до глубины 170-180 см. от уровня выявления (рис.3). Ориентировка котло-

Сооружение 25. I строительный период

вана – ССВ-ЮЮЗ. Стенки котлована несколько нависающие. Дно ровное, плоское, с некоторым уклоном к востоку. Следы деревянного настила на полу отсутствуют: пол, вероятно, был земляным. Внутреннее пространство ограничено стенками из досок или плах шириной 20-25 см. Расстояние между ними и стенками котлована забутовано песком. Большое количество глиняной обмазки, найденное вдоль стен и в засыпи, позволяет говорить о том, что доски снаружи были обмазаны слоем глины толщиной 4-5 см, которая затем, вероятно, обжигалась (?).

Столбовых ям в углах не обнаружено, поэтому, как представляется, крепление элементов конструкции стен происходило за счет незаглубленных в грунт угловых брусьев или жердей. Размеры жилого помещения – 390х440

см. Площадь котлована 21,12 м², площадь жилого пространства внутри него, ограниченного деревянными конструкциями стен – 17,16 м².

Две столбовых ямы в центральной части диаметром 14-16 см. и глубиной 15 см. на расстоянии 128 см. друг от друга свидетельствуют о расположении здесь двух столбов, крепившихся сверху к потолочной балке, положенной от северо-западной к юго-восточной стенке котлована. Концы балки, скорее всего, имели опоры за пределами котлована, т.к. размеры и глубина ям, а также расположение их в рыхлом песчаном грунте не позволяют видеть в них следы капитальных опор.

О конструкции печи, которая занимала значительную часть пространства землянки, можно судить лишь приблизительно по ее основанию. Печь сохранилась у северо-восточной стенки в виде прокаленного сверху глиняного массива грушевидной формы 130х160 см., высотой около 35 см от дна котлована. Вытянутый в южном направлении выступ, очевидно, свидетельствует, что топочное отверстие находилось с этой стороны. По форме основания печь близка к конструкции глинобитной печи из Переславля-Хмельницкого XII-XIII вв.⁹

Два камня неправильной формы (известняк и песчаник) размерами 15х20 см., расположенные по северо-восточной и юго-восточной стенам в 180-190 см. от юго-восточного угла, могли служить подставками под столбы - распоры для крепления лавок (?). В самом углу - неглубокое (4-6 см.) углубление размерами 20х40 см. в песчаном грунте дна, оставленное еще одним подобным камнем.

Вход в жилище мог находиться в восточной стене около северо-восточного угла. Скорее всего, для этого служил дополнительный угловой тамбур, повернутый входом на запад (соор. 24). Сходная конструкция входа исследована Т.А. Хлебниковой при изучении древнерусского поселка в Болгаре¹⁰.

Постройка землянки относится к золотоордынскому времени. Датировку уточняет монета Сельджукидов Рума, чеканенная от имени Кей-Кавуса бин Хосрова (султана Рума 1211-1219 гг.). Среди других находок три наконечника - срезня XIII-XIV вв., костяной кочедык, пуговицы, фрагменты костяных накладок на колчан и пластин – заготовок для их производства (рис.4, 1-9). Аналогии колчанным накладкам широко представлены в материалах золотоордынского времени Среднего и Нижнего Поволжья XIII-XIV вв. Следы

9 Древняя Русь. Город, замок. Село//Археология СССР.М., 1985. – С.147. – Табл.40, 4.

10 Хлебникова Т.С. Древнерусское поселение в Болгарах//КСИИМК. №62. – М., 1956. – Рис.50, 3.

обработки несут также стержни рогов из засыпи землянки, что позволяет говорить о расположении здесь косторезной мастерской. Известны они и в материалах Болгарского городища¹¹. Следует обратить внимание на высокий процент древнерусской посуды в керамическом материале жилища: 17,27% - от общего количества, 33,3% - на уровне дна сооружения, и находки костей свиньи (3 особи), которые в материалах Болгарского городища увязываются с проживанием немусульманского населения. По предположению М.Д. Полубояриновой, если от 10 до 50% керамики в жилище составляет древнерусская посуда, то хозяева дома или кто-то из них были русскими¹².

По общей типологии неполивной посуды Волжской Болгарии в целом и Болгарского городища в частности, разработанной Т.А. Хлебниковой, керамика древнерусских истоков отнесена к XIV группе¹³. В эту группу объединена собственно древнерусская посуда (подгруппа 1; по М.Д. Полубояриновой - группа А: тесто с примесью песка, иногда дресвы, обжиг неровный, черепок после обжига преимущественно темно-серый, белый, иногда с розоватым оттенком, на изломе трехслойный,) и производная от нее керамика, сделанная в Болгаре по древнерусским образцам, но из формовочных масс и с применением обжига, которые были характерны для общebolгарской посуды (подгруппа 2; по М.Д. Полубояриновой - группа Б: тесто без видимых примесей, черепок после обжига плотный и звонкий, темно-серого, иногда с красноватым оттенком цвета). М.Д. Полубояринова причисляет к древнерусской посуде также керамику, форма которой близка к древнерусской, но в отличие от предыдущих двух групп, с примесью толченой раковины в тесте. Кроме других памятников Волжской Болгарии она известна также в Горно-Марийском р-не Мари Эл и в Чувашии (по М.Д. Полубояриновой – группа В, тесто с примесью раковины, иногда – шамота, обжиг слабый, черепок после обжига темно-серый или черный, на изломе однослойный или трехслойный, темный)¹⁴. Это посуда, объединенная Т.А. Хлебниковой в XVI группу (т.н. «славяноидная»), по ее мнению, марийско - чувашского происхождения, принадлежащая марийскому населению Болгара¹⁵.

11 Закирова И.А. Косторезное дело Болгара//Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988. – С.229. –Рис. 99, 14-16.

12 Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X-XV вв....С.57

13 Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара//Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. – М., 1988. – С.31-33.

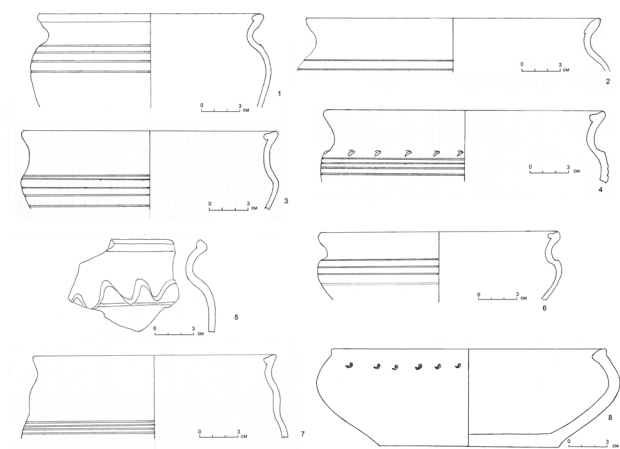
14 Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X-XV вв....– С.35.

15 Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара....- С. 33-34

Керамический комплекс описанного жилища на первом строительном этапе представлен, в том числе, фрагментами кухонных горшков и чашей древнерусского облика. Сосуды изготовлены из неожеженной и слабоожеженной глины, формовочные массы с примесью песка и дресвы, после обжига, преимущественно, белого или темно-серого цвета, чаще всего, с трехслойным на изломе черепком (группа А). Все фрагменты получены в нижнем ярусе заполнения, тяготеют к дну объекта.

Согласно типологии древнерусской керамики, разработанной на материалах Болгарского городища М.Д. Полубояриновой, по форме венчика они соотносимы с сосудами III, IV, VIII типов¹⁶.

Тип III отличает изогнутый наружу и завернутый внутрь венчик. В Болгаре встречен в комплексах XII-XV вв. На Руси характерен для XII- первой половины XIII в.¹⁷ В сооружении 25 два фрагмента венчиков можно соотнести с данным типом (рис.5, 2,5). Один фрагмент белоглиняный с линейным

Образцы древнерусской керамической посуды из I строительного горизонта. 1, 3, 4, 6 – IV тип; 2,5 – III тип; 7 – VIII тип; 8 – чашевидный сосуд

¹⁶ Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X-XV вв.... – С.39.

¹⁷ Там же.– С.38.

орнаментом в основании шейки, второй – из ожелезненной глины, с буровато-серым после обжига черепком и линейно-волнистым орнаментом.

Тип IV. Данную посуду отличает завернутый внутрь и приплюснутый край венчика с бороздкой на месте примыкания к шейке. Плечики узкие, при переходе от шейки к плечу – часто с ребром. Орнамент линейный, сочетающийся с ногтевым. В Болгаре стратиграфически датируется XII-XIV вв.¹⁸ Сосуды подобной формы встречаются довольно часто: на Смоленщине (городище Воищина, XII - первая половина XIII в.)¹⁹, в Новгороде (с рубежа XI-XII по XIII в.), в Торжке²⁰. Формы венчиков из сооружения 25 (рис.5. 1,3,4,6) также близки тверским сосудам III и VI групп, выходящих из употребления соответственно в конце XIV – начале XV в. (III) и в 1380-х гг. (VI)²¹.

Тип VIII. К данному типу относится один фрагмент миски (рис.5,7). Сосуд белоглиняный, тесто с примесью дресвы, черепок после обжига серого цвета, на изломе трехслойный. Орнамент линейный. Шейка длинная с изгибом посередине. Оформление края венчика подобно сосудам IV типа. Сосуды данного типа известны в Болгаре лишь в позднеордынском слое²².

Чашевидный сосуд (рис. 5, 8) изготовлен из ожелезненной глины, тесто с примесью дресвы. Черепок после обжига буровато-коричневого цвета, орнамент ногтевой. Плечико выступающее, устье вогнуто внутрь. Венчик оформлен выступами по краю. Сосуды, оформленные венчиками подобного типа (т.н. «секировидные»), распространены в Ростовской земле в XII-начале XIII в.²³. Известны они в небольшом количестве во Владимире (тип 8а, менее 5%)²⁴.

18 Там же.- С.39

19 Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли//МИА. – М. вып.92, 1960 – С.87.

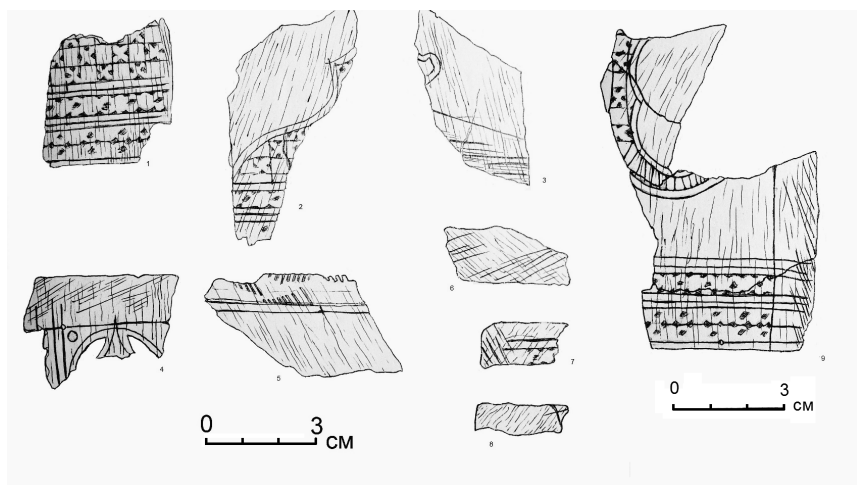
20 Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951 -1954 гг.). // МИА, вып. 55. – М. 1956. – С. 239.

21 Лапшин В.А. Тверь в XIII-XIV вв.(по материалам раскопок 1993-1997 гг.). СПб, 2009. – С.128

22 Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X-XV вв....– С.40.

23 Кадиева Е.К. Круговая керамика Ростова конца X-XIII веков: классификация, орнаментация, хронология//Сообщения Ростовского музея. Выпуск VIII. – Ростов, 1995. – Табл.5, вариант 8.

24 Майорова Е.В. Опыт статистической обработки керамического материала из раскопок в 13-м квартале города Владимира в 2008 г.//Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. – М.,СПб. – С.146

Фрагменты колчаных накладок. Кость

Среди иных керамических сосудов первого строительного периода – светильники в виде плошек общеболгарского типа, обломки котла с примесью песка в тесте и цилиндрической профилированной горловиной, представляющего собой, вероятно, развитую форму сосудов XIII группы. Интересной находкой из соор. 25 первого периода жилища является донце лампы зеленого прозрачного стекла с горизонтальным рифлением и шарообразным утолщением на конце. По мнению С.И. Валиуллиной, прототипом данного рода изделий выступают раннесредневековые византийские лампы. В Биляре подобные вещи датируются XI - началом XIII вв. Наиболее близки найденному в землянке предмету изделия типа Ia²⁵.

Этот материал в совокупности позволяет предположить, что исследованный объект был использован для жилья выходцами из древнерусских княжеств. Строительство землянки можно отнести ко времени не позднее середины XIII в.

Из горизонта жилища происходит множество предметов, связанных с бытом и повседневной хозяйственной деятельностью владельцев жилища: глиняное грузило и пряслице, железные ножи универсально-хозяйственного типа, гвозди и скобы, инструменты (железное тесло, фрагмент нож-

25 Валиуллина С.И. Стекло Волжской Болгарии по материалам Билярского городища. - Казань, - С. 50-52. – Рис. 22, 5.

ниц, швейные иглы и лучковое сверло), пробой с кольцом. Среди находок в слое, прилегающем к полу землянки, есть также железные наконечники стрел. Два из них, наконечники – срезни, характерные для монгольского вооружения XIII-XIV вв., были найдены в юго-восточном углу при расчистке пола. Наконечники были соединены друг с другом при помощи скрученной кольцом железной пластины.²⁶ Среди находок, связанных с оформлением конской сбруи, компактно к северу от печи найдено 8 округлых железных накладок полусферической формы с внутренним штырем для крепления. Украшения представлены обломком бронзового пластинчатого браслета со стилизованной львиной личиной на конце. Браслеты подобного облика характерны для золотоордынского времени²⁷.

II строительный этап.

Исследование верхних горизонтов сооружения позволяет говорить о существенной перестройке здания на определенном этапе использования, из землянки в жилище полуназемного или наземного типа. В этот период были разобраны конструкции предыдущей постройки, разрушена печь, и часть котлована засыпана плотным суглинком со стержнями рогов крупного рогатого скота (150 шт.), являвшимися, очевидно, отходами существовавшего здесь косторезного промысла. Стержни рогов КРС, возможно, играли роль теплоизоляционного материала и предохраняли конструкцию постройки от проседания. После засыпки глубина котлована составила 50-60 см. На этом уровне (-117-119 - 122-128 от «0») зафиксированы следы, которые могли быть остатками конструктивных элементов постройки второго строительного этапа. Рядом с северной стенкой сооружения, тяготея к его северо-западному углу, на -125-128 см. от «0» находились три столбовые ямы диаметром 16-18 см. и глубиной 40 см. Расстояние между ними 58 и 14 см. Еще одна столбовая яма определилась на -122 от 0 в юго-восточном углу. Ее диаметр -40 см., глубина - 70 см. На глубине 2 и 3 выборки вдоль юго-западной стенки прослежен массив известковой заливки длиной 140 см., мощностью 20-40 см. Не исключено использование этого массива как фундамента или подиума для отопительного устройства, с разрушением которого могут быть связаны кирпичный бой и зольные пятна в засыпи

26 Баранов В.С. Отчет об археологических исследованиях Болгарского городища раскопом СХХII в 1996 году// Док. фонд БГИАМЗ 757-2/112. – Л.24.

27 Крамаровский М.Г. «Булгарские» браслеты: генезис декора и локализация//СГЭ. XLIII. – Л., 1978.- С.46-51.

верхних горизонтов сооружения. К остаткам второго строительного этапа следует отнести следы деревянной конструкции в виде канавки, ориентированной СЗ-ЮВ (-117-119 см от «0»). Размеры: длина – 360 см., ширина 35-40 см., глубина 10-15 см. С юго-востока канава имеет округлое расширение диаметром 82 см. Реконструировать конструкцию постройки данного периода можно следующим образом.

Вход был перенесен на северо-западную стену. Здесь, со смещением к западному углу, был уложен мощный глиняный массив, в котором укреплены столбы входного проема. Несущую роль выполняли два столба – один в юго-восточной части котлована, а другой в 80 см. к юго-западу от края котлована. Еще один столб намечен в профиле западной стенки кв. И/24, рядом с северо-западным углом. Печь, вероятно, находилась рядом с юго-западной стенкой, тяготея к юго-западному углу.

Комплекс жилища второго строительного периода содержит большое количество изделий из железа. Среди них корпус цилиндрического замка. По типологии Л.Л. Савченковой - тип А14 - форма широко распространенная в Болгаре в конце XIII-XIV вв. Она отличается усиленным корпусом и оснащением ключевого отверстия вертикальными щитками²⁸. Изделие соответствует замкам типа Г по новгородской типологии, появившимся в конце XIII и бытовавшим до второй половины XV в.²⁹

Обращают на себя внимание железная фурнитура для ремня и сумки. Железная накладка с фестончатыми концами близка по форме к накладкам типа ВП из кочевнических древностей XIII-XIV вв.³⁰

Крупная фигурная накладка для оформления клапана сумки изготовлена в виде трилистника с отверстиями для крепления на концах. Подобного рода изделия известны в кочевых древностях Восточной Европы и в материалах Нового Сарая, датированных монетами 30-х – первой половины 60-х гг. XIV в. Бронзовые накладки такой же формы найдены в кочевнических погребениях золотоордынского времени на территории Волгоград-

---

28 Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология//Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996. – С.42.

29 Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого//МИА. №65. – М., 1959. – С.82.

30 Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. – С.50. –Рис.8,3.

ской и Саратовской областей, на городище Укек. Вероятно их изготовление по образцу тяньшаньско-южносибирских изделий XII-XIV вв.³¹

Принимая во внимание датировку данного типа изделий, второй строительный этап жилища можно датировать не ранее второй трети-середины XIV в., что соответствует горизонту IV поздне-золотоордынского слоя стратиграфической шкалы Болгарского городища.

Исследованное жилище с древнерусской керамикой относится к третьему периоду застройки в юго-восточной части Болгарского городища, который характеризуется бытованием периферийного ремесленного поселка середины XIII-начала XIV в. На этом этапе описанный объект является местом размещения мастерской костореза, специализировавшегося, вероятно, на изготовлении колчанных накладок в характерном для XIII-XIV вв. кочевническом стиле. Продукция мастерской была предназначена для представителей золотоордынской знати, с которыми жители поселка могли быть связаны отношениями личной зависимости и экономическими интересами.

---

31 Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. – М., 2000. - С.94.

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПОВЕТЛУЖЬЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Долгополов С.В.

Марийский НИИ языка, литературы и истории, г. Йошкар-Ола

Памятники раннего железного века (далее – РЖВ) Поветлужья представляют собой один из самых интересных локальных районов распространения населения племен с гребенчато-шнуровой керамикой, относимой к ананьинской культурно-исторической общности (далее – КИО). Занимая промежуточное положение как между памятниками общностей с «текстильной» керамикой и ананьинской КИО, так и между вятскими и волжскими памятниками гребенчато-шнуровой керамики - потенциально скрывают в себе многие ответы на вопросы культурного взаимодействия и хронологического соотношения двух крупнейших культурных общностей Поволжья в ареале их взаимопроникновения.

Начало изучения памятников РЖВ в Поветлужье относится к 1883 г, когда Ф.Д. Нефедовым были предприняты раскопки на Одоевском городище в ходе которых была снята «насыпь» на протяжении 110 футов (около 33,528 м) и глубиной до 10 футов (около 3,048 см). Материалы были опубликованы в «Приложении» к протоколу заседания Антропологического отдела Общества Любителей Естествознания от 2 декабря 1884 г. Д.Н. Анучиным на Девятом Археологическом съезде в Вильно был так же опубликован «амулет» из человеческой кости из материалов Нефедова и воспроизведены описания памятника и процесса исследований. Судя по ним, выявлено деление культурного слоя на три «пласта», зафиксировано 5 конструкций («очагов»). Большое количество кремневых изделий подтолкнуло соотнести памятник с эпохой камня, а отсутствие крупных форм, «грубое» качество – отнести к палеолиту. Однако уже Анучин определил, что большинство кремней «осколки от фабрикации», что свойственно памятникам РЖВ наряду с примитивностью изготовления и отсутствием орудий крупных форм из камня, собственно же кремневых орудий менее чем полтора десятка. Он же отметил, что определенные в качестве изображений голов животных кремни не являются таковыми за исключением нескольких изделий с «глазками». Также Анучин впервые соотнес отдельные изделия с

вещами из «костеносных» городищ, по сути с тем что позднее стало соотноситься с ананьинской КИО, что, впрочем, не помешало и ему отнести памятник к неолиту¹. Невысокий методологический уровень раскопок не позволил толком зафиксировать стратиграфические и планиграфические наблюдения. Вещевой комплекс опубликован лишь в виде отдельных единичных предметов и даже они практически никак не соотнесены со слоями. А по сообщению Нефедова было получено около 50 тысяч (!) предметов и их фрагментов, из которых было отобрано не менее тысячи. Даже типологически не были выделены разновременные комплексы. Известно также о проведении исследований Нефедовым на Старошангском городище в 1885 г. Однако результаты исследований не публиковались.

В 1894, 1896, 1898 годах А.П. Поливановым проводятся раскопки на Богородском городище. Работы Поливанова уже носят черты определенной методичности. Ведутся дневники раскопок, переданные впоследствии в КГУАК, тщательно осмотрена прилегающая местность и изучены близлежащие к городищу площадки на схожих «холмах» (останцах), отдельно стоит отметить опись практически всех сделанных находок с указанием конкретного местонахождения в траншеях. Как и Нефедовым, словесно фиксируются «очаги», по всей видимости, представляющие остатки не полностью прослеженных конструкций. Однако и здесь отсутствуют стратиграфические наблюдения и материал с памятника с разновременными слоями не расчленяется. Поливанов материалы городища относит также к каменному веку, но надо отметить, что он считал продолжительность каменного века едва ли не до не начала н.э. Комплекс городища так же воспринимается им как единое целое².

В 1903 году Н.М. Бекаревич проводит небольшие раскопки на Одоевском, Чертовом, Богородском городище. Работы Бекаревича заключались в закладке небольших траншей. Если для Чертова городища его действия можно оправдать получением начальных сведений о слое и культурно-хронологической принадлежности памятника, то траншеи на Одоевском и Богородском городище были, по большому счету, удовлетворением любо-

---

1 Анучин Д.Н. Амулет из человеческой кости и трепанация черепов в древние времена в России // Труды Девятого Археологического съезда в Вильне 1893. Т. I. – М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1895. – С. 283-298. Табл. VIII-X.

2 Поливанов А.П. Исследование Богородского городища Варнавинского уезда // Костромская старина. Вып. 5. – Кострома: КГУАК, 1901. – С. 264-299.

пытства. Вместе с тем находки стеклянной бусины с «глазками», тиглей позволили опровергнуть представление о Богородском городище как о памятнике конца неолита и перехода к железному веку. Этот же вывод распространен и на Одоевское городище (ссылаясь на находки с него). Характерно, что и публикация материалов ограничилась заметками в Костромских губернских ведомостях, воспроизведенными в «Археологической хронике» Известий Императорской Археологической комиссии. Фрагменты глиняной посуды описаны всего двумя словами – «древние черепки», упомянуты отдельно несколько индивидуальных находок и лишь медный идол с Богородского городища удостоился более подробного словесного описания. Ну и, традиционно, памятник воспринимается как единый по времени бытования комплекс³. Собственно в историографии справедливо отмечается, что исследования Бекаревича в отношении памятников РЖВ – лишь сбор общего материала о древностях региона и проявление моды на культурные древности⁴.

Несколько более значимыми оказались раскопки В.И. Каменского в 1908 г. на Чертовом городище. Помимо вещевого материала выявлены тройное погребение на валу, следы конструкций («кузницы» и «жилища»). Каменский сумел проследить наличие двух слоев на памятнике, причем отметил, что керамика с примесью в тесте толченой раковины и раковины *Unio* принадлежат к нижнему слою. На основании стратиграфических и типологических наблюдений было определено наличие двух разновременных комплексов. По топографическим особенностям ветлужские городища были сопоставлены с вятскими, а керамика с толченой раковинной сопоставлена «с гончарными изделиями Камской Чуди вообще, а в частности из Ананьинского могильника». Костяные изделия нижнего слоя сопоставлены с материалами вятских ананьинских памятников из публикаций А.А. Спицына. Широкое знание археологического материала впервые позволило сопоставить ветлужские городища с ананьинской культурой. Подчеркнута принадлежность кремневых орудий труда именно к нижнему слою. Даны

3 Известия Императорской Археологической комиссии. Прибавление к вып. 6. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1903. С. 40; Известия Императорской Археологической комиссии. Прибавление к вып. 10. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1904. – С. 55-56.

4 Новиков А.В. История археологического изучения памятников Костромской низины с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 1. – С. 9.

общие описания орнаментики керамики РЖВ. В таблицах иллюстраций к статье опубликованы фотографии индивидуальных находок (в том числе и отдельные вещи с Богородского городища). Публикация материалов на голову выше предшественников. Значительно более подробные описания вещей, попытки стратиграфических наблюдений, на порядок большее знание археологических материалов с разных территорий позволили сделать шаг вперед в культурной атрибуции памятника и его вещевого комплекса. Сами материалы раскопок были частично опубликованы уже на следующий год⁵.

Исследования поветлужских городищ (включая комплексы РЖВ) в дореволюционное время при всем их методологическом несовершенстве, выборочном и скудном вводе в научный оборот позволили осуществить своего рода первое знакомство с ананьинскими памятниками региона. При этом Каменский сумел выделить разновременные комплексы, сопоставить памятники и инвентарь с материалами ананьинской КИО, в том числе и с вятскими памятниками, что, по сути, было первым шагом в определении культурной принадлежности. Факт наличия крупных археологических комплексов в Поветлужье позволил ставить задачи по их изучению на следующем уровне развития археологической науки.

В 1925-26 гг. Антропологической Комплексной экспедицией Института антропологии МГУ проводятся исследования на городищах Поветлужья. В том числе ведутся раскопки на Одоевском, Чертовом, Шангском, Богородском, Русенихинском городищах. Однако длительное время материалы оставались под спудом. Лишь в статье Г.В. Никольского 1935 года по ихтиофауне Ветлуги и Вятки использовались материалы с ветлужских городищ, однако в силу того, что определения рыбных останков сделаны в общем и никак не разделяются хронологически ценность публикации для характеристики конкретно РЖВ весьма опосредована⁶. Издание материалов стало возможно только в 1951 г. В рамках 22 номера «Материалов и исследований по археологии СССР» из 24 печатных листов почти половина была отведена под публикацию материалов экспедиции. Впервые материалы исследований ветлужских городищ были изданы подробно (включая массовый материал) и на высоком научном уровне.

5 Каменский В.И. «Чортово городище» в Ветлужском уезде по раскопкам 1908 года // Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. VIII. – СПб., 1909. 12 с. VI табл.

6 Никольский Г.В. Материалы по ихтиофауне городищ бассейнов Ветлуги и Вятки // Зоологический журнал. Т. XIV. Вып. 1. – М., 1935. – С. 79-96.

О.Н. Бадером даны описания, общая характеристика городищ и материала с них. Уточнен характер напластований культурного слоя на Одоевском городище, где удалось достаточно уверенно вычленить 4 различных прослойки, при этом достоверно увязать одну из них с населением эпохи РЖВ, проследить первоначальное насыпание вала в ананьинский период. По стратиграфическим наблюдениям, описываемые Ф.Д. Нефедовым «очаги» (по всей видимости частично зафиксированные следы жилищ) были привязаны к нижнему (четвертому) слою. С ананьинским комплексом удалось связать второй и третий слои, сохранившиеся лишь частично. Осмотр кремневых осколков позволил установить ошибочность интерпретации их в качестве скульптурной пластики не только Нефедовым, но и даже Анучиным, считавшим таковыми лишь камни с «глазками». Собран значительный вещевой комплекс, включая «ананьинскую» посуду с толченой раковинной в примеси, орудия труда, предметы вооружения, украшения. Вещевой инвентарь позволил сделать однозначный вывод о «сложном охотничье-скотоводо-земледельческом хозяйстве» с наличием разнообразных ремесел. Исследованиями на Чертовом городище изучена стратиграфия вала, подтверждены наблюдения Каменского о наличии двух культурных слоев разного времени (со стратиграфическим разделением) и привязки нижнего к периоду заселения городища населением РЖВ. Установлено, что глубина культурного слоя у основания вала больше, нежели считал Каменский, судя по стратиграфии, принявший за материк приносной грунт. На Богородском городище также установлено наличие двух слоев, однако комплексы вещей РЖВ и средневековья по утверждению автора характерны для обоих и стратиграфически не разделяются. Здесь же частично разрезаны остатки вала. Коллекции вещей из комплексов РЖВ сопоставляются с вещами камско-вятских «костеносных» городищ и относятся О.Н. Бадером к ананьинской культуре. В то же время надо отметить, что Русенихинское, Чертово городища полностью относятся к РЖВ, хотя в случае с Чертовым городищем ещё в 1908 году было установлено наличие двух комплексов, а на Русенихинском в верхней части слоя найден крестик, датированный XII-XIII вв. Ветлужские городища окончательно определены как крайне восточная граница распространения памятников ананьинской культуры на восток. Автор соотносит ранние комплексы Богородского, Русенихинского и Чертова городищ с начальным этапом ананьинской культуры и, считая «обилие» шнуровой керамики признаком хронологического отличия от

камских городищ, датированных Збруевой IV-III вв., датирует их VII-V вв. Вполне справедливо отмечаются отличия керамики ветлужских городищ от прикамских (почти полное отсутствие «воротничка» или, что точнее, иная форма валиковых налепов, более богатые орнаментальные мотивы, разница в их наборе). По утверждению исследователя, даже вятские городища значительно ближе к камским, нежели к ветлужским, которые, по его мнению, составляют особый вариант ананьинской культуры. В качестве основного связующего пути между камскими памятниками и ветлужскими называется Волга. Несколько наособицу стоит в схеме Бадера Одоевское городище, считаемое позднеананьинским (и раннепьяноборским) и датируемое IV-III вв. до н.э. с бытованием памятника до III в. н.э. При этом так же фиксируется отличие керамики второго слоя Одоевского городища от керамики камских памятников. Стоит отметить, что на современном этапе место ветлужских памятников в системе ананьинской КИО видится несколько иначе, но при опоре на материал начала 50-х годов, данная точка зрения вполне логична. На основе костного материала и орудий труда подчеркивается наличие элементов производящего хозяйства, но в то же время несомненна роль охоты и, в первую очередь, на пушного зверя⁷.

Статья М.В. Воеводского по керамике городищ Ветлуги и Унжи содержит подробное описание и анализ комплексов керамики РЖВ. В основу классификации положены форма, орнамент посуды, визуально наблюдаемые технологические особенности. Воеводский также выделяет керамику второго слоя Одоевского городища в комплекс более поздний по сравнению с остальными. Указывается на резкое различие между керамикой с примесью раковины и примесью дресвы и шамота в тесте. Собственно общего у них исключительно формы верхней части. Стремление создать реперную шкалу хронологии слоев и комплексов сыграло злую шутку и с Бадером, и с Воеводским. Насколько можно судить, материалы второго слоя Одоевского городища не являются одновременными, включая в себя как гребенчато-шнуровую керамику с единичными включениями «сетчатой», так и небольшой процент поздней дяковской посуды. Видимо, с присутствием какого-то дяковского населения связаны элементы, вынудившие датировать существование второго слоя вплоть до начала н.э. Попытки рассматривать керамику явно более позднего происхождения в едином комплексе

---

7 Бадер О.Н. Указ. соч. – С. 110-158.

привели к ошибочному выводу об эволюционном происхождении различий в искусственно объединенной в одно целое керамике⁸.

А.Н. Формозовым были определены костные останки с каждого городища и сделан подробный обзор результатов. Результаты изучения свидетельствовали о фауне, близкой современной, но обнаруживали в ней присутствие животных к 20 веку вымерших в Поветлужье почти либо совершенно полностью. Отчасти прослежена разница по остаткам из разновременных комплексов, требующая, впрочем, учета некоторых ошибок в хронологической шкале. Так материалы с Чертова городища рассматриваются как ананьинские с обоих слоев⁹.

В 1956-1958 великим советским археологом А.Х. Халиковым по сути с нуля создается Марийская археологическая экспедиция и проводятся масштабные исследования в Марийском Поволжье и сопредельных регионах, в том числе, в Поветлужье. Выявлено Шилихинское городище с керамикой РЖВ на нем. Проведены раскопки на Чертовом, Богородском, Русенихинском городищах. Отчеты об исследованиях были написаны на уровне, близком к современному, и на голову превосходили отчеты многих исследователей 1950-х. Раскопки подтвердили ананьинский характер РЖВ на Ветлуге. А.Х. Халиков, вслед за О.Н. Бадером, считал, что отдельные группы ананьинского населения на Ветлуге доживают до 3 в. н.э.¹⁰ В этом случае мы имеем дело с некритичным восприятием наблюдений на Одоевском городище и привязывания к нему всех остальных комплексов и осмыслением «сетчатой» керамики как признака продвижения в Поветлужья позднего городецкого населения. Подтверждено наличие на Чертовом городище средневекового слоя и выявлены вещи, оставленные явно населением эпохи бронзы фатьяновского облика. Было установлено, что два слоя, выделенных предыдущими исследователями, разделяются отнюдь не так

8 Воеводский М.В. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии СССР. № 22. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III. – М.: АН СССР, 1951. – С. 159-180.

9 Формозов А.Н. Материалы к истории фауны Приветлужья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 22. Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III. – М.: АН СССР, 1951. – С. 181-190.

10 Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды МарАЭ. Т. II. Железный век Марийского края. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1960. – С. 18.

четко, как могло бы показаться¹¹. В.Е. Стояновым на Богородском городище были выделены 4 слоя в отличие от предыдущих исследователей, второй и третий из которых увязываются с ананьинским комплексом¹².

После работ 1950-х годов городища Поветлужья обычно включаются в сводки памятников практически во всех крупных обобщающих работах, при этом автоматически попадая в различные западные «локальные варианты» и т.п., однако материалы городищ, привлекаясь при рассмотрении крупных общностей, теряются в общей массе; каких-либо заметных полевых исследований не проводится. Пожалуй, наиболее значимое для изучения ветлужского ананьина общее исследование – диссертация В.Н. Маркова 1988 г., быстро ставшая известной в кругах специалистов и активно использовавшаяся задолго до полной публикации в виде монографии в 2007 г.¹³ Проведя анализ керамических комплексов, он выявил и доказал разделение ананьинской общности на несколько культур с различными керамическими традициями. Работа Маркова осуществила переворот в изучении ананьинской проблемы. Выделение культуры с гребенчато-шнуровой керамикой, её географическое и хронологическое определение позволяет по новому взглянуть на материалы ветлужского РЖВ и его место в ряду «ананьинских» памятников.

Назрела необходимость рассмотрения ветлужских памятников как локальной группы, соотношения с локальными группами памятников гребенчато-шнуровой керамики на Вятке и Средней Волге. Крайне интересным представляется определение связей культуры гребенчато-шнуровой керамики как с западной общностью культур с сетчатой керамикой, так и со степными культурами, в которых ветлужские памятники являются связующим звеном с вятскими. Имеет смысл проверить ряд вопросов хронологии, поскольку тезис о существовании ананьинского населения на Ветлуге до III века н.э., выглядит весьма спорным на фоне запустения соседних территорий не позднее III в. до н.э. Для решения вопроса о месте и роли ветлужских памятников необходимы новые исследования. В том числе с поиском новых памятников. Всего 7 памятников на огромный речной бассейн явно не предел. Принадлежность Старошангского городища до сих пор под вопросом, поскольку его датировка неопределенна. Утверждение Бадера о

11 Отчет о полевых работах МарАЭ за 1957 год. Архив ИА РАН. Р-1, № 1470.

12 Отчет о работах МарАЭ в 1958 г. Архив ИА РАН. Р-1. № 1874.

13 Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху. – Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.

разрушении культурного слоя кладбищем не окончательно. Остро стоит вопрос о необходимости исследования систем оборонительных сооружений. Частичные исследования валов в прошлом полной картины фортификаций дать не могут. Не помешало бы проверить стратиграфические наблюдения на Одоевском городище, использовавшиеся в качестве реперных и на сегодняшний день требующие уточнения по характеру второго слоя.

Надо отметить всплеск интереса к Поветлужью на современном этапе. Однако РЖВ в Поветлужье изучался в это время скорее попутно. Либо в ходе разведочных обследований (Новикова А.В., МарАЭ и Ветлужской АЭ). Либо в результате раскопок, нацеленных на исследование средневекового слоя, как в 2009 на Чертовом городище¹⁴. В числе выявленных Ветлужской АЭ памятников в Варнавинском районе упоминаются памятники с комплексами РЖВ, однако кроме «отдаленного сходства» фрагментов керамики, других оснований датировки нам неизвестно¹⁵.

---

14 Ефремова Д.Ю. Отчет о раскопках Чертова городища в Нижегородской области летом 2009 года. НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 1138.

15 Пудеев А.А. Памятники эпохи бронзы, раннего железного века и раннего Средневековья на территории Варнавинского района Нижегородской области // Нижегородский музей. – № 20. – 2010. – С. 86-89.

ДВУГЛАВЫЕ ПЛАСТИНЧАТЫЕ ПОДВЕСКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ XI – XIII ВВ.

Кузнецова В.Н.

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

На территории лесной зоны Восточной Европы подвески в виде направленных в противоположные стороны зооморфных голов известны уже в начале I тыс. н.э. В землях Предуралья в VII–XI вв. бытуют биконьковые украшения, ставшие своеобразной «визитной карточкой» региона; изделия получают широкое распространение – находки встречаются в Зауралье, Поволжье и Приладожье, а также на территории Фенноскандии¹. В начале II тыс. н.э. меняется не только стиль двуглавых изображений, но и ареал распространения. Так, в XII–XIII вв. находки двуглавых пластинчатых подвесок также встречаются на обширной территории – от Северной Швеции до Предуралья, однако зоной их концентрации являются земли Северной Руси.

Л.А. Голубевой и Е.А. Рябининым было выделено несколько типов и вариантов двуглавых пластинчатых подвесок². Основной датировкой находок является XII в., некоторые находки отнесены исследователями к XI–XII вв. или XII–XIII вв.

Изделия вошли в научную литературу как «изображения коней», набор запечатленных образов представляется более вариативным.

В землях Северо-Восточной Руси получили распространение подвески с фигурными прорезями в нижней части щитка (Рис. 1: 1-3). Изделия представляют собой симбиоз прикамской и прибалтийско-финской стилистики. На головах некоторых подвесок обозначены кольцевидные навершия (Рис. 1: 2-3). Изделия с подобным оформлением не получили распространения в Верхнем Поволжье, судя по всему, образ рогатого животного был в большей степени востребован на территории Межозерья и Подвинья, что подтвержда-

---

1 Голубева Л.А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // Советская археология. – 1966. – № 3. – С. 80 – 98.

2 Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. – М., 1979; Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. – Л., 1981.

ется и находками одноглавых пластинчатых подвесок, вероятно, изображающих оленя или лося³.

Еще одной распространенной разновидностью двуглавых подвесок являются украшения с подпрямоугольными прорезями в нижней части щитка (боковые прорезы иногда имеют подтрапещевидную форму). По классификации Е.А. Рябины подобные украшения составляют вариант 3 типа VII (Рис. 1: 4-7). Исследователь писал, что данные подвески «различаются формой и количеством ажурных прорезей, а также размерами... Но по основным своим признакам все изделия характеризуются полным сходством, свидетельствующим о родстве их происхождения»⁴. Находки преимущественно происходят из северо-восточных земель Древней Руси. Однако разнятся не только количество прорезей, конфигурация и пропорции щитков, но и очертания зооморфных голов. В нижней части щитка рассматриваемых изделий могут располагаться шесть, пять или четыре прорезы.

Подвески с шестью прорезями отличаются как наиболее качественным исполнением отливок, так и наиболее стройными пропорциями (Рис. 1: 4). Л.А. Голубева полагала, что в данных подвесках насечками передаются гривы коней⁵. Однако на украшениях из поселения Усть-Шексна⁶, кургана у д. Безрядова⁷, Выжумского могильника⁸, коллекции В.И. Заусайлова⁹ и проч. орнамент в виде наклонных насечек проходит по обеим сторонам шеи, а в ряде случаев просматривается и на нижнем крае щитка.

У большинства изделий ступенчатый профиль, укороченная морда и резкий переход от лба к пасти. На наиболее качественных образцах читается

3 Кузнецова В.Н. «Человек между двумя конями» (об одной разновидности двуглавых подвесок) // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Международной конференции молодых ученых. – М., 2015. – С. 142 – 143.

4 Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. – С. 21.

5 Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. – С. 45.

6 РБМ-37375-122; Справочная система Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника [Электронный ресурс]. URL <http://iss.rybmuseum.ru/kng/item/item.jsf?id=276511> (дата обращения 13.07.14)

7 Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, проведенных летом 1893 и 1894 гг. // Материалы по археологии восточных губерний России. – Т. III. – М., 1899. – Табл. 4, 18.

8 Архипов А.Г. Марийцы XII–XIII вв. (К этнокультурной истории Поветлужья). – Йошкар-Ола, 1986. – Рис. 26, 2.

9 Tallgren A.M. Collection Zaoussailov Au Musee National De Finlande A Helsingfors. – II. – Helsingfors, 1918. – Pl. II, 31.

открытая пасть с высунутым языком. Данные признаки несколько не характерны для изображения коней, но типичны для передачи образов хищников и фантастических животных¹⁰.

Ступенчатый профиль присутствует на подвесках смоленского типа, которые, как показало исследование Р. Спиргиса, изображали фантастических животных, вероятно, левкрот¹¹. Раскрытые пасти с высунутыми языками изображены на различных прибалтийских изделиях, как зооморфных и орнитоморфных подвесках, так и фибулах, украшенных змеевидными головками. Здесь также стоит упомянуть подковообразную фибулу с головами драконов из погребения 27 могильника Нефедьево, точные аналогии которой неизвестны¹².

На подвесках из Усть-Шексны¹³ и Кузомени I¹⁴ звериные черты снивелированы, и изображены удлинённые, вероятно, конские, морды.

Дата подвески из Семухино обозначена Е.А. Рябининым как XI–XII в., а, например, аналогичного изделия из Безрядовой – XII–XIII в.¹⁵. Ещё один экземпляр происходит из погребения 6 могильника Минино II, датированного Н.А. Макаровым рубежом XI–XII – началом XII в.

Некоторые подвески с пятью прорезями в нижней части щитка производят впечатление подражаний изделиям с шестью прорезями. Другие, как и украшения с четырьмя прорезями стилистически более независимы.

Различные вариации подвесок с подпрямоугольными прорезями (вариант 3 типа VII, по Е.А. Рябину) также встречаются в одних комплексах (к примеру, в погребениях 6 могильника Нефедьево и погребении 6 могильника

10 Кузнецова В.Н. Зооморфные образы в изобразительной традиции населения лесной зоны Восточной Европы II тыс. н.э. // Музей. Традиции. Этничность. – 2013. – №2 (4). – С. 58–60.

11 Спиргис Р. Находки зооморфных подвесок «смоленского» типа на территории Латвии и их новая интерпретация // *Stratum Plus*. Культурная антропология и археология. – 2012. – № 5. Другая Русь. Чудь, меря и инии языки. – СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест, 2012. – С. 195–220.

12 Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. – М., 1997. – С. 146. Табл. 152, 1.

13 РБМ-29663/67; Справочная система Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника [Электронный ресурс]. URL <http://iss.rybmuseum.ru/kng/item/item.jsf?id=220198> (дата обращения 13.07.14).

14 Ясински М.Э., Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику: Архангельский Север: проблемы и источники. – Т. I. – СПб., 1998. – С. 30. Рис. 4.4.

15 Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. – Кат. №№ 200, 202.

Крохинские Пески)¹⁶. Возможно, разнообразие изделий было обусловлено работой различных мастеров или различной ценовой категории изделий.

Экземпляры с шестью прорезями были встречены не только в Верхнем Поволжье и Белозерье, но и за пределами Руси — как в Шведской Лапландии, так и на Средней Волге — в землях Волжской Болгарии (Рис. 2). Вероятно, данная разновидность изготавливалась не только для севернорусского населения, но и на импорт, в то время как остальные разновидности двуглавых подвесок с прямоугольными прорезями бытовали только на Севере Руси (Рис. 3). Среди разнообразия изделий, бытовавших на территории Молого-Шекснинского междуречья, Белозерья и Подвинья, возможно выделить

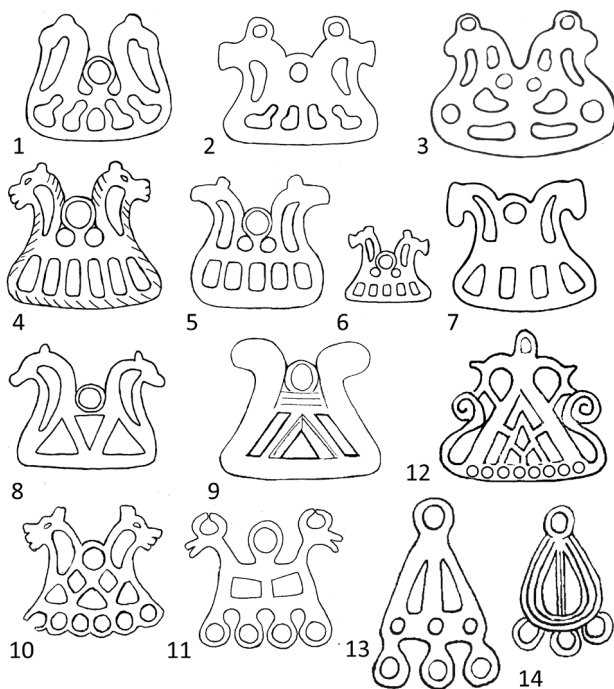

Рис. 1. Варианты оформления двуглавых зооморфных подвесок (1-11), цепедержателей (12) и каркасных подвесок (13-14).

16 Макаров Н.А. Население русского севера в XI–XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья. — М.: Наука, 1990. — С. 108, 117. Табл. XXVI, 5-6.

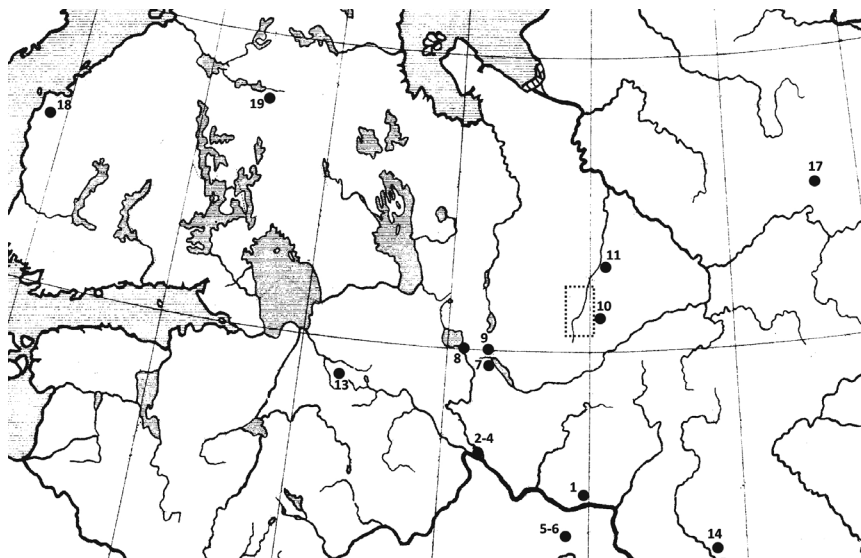

Рис. 2. Распространение двуглавых подвесок с шестью подпрямоугольными прорезями в нижней части щитка

1 – Безрядова; 2-4 – Усть-Шексна; 5-6 – Семухино; 7 – Минино; 8 – Белоозеро; 9 – Нефедьево; 10 – бывш. Вельский уезд (?); 11 – Воскресенское; 12 – Кузомень I; 13 – Мозолево; 14 – Выжумский могильник; 15 – Починковский могильник; 16 – Билярск; 17 – Кокпомъягский могильник; 18 – Тойва; 19 – Кухмо.

даже серии. К примеру, судя по метрическим параметрам, миниатюрные подвески с пятью прорезями из могильников Нефедьево¹⁷, Крохинские Пески¹⁸, Погостище¹⁹ и поселения Минино I²⁰ являются серийными отливками. Одна голова в этих изделиях расположена чуть ниже другой.

17 Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. – С. 343. Табл. 131, 20-21;

18 Макаров Н.А. Население русского севера в XI–XIII вв. – С. 206. Табл. XXI, 6.

19 Брюсов А.Я. Финское погребение X–XI вв. в дер. Погостище Кирилловского района Вологодской области // Краткие сообщения Института археологии. – 1969. – Вып. 120. – Рис. 34.

20 Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: Средневековые поселения и могильники. / Отв. ред. Н.А. Макаров. – Т.2. Материальная культура и хронология. – М., 2008. – Рис. 122, 3.

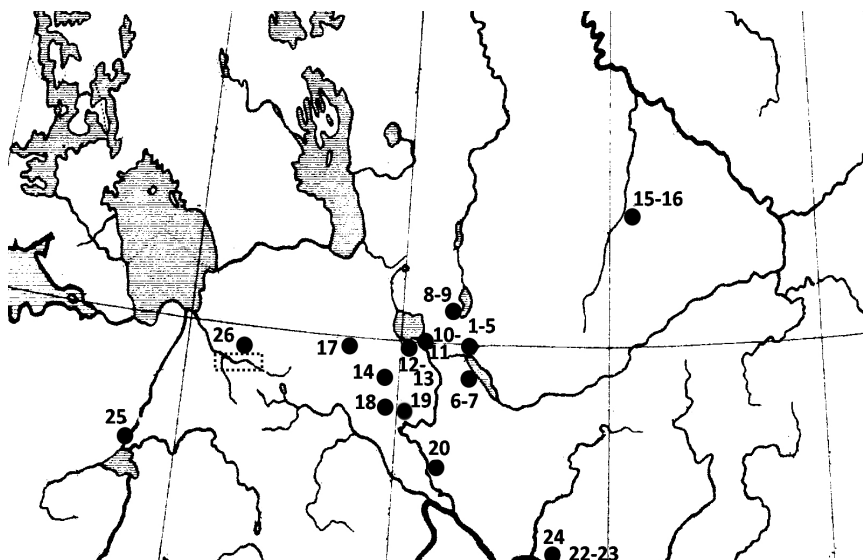

Рис. 3. Распространение двуглавых подвесок с пятью и четырьмя подпрямоугольными прорезями в нижней части щитка

1-5 – Нефедьево; 6-7 – Митино; 8-9 – Погостище; 10-11 – Белоозеро; 12-13 – Крохинские пески; 14 – Нефедьево; 15-16 – Воскресенское; 17 – Митино-Зворыкино; 18 – Кривец; 19 – Торово; 20 – Зубарево; 21 – Петрушина; 22-23 – Васильевское; 24 – Терешино; 25 – Новгород; 26 – бывш. Тихвинский уезд.

На памятниках Севера Руси были также встречены редкие разновидности двуглавых украшений. Из могильника Нефедьево происходят подвески, на щитках которых расположены три треугольных прорези, боковые направлены вершинами вверх, центральная – вниз (Рис. 1: 8)²¹. Общее композиционное решение и орнамент этих изделий говорит об их близости предметам прибалтийско-финского убора, в частности, ажурным цепедержателям (Рис. 1: 12). Из Костромских курганов происходит единичная подвеска²², на корпусе которой располагается треугольная прорезь, вершиной кверху, вдоль ее боковых сторон — две узкие наклонные прорези (Рис. 1: 9). Оформление «ге-

21 Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. – Табл. 116, 3; 142, 6.

22 Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. – Табл. 18, 18.

ометрической» части подвески напоминает цепедержатели из Тюрвья-Вяния в Финляндии²³ и Саласпилс Лаукскола в Латвии²⁴.

Появление у двуглавых зооморфных подвесок дополнительного признака в виде шумящих лапчатых привесок, согласно мнению Е.А. Рябинина, было связано с «осложнением смысловой нагрузки амулетов»²⁵. Однако вернее говорить не о наличии самих шумящих привесках, а о другой конструкции щитка, т. е. о дополнении его петлями для привесок.

В костромских курганах были встречены подвески с треугольными и ромбическими прорезами на щитке, относящиеся к типу VIIA, по Е.А. Рябинину (Рис. 1: 10). Форма щитков этих изделий близка треугольным и колечковидным подвескам, типичным для Костромского Поволжья²⁶. Щитки украшений типа IX, по Е.А. Рябинину, также схожи с каркасными и арочными подвесками (Рис. 1: 11, 13-14).

Важной тенденцией развития украшений XI–XIII вв. является взаимопроникновение изобразительных традиций. Так, в ряде двуглавых подвесок прослеживается влияние изобразительных традиций Прикамья и Прибалтики. Основой других разновидностей – двуглавых зооморфных украшений с привесками – являются каркасные подвески, распространенные в Волго-Окском междуречье. В целом, двуглавые подвески являются яркой особенностью металлопластики Древней Руси XI–XIII вв. В изделиях запечатлены различные образы, как копытных – коней и оленей/лосей, так и хищников или фантастических, полиморфных существ.

23 Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. – II. – Porvoo-Helsinki, 1973. – Taf. 89, 717.

24 Zarita A. Salaspils Laukskolas Kapulauks 10.-13. gadsimts. – Rīga, 2006. – Att. 133, 2, 4-5, 7.

25 Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. С. 22.

26 Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. – СПб., 1997. – С. 194.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ПОВЕТЛУЖЬЯ В ЭКСПОЗИЦИИ ШАРЬИНСКОГО ФИЛИАЛА КОСТРОМСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Никитина Т. Б., Шабалина Н. Ю.
Марийский НИИЯЛИ, г. Йошкар-Ола, Шарьинский филиал
Костромского музея-заповедника, г. Шарья.

Костромская область в археологическом отношении изучена достаточно полно, но Шарьинский район относится к наименее изученным территориям. На землях района до 2013 года было известно 6 памятников археологии, расположенных преимущественно на правом берегу р. Ветлуги (исключение составляет Конево, селище Кумпол). Левобережье р. Ветлуги не изучено, что объясняется, вероятно, труднодоступностью и сильной заросленностью данной территории. На территории района известны: поселе-

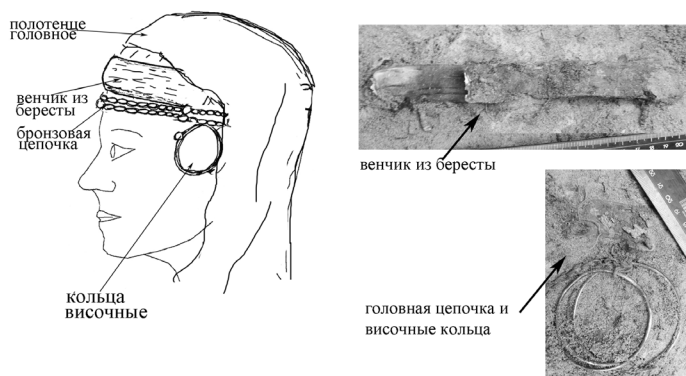

Рис. 1. Реконструкция головного убора по материалам
погребения 10 могильника «Кузинские хутора»

ние Паново городище у д. Аксеново (неолит, бронза), поселение Медведица (эпоха бронзы), Одоевское, Троицкое и Старошангское городища, Коневское селище (эпоха средневековья)¹.

1. Наибольшее внимание исследователей привлекали городища, историю и результаты изучения которых обобщил О.Н. Бадер².

В 2013 году Марийской археологической экспедиции под руководством В.В.Никитина проведено обследование по левому берегу р. Ветлуга на участке от моста через р. Ветлуга и турбазы «Ветлуга» до моста через р. Кузинка; в районе бывшего урочища Кузинские хутора обнаружено 2 новых памятника: поселение эпохи камня «Кузинские хутора» и средневековый могильник с одноименным названием. Поводом для осмотра данной территории послужили сведения жителя г. Шарьи И.В. Шахова о находках средневековых вещей в этом районе. Находки (украшения, наконечники дротиков, дирхемы – всего более 100 предметов), которые он собрал при поиске металлолома, сданы в Шарьинский филиал Костромского музея.

В 2014 году на могильнике «Кузинские хутора» проведены стационарные исследования Третьим отрядом МарАЭ под руководством Т.Б.Никитиной. Материалы этого памятника и составили основу экспозиции по археологии в Шарьинском музее.

В настоящее время на памятнике изучена площадь 88 кв.м., на которой располагалось 12 погребений.

Обряд захоронения представлен 9 погребениями с кремациями (пп. 1-8,11), в одном погребении (п.10) кости не сохранились, 1 погребение отнесено к кремации условно (п. 9), 1 разрушено (п. 12).

При обряде кремации могильные ямы имели подпрямоугольную с округленными углами, близкую к овалу, форму, с пропорциями от 1:2,7 до 1:3,7, ориентированы по направлению СВ–ЮЗ (6 погр.), СЗ–ЮВ (3 погр.), 1 разрушено. В заполнении ям на различной глубине бессистемно зафиксированы кальцинированные кости и поломанные вещи.

В погребениях 9 и 10 целые украшения разложены на дне в порядке, аналогичном для трупоположения.

Сопровождающий инвентарь представлен украшениями, бытовыми вещами, оружием, фрагментами железных предметов.

1 Археологическая карта России. Костромская область. – М., 1999. – С. 286-291.

2 Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи //Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Вып. 3. МИА, 22. – М., 1951.

По украшениям в экспозиции музея представлена реконструкция отдельных элементов костюма. К сожалению, из-за бессистемного залегания вещей в погребениях не всегда возможно определить функциональное назначение предмета, поэтому для реконструкции были использованы погребения 9, 10, в которых вещи залегали на дне и по их расположению возможно было определить место украшения в костюме.

Головной убор представлен берестяным венчиком размером 2,5 x 25 см. На поверхности бересты сохранились следы тлена от оловянистых накладок квадратной формы. Поверх венчика одевалась металлическая цепочка. В районе висков с обеих сторон к цепочке прикреплены браслетообразные кольца с одним отогнутым концом, оформленным утолщением. Данный тип височных колец и весь убор идентичен головным уборам, неоднократно реконструированным по марийским могильникам IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья³.

В других погребениях и среди подъемного материала обнаружены серьги-кольца калачевидной (3 экз.), треугольной с петлями в нижней части формы (1 экз.) и фрагменты от серьги салтовского типа.

Нагрудные украшения. Значительный интерес представляют арочные шумящие украшения с прорезной основой и с основой, украшенной фольгой, которые носились парно (пп. 9, 10). Еще Г.А. Архипов отметил, что арочные подвески с декорированием фольгой являются особенностью некрополей Ветлужско-Вятского междуречья и на других территориях встречаются редко⁴. Подвески второго типа в большей степени характерны для Пермского Предуралья⁵, встречаются в Верхнем Прикамье⁶, на Южном Урале⁷.

Треугольная подвеска 4 x 4 см из спаянных витых и гладких проволочек с шаровидными привесками (погр. 2) имеет аналогии на широкой территории Волго-Окского междуречья. По типологии Л.А. Голубевой подобные

3 Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола, 1973. Рис. 15 – 10; Никитина Т.Б., Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14. – Казань, 2012. Рис. 14, 1; 162.

4 Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. – С. 28

5 Белагин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа, 2009. – С. 209, 210, рис. 67.

6 Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев р. Камы. – Свердловск, 1989. – С. 66, рис. 51.

7 Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. – М., 1977. – Табл. I, 193, 196.

изделия отнесены к типу 3, который в свое время А.С. Уваровым и Е.И. Горюновой был назван «мерянским»⁸.

Украшения с трапецевидной основой из находок И.Шахова, выполнены в наборной технике (3 экз.), соответствуют этномаркерам марийской культуры.

Руки обильно украшены браслетами: в погребении 10 обнаружено 7 браслетов на руках и три в дополнительном комплексе в ногах. С учетом находок «поисковиков» число браслетов на могильнике составляет 28 экземпляров. Среди браслетов преобладают граненные с кружковым орнаментом, 4 плоских с расширяющимися концами имеют кружковый орнамент и декор «волчий зуб». Перстней найдено 11 экз., среди которых преобладают усатые, один с завязанными концами.

Очковидные подвески без привесок (2 экз.) и с лапчатыми привесками (3 экз.), вероятно, использовались для украшения обуви. С обувью, вероятно, были связаны и петельные с перекладиной подвески. Реконструкция обуви с использованием аналогичных украшений неоднократно производилась на материалах марийских могильников Поветлужья⁹.

Наиболее многочисленны детали поясных наборов: 75 накладок; 9 наконечников ремней, 13 пряжек. Элементы поясной гарнитуры очень разнообразны типологически и по художественном оформлении и являются ярким источником для изучения торговых и культурных контактов. Среди накладок обнаружены изделия, имеющие аналогии в памятниках Волжской Болгарии¹⁰ (рис. 2: 1,2,4,6,9,14,15,17,19,21,23), Южного Урала¹¹ (рис. 2: 2,5,10,14,15,20,23), Пермского Предуралья (рис. 2: 4,14,15,19), памятниках древней Руси¹² (рис. 2: 2,5,9,13), древних венгров¹³.

8 Голубева Л.А. К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. – Ижевск, 1982. – С. 116 – 117.

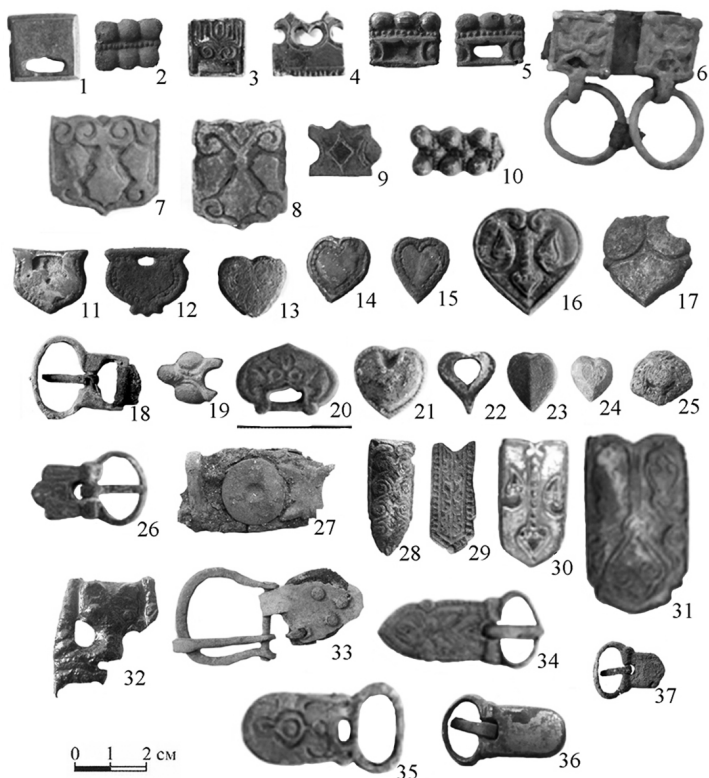
9 Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. – Рис. 15, 297

10 Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. – М., 1992.

11 Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. – М., 1977.

12 Мурашева В.В. Древнерусские ремешковые украшения (X–XIII вв.). М., 2000; Зайцева И.Е. 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 2. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. – М., С. 57–141.

13 Fodor I. The ancient Hungarians: Exhibition Catalogue. – Budapest, 1960.

Рис. 2. Поясные украшения:

- 1, 3, 4, 7-10, 13, 16, 20-23, 26, 34, 35 – из коллекции И. Шахова;
 11, 12, 17, 24, 25, 28, 32, 37 – находки из пахоты; 2, 5, 29 – погребение 6;
 6 – погребение 5; 14, 15 – погребение 11; 27 – погребение 2;
 33 – погребение 10; 36 – погребение 7.*

Бытовой инвентарь представлен игольником, кресалами и ножами. Интересны два биметаллических кресала с бронзовыми рукоятями: одна оформлена изображением скачущих в разные стороны всадников, вторая изображением двух зооморфных существ с раскрытыми пастьми, повернутых мордами друг к другу. Среди ножей для экспозиции наиболее ценным оказался фрагмент ножа с костяной рукоятью из погребения 6. Оружие

представлено наконечниками копий и дротиков. Интересным фактом является нахождение копья и дротика в женском погребении 10. Яркой находкой является наконечник ножен меча с изображением птицы. Изображение грубое, оперенье не проработано. Изделие аналогично наконечникам второго типа из Гнездово¹⁴. Близкие изделия относятся к подгруппе d «шведско-варяжской» группы и датируются временем не ранее середины X в.¹⁵

*Рис. 3. 1 – наконечник ножен меча, из коллекции И.Шахова;
2,3 – биметаллические кресала, 2 – погребение 5;
3 – из коллекции И.Шахова.*

Датировка памятника произведена по инвентарю, который свидетельствует, что не все захоронения одновременны. Наиболее ранний облик имеет погребение 10, которое на основании находок (арочные подвески с прорезной основой, биметаллическое кресало с рукоятью в виде изображений двух всадников, скачущих в противоположные стороны и т.д.) датируется рубежом IX–X вв. В погребении 6 монета чеканена 987 г. и трижды

14 Каинов С. Ю. Наконечники ножен мечей из Гнездова // Гнездово. Результаты комплексного исследования памятника. – М., 2007. – С. 189-211.

15 Paulsen P. Schwertärtbänder der Wikingerzeit. Ein Beitrag zur Frühgeschichte Osteuropas. – Stuttgart, 1953. – С. 28-33.

пробита.¹⁶ Погребение 1 датируется временем не ранее середины XI в. по находкам пластинчатого браслета с расширенными концами, украшенного орнаментом «волчий зуб»¹⁷, и треугольной подвеске из спаянных витых и гладких проволочек с шаровидными привесками¹⁸.

Таким образом, полученный вещевой материал относится к периоду с IX по XI вв.

Наиболее сложной проблемой является определение этнокультурной принадлежности памятника. Древнемарийские вещи (головной убор, височные кольца, украшения обуви и т.д.) располагаются компактно в погребениях 9, 10, 11 и образуют комплексы, характерные для населения Ветлужско-Вятского междуречья как по взаимовстречаемости, так и по местоположению в погребении. В других погребениях также встречены вещи (калачевидные и треугольные кольца-серьги, усатые перстни, граненные браслеты и различные типы накладок), имеющие многочисленные аналогии в синхронных марийских могильниках Ветлужско-Вятского междуречья. По инвентарю можно с уверенностью сказать, что часть погребений была оставлена древнемарийским населением.

Обряд захоронения погребений 1, 3, 4, 5, 6, 7, представленный бессистемным разноуровневым залеганием небольшого количества женных костей и сломанных вещей, имеет значительное сходство с группой погребений с полной кремацией в вымских и вычегодских могильниках¹⁹ и с обрядом трупосожжения населения Верховьев Камы²⁰. Отдельные пермские традиции наблюдаются и в немногочисленных фрагментах керамики, обнаруженной на могильнике. Вероятно, что часть погребений оставлена населением, связанным с территорией проживания коми.

16 Монеты определены старшим научным сотрудником Болгарского музея-заповедника Д.Г. Мухаметшиным.

17 Леонтьев А.Е. Новые данные о костромских курганах // СА, № 4. – 1984, – С. 188; Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. – М. «Скрипторий» 1997. – С. 342, табл. 130, 10; Седов В.В. Изборск в раннем средневековье. – М., 2007. – Рис. 377, 3.

18 Голубева Л.А. К истории треугольной подвески. – С. 116 – 117

19 Савельева Э.А. Пермь Вычегодская: к вопросу о происхождении народа коми. – М., 1971. – С. 45-47; Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. – Л., 1987. – С. 16-22; Королев К.С. Предки коми-зырян на Средней Вычегде (XI–XIV вв.). – Сыктывкар, 2013. – С. 24 – 25.

20 Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев р. Камы. – Свердловск, 1989.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА БАССЕЙНА Р. УНЖИ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Новиков А.В., Новикова О.В.

ООО «Костромская археологическая экспедиция», г. Кострома

На сегодняшний день в Костромском Поволжье известно, в общей сложности, 46 памятников археологии с типологически выделяемыми материалами раннего железного века. Большинство из них – это многослойные поселения, наряду с материалами раннего железного века, содержащие также комплексы неолита, бронзы или более позднего времени (средневековья). В целом, памятники раннего железного века с сетчатой, штрихованной, гладкостенной, гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой сосредоточены в трех основных географических регионах Костромского Поволжья: Костромской низине, Галичско-Чухломской возвышенности и Унженской низменности.

Поселения, сосредоточенные в Унженской низменности и приуроченные к бассейну реки Унжи (современные Мантуровский, Макарьевский, Кологривский районы Костромской области) и близко расположенной к ней реки Немды (Кадыйский район), сводятся в отдельный участок локализации памятников РЖВ. Поселений эпохи раннего железа в данной местности насчитывается всего шесть: городища Поповское (Ухтубужское) и Рапоновское, селища Унжа II, Хохлянки, Аверьяновка, Леонтьево. Малочисленность памятников РЖВ в бассейне р. Унжи может говорить о слабой заселенности этих мест в рассматриваемое время. Вероятнее всего, данные территории использовались для кратковременных остановок.

По геоморфологическим условиям территория Унженской низменности расположена в пределах полого-волнистой задровской равнины времени днепровского оледенения, расчлененной долинами реки Унжи, ее притоков и овражно-балочной сетью. Преобладающие типы почв на правом берегу Унжи – дерново-среднеподзолистые супесчаные, а на левом берегу – слабоподзолистые песчаные. В речных долинах распространены пойменные (аллювиальные) почвы, а в пределах болотных равнин – болотные (био-генные) почвы. Гидрографическую сеть микрорегиона образует река Унжа

с ее притоками, а также временные водотоки, маленькие озера и болота. Все элементы гидрографической сети принадлежат к бассейну реки Волги и играют большую роль в формировании современного рельефа¹.

Памятники бассейна р. Унжи, в основном, тяготеют к коренной террасе, располагаются на ее краю в трех случаях, на мысовидном выступе – в одном случае, два памятника расположены на мысовидном выступе первой надпойменной террасы. Высота поселков над уровнем поймы или воды в реке, в среднем, составляет 4-6 м. Относительно высоко (50 м.) находится Рапоновское городище. Определяемая площадь поселений и городищ составляет от 1 400 до 7 000 кв. м.

Информация о памятниках археологии РЖВ Унженской низменности скудная, отрывочная, раскопки здесь не проводились, за исключением городищ Ухтубужское и Рапоново. Отметим, что памятники микрорегиона в своём большинстве содержат и более поздние комплексы. Материалы из раскопок, связываемые с ранним железным веком, немногочисленны. На Рапоновском городище, к примеру, известна только гладкостенная лепная керамика, а на Поповском (Ухтубужском) в небольшом количестве встречаются фрагменты сетчатой посуды РЖВ.

Территории бассейна р. Унжи археологически начинают исследоваться в конце XIX-начале XX в. Важным этапом в изучении памятников Унженской низменности явились работы, проведенные в 1925 г. Научно-исследовательским институтом антропологии Московского университета. Была организована экспедиция в район рек Ветлуги и Унжи, где с целью комплексного изучения населения данной местности и его истории проведены антропологические, археологические, этнографические и лингвистические исследования. В рамках работы экспедиции археологически изучены семь Ветлужских и четыре Унженских городища, среди которых Одоевское, Шангское, Рапоновское и др., а также одна стоянка Паново². Хронологический диапазон Унженско-Ветлужских городищ очень велик и достигает двух тысяч лет, при этом древнейшие городища расположены равномерно

---

1 Петрова Т.В. Технический отчет об инженерно-геологических изысканиях в н. п. Карьково Мантуровского района Костромской области // ООО «ГЕОС». г. Кострома, 2013.

2 Археологическая карта России. Костромская область/ Составитель К.И. Комаров; отв. ред. Ю.А. Краснов. — М.: РАН: Восточная литература, 1999. — С. 175-176, 287-291: Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи// Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т III. Под ред. В.Н. Чернецова. МИА, № 22. — М.: Академия наук СССР, 1951. — С. 110-111.

по всему течению рек, исключая Верховья. В то же время, эти одиннадцать городищ распадаются на несколько хронологически последовательных групп³. Ценные материалы были получены в результате археологических раскопок Одоевского городища. О.Н. Бадер достаточно четко интерпретировал материалы и определил историко-культурную принадлежность памятника⁴. Нижний, третий, слой Одоевского городища он отнес к раннеананьинскому времени, датировав его VII-V вв. до н.э. Следующий за ним, второй, культурный пласт датирован IV-III вв. до н.э., верхний слой городища отнесён исследователем к началу нашей эры. Определяя верхнюю дату памятника временем I-II вв. н.э., О.Н. Бадер отмечал, что керамика с памятника близка керамике с позднедьяковских городищ более западных районов Поволжья. Другие изученные городища, в числе которых Шангское, Троицкое, Рапоновское, О.Н. Бадер считал позднейшими, моложе верхнего слоя Одоевского городища⁵. По мнению исследователя, в результате археологических исследований, проведенных в Поветлужье и на Унже в 1925-1926 гг., была установлена принадлежность разных городищ Поветлужья к обширной области распространения ананьинской культуры и выяснен вопрос о территориальном разграничении ананьинской и дьяковской культур РЖВ. Основным путем связи ананьинского Поветлужья с Волго-Камской территорией ананьинских племен Бадер О.Н. считал р. Волгу, а границу расселения ананьинских племен на западе проводил по географическому принципу, а именно по Ветлужско-Унженскому междуречью⁶.

Позднее Воеводский М.В., изучив и проанализировав вещевые материалы, найденные при раскопках Бадером О.Н., составил классификацию ананьинской керамики Поветлужья, главным образом основанную на материалах Одоевского городища⁷. К поздним городищам на Ветлуге М.В. Воеводский относил Шангское, Троицкое и Спасское, на Унже – Рапоновское, Сезеневское и Юрьевецкое, и отмечал, что лишь на Ухтубужском городище можно отметить связь в керамике с поздним слоем «костеносных» городищ (III группа), проявляющуюся в форме, в наличии сосудов трёх типов III

3 Бадер О.Н. Указ. Соч. – С. 150.

4 Там же. – С.114-134.

5 Бадер. О.Н. Указ. соч. – С.151-155

6 Там же. – С.149-152

7 Воеводский М.В. Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т III; под ред. В.Н. Чернецова. МИА, № 22. — М.: Академия наук СССР, 1951. — С. 159-169.

группы, в отсутствии сосудов I типа, в орнаменте, в наличии раковины, в штрихованности, характерной для III группы⁸.

Продолжительный период изучению памятников раннего железного века бассейна р. Унжи не уделялось должного внимания. Только в конце 70-х - начале 80-х годов XX в. начинается сплошное обследование ряда районов Костромской области Волго-Окской Новостроечной экспедицией ИА АН СССР, исследуются и районы Унженской низменности. В результате работ открыты новые памятники с материалами РЖВ. Проводятся и раскопочные работы.

В 1976 г. в Кологривском районе А.Е. Леонтьев обследует селище Аверьяновка, предварительно датированное им РЖВ. Учётная документация на селище составлена в 1979 г. Ю.Н. Урбаном⁹.

Ю.Н. Урбаном в 1981 г. выявлено селище II у с. Унжа в Макарьевском районе. Вероятные датировки памятника, предложенные автором, очень широкие и находятся в пределах I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.¹⁰. В том же году в Мантуровском районе Ю.Н. Урбаном открыто селище у д. Леонтьево¹¹. Селище датировано так же широко в пределах I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э.¹². Находки, полученные в результате данных исследований, находятся на постоянном хранении в Костромском музее-заповеднике¹³. На основании проведенных разведочных исследований делается вывод, что долина р. Унжи в эпоху бронзы и РЖВ только посещалась, о длительной оседлости говорить не приходится. Следы сетчатой керамики исследователь видит только на рубеже II-I тыс. до н.э. Позже, в 1993 г., памятник обследован Д.Г. Свечниковым, им же составлена учётная карточка объекта.

В 1980-1984 гг. Волго-Окской экспедицией ИА АН СССР проводятся раскопки Поповского «Ухтубужского» городища на площади 1116 кв. м.

8 Там же. – С. 169-170.

9 Паспорт памятника археологии (селище у д. Аверьяновка)/ Составитель Урбан Ю.Н.; составлено 01.02.1979 г. // Архив департамента культуры Костромской области. — 4 с.

10 Урбан Ю.Н. Отчёт об археологической разведке в Костромской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 9806. – С.18.

11 Паспорт памятника археологии (селище у д. Леонтьево)/ Составитель Урбан Ю.Н.; составлено 03.12.1981 г. // Архив департамента культуры Костромской области. — 4 с.

12 Урбан Ю.Н. Указ. Соч. – С.44.

13 Коллекция № 17625. ВОЭ 1981-84 гг. – /38,39 Унжа I и II; //43 Леонтьево. // Фонд Археологии КМЗ Н/В (Кострома).

Ранее, в 1885 г., памятник осмотрен Ф.Д. Нефедовым, в 1903 г. – Н.М. Бекаревичем и в 1926 г. – О.Н. Бадером, а в 1979 г. Г.А. Архиповым здесь проведены раскопки на площади 108 кв. м¹⁴. Материалы РЖВ с памятника представлены лишь редкими фрагментами сетчатой керамики¹⁵. Керамика запесочена, сетчатые отпечатки – мелкоячеистой рябчатой фактуры, встречаются «нитчатые», известен один фрагмент с крупноячеистыми отпечатками. Вдавления четкие, хаотично расположенные¹⁶. Коллекция находится на хранении в Костромском музее-заповеднике.

В 1985 году К.И. Комаров обследовал Рапоново городище в Кологривском районе¹⁷, на котором ранее, в 1979 г., раскопки проведены Г.А. Архиповым¹⁸. Дальнейшие работы на указанном памятнике Г.А. Архипов считал бесперспективными¹⁹.

В 2000 г. в Кологривском районе Новиковым А.В. осмотрены Рапоновское городище и селище Аверьяновка, определено техническое состояние памятников²⁰.

Интерес к вопросу места и роли памятников Костромского Поволжья в раннем железном веке возрастает в конце XX в., когда и происходит определенное осмысление основных сведений о памятниках археологии РЖВ региона. А.Е. Леонтьев высказывает мнение о том, что Костромское Поволжье в раннем железном веке являлось окраинной частью дьяковской

14 Леонтьев А.Е. Поповское городище (результаты раскопок 1980-1984 гг.)// Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: материалы работ Волго-Окской экспедиции. — М.: Институт археологии АН СССР, 1989. — С. 5.

15 Там же. — С. 87: Археологическая карта России. Костромская область — С.103.

16 Коллекция № 17081. Поповское городище в Мантуровском районе // Фонд Археологии КМЗ Н/В (Кострома).

17 Паспорт памятника археологии (д. Рапоново, Городище)/ Составитель Комаров К.И.; составлено 15.07.1985 г. // Архив департамента культуры Костромской области: Комаров К.И. Отчет о работе Костромского отряда в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №11863.

18 Архипов Г.А. Отчет о раскопках на Рапоновском городище летом 1979 г./ Отчет Марийской археологической экспедиции за 1979 г. // Научный фонд МАРНИИ №555. Йошкар-Ола.

19 Там же. — С. 2.

20 Новиков А.В. Отчет о проведенном археологическом обследовании в Кологривском районе Костромской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24088.

территории и было заселено слабее западных областей²¹. В его работе представлена характеристика основных памятников данного времени. Все-го им выделяется двадцать два поселения РЖВ, которые к тому времени были известны в Костромском регионе²². По мнению А.Е. Леонтьева, особенности керамики с этих памятников указывают на рано установившиеся устойчивые связи населения края с ананьинскими племенами Поволжья и Среднего Поволжья. Автор делает наблюдение, что саму сетчатую керамику Костромского Поволжья в целом от остальных областей дьяковской культуры отличает наличие округлодонных форм, большее разнообразие орнаментальных мотивов²³. Отмечены наиболее заселенные районы в эпоху раннего железа, такие как Костромская низина и Галичское озеро, упоминаются также отдельные группы населения в бассейне Унжи²⁴. Ареал распространения основных культурных групп (дьяковской и ананьинской) Костромского Поволжья А.Е. Леонтьев очерчивает по географическому принципу – водоразделу между бассейнами рек Унжи и Ветлуги, также указывает на слабую освоенность территории и малую плотность населения в данном регионе²⁵.

Концептуальные предположения о территориальных границах между отдельными культурными группами раннего железного века в Костромском Поволжье, связываемых, в первую очередь, с дьяковским и ананьинским населением, выстраивались О.Н. Бадером²⁶, М.Е. Фосс²⁷, Н.Н. Гуриной²⁸,

21 Археология Костромского края/ [С.И. Алексеев, К.И. Комаров, А.Е. Леонтьев и др.; Под ред. А.Е. Леонтьева]; Администрация Костром. обл., Департамент культуры, кино и ист. наследия, Государственный научно-производственный центр по сохранению, реставрации и использованию историко-культурного наследия. — Кострома: ГНИЦ по сохранению, реставрации и использованию историко-культурного наследия Костром. обл. 1997. — С.88.

22 Там же. — Рис. 15. С.89.

23 Там же. — С.92.

24 Там же. — С. 88-101.

25 Там же — С.103-107.

26 Бадер О.Н. Указ. Соч.

27 Фосс М.Е. Отчет о работе Галичской экспедиции в 1946 г.// Архив ИА РАН. Р-1 № 77.

28 Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции)// Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья (Труды Горьковской археологической экспедиции). МИА, № 110. — М.-Л.: Академия наук СССР, 1963. — С. 85-203.

А.В. Збруевой²⁹, Е.И. Горюновой³⁰, И.Г. Розенфельд³¹, В.С. Патрушевым³². Разграничение территорий и определение границы между культурными образованиями большинством исследователей проводилось по водоразделу рек Унжи и Ветлуги, при этом обозначался четкий географический принцип разделения. Бесспорно, следует согласиться с общим устоявшимся мнением о достаточно слабой изученности и необходимости дальнейших археологических исследований памятников РЖВ бассейна р. Унжи и Костромского Поволжья в целом.

Традиционно исследователи разделяют группы памятников раннего железного века, расположенные в Костромском Поволжье и в Поветлужье³³, при этом придерживаясь единого мнения о принадлежности ветлужских памятников к ананьинским. Территория же Костромского Поволжья, в основном, связывается с дьяковской культурой, с ее вариантами или с носителями традиций сетчатой керамики вообще. На этом фоне рассматриваются и связи между культурными группами. Складывается единая позиция, что территория междуречья рек Костромы и Унжи, в первую очередь, бассейн последней, является контактной зоной, находится на стыке двух культурных групп в эпоху раннего железа. На это обстоятельство обращают внимание Е.И. Горюнова, говоря об этнической пестроте региона³⁴, и Е.А. Рябинин, указывая, что этническая история бассейна реки Унжи остается областью догадок и предположений³⁵.

29 Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Том V. МИА, т. 30. — М.: Академия наук СССР, 1952.

30 Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА, № 94. — М.: Академия наук СССР, 1961. 265 с.

31 Розенфельд И.Г. Керамика Дьяковской культуры // Дьяковская культура: сборник трудов. — М.: Наука, 1974. — С. 90-197.

32 Патрушев В.С. У истоков Волжских финнов. — Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989. 122 с.

33 Бадер О.Н. Указ. соч.: Горюнова Е.И. Указ. соч.: Гурина Н.Н. Указ. соч.: Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. — М.-Л.: Наука, 1966. 308 с.; Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА, т. 28. — М.: Академия наук СССР, 1952. 276 с.

34 Горюнова Е.И. Указ. соч. — С. 23

35 Рябинин Е.А. Могильник и селище у д. Попово на р. Унже // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: материалы работ Волго-Окской экспедиции. — М.: Институт археологии АН СССР, 1989. — С. 164.

О нахождении в пределах ананьинской историко-культурной области Поветлужья говорит Е.И. Горюнова, отмечая определенное своеобразие памятников региона, представляющих собой локальный вариант ананьинской культуры³⁶. Она допускает, что в бассейне реки Унжи памятники ананьинской культуры пока не известны вследствие слабой изученности, однако предполагает их наличие и указывает, что близкое к Поветлужью Костромское Поволжье, связанное в Ветлугой разветвленной системой ее притоков, а также притоков Унжи и Костромы, входило в пределы уральской культурной области или, по крайней мере, было пограничной территорией, на которой происходил стык двух культур: ананьинской и раннедьяковской. Горюнова Е.И. отмечает, что материалы костромских памятников отражают этническую пестроту населения, считая, что сосуществование на территории одного памятника двух типов посуды говорит об этнической смешанности населения, а не только культурной общности³⁷.

Несомненно, на сегодняшний день, учитывая немалый накопившийся объем материалов РЖВ Костромского Поволжья, назрела необходимость систематизации материалов РЖВ Костромского Поволжья и Унженской низменности в частности, их подробной культурной атрибуции, определения культурного статуса памятников. Несмотря на довольно продолжительный период изучения древностей, связанных с эпохой раннего железа, интерес к данной проблеме не иссякает, а, напротив, возрастает, что, безусловно, связано как с появлением новых археологических источников, так и с наличием целого ряда дискуссионных вопросов относительно культурно-хронологической характеристики большинства памятников бассейна р. Унжи Костромского Поволжья этого периода.

Как уже отмечалось, вопрос отнесения Костромского Поволжья в целом к ареалу дьяковской культуры также рассматривался исследователями неоднозначно: либо регион связывался полностью с носителями культуры сетчатой керамики и не входил в ареал распространения дьяковского населения, либо обозначался как окраина их территорий. Граница же, разделяющая дьяковские и ананьинские общества, обозначалась по Ветлужско-Унженскому междуречью. Анализ керамических серий памятников показывает, что разделение это очень условное, скорее, можно говорить о

---

36 Горюнова Е.И. Указ. соч. – С. 23-24

37 Горюнова Е.И. Указ. соч. – С. 23.

совместном проживании ананьинских групп и населения, изготовлявшего сетчатую керамику, на одной контактной территории, которой и является регион Костромского Поволжья.

К середине I тыс. до н.э. в бассейнах рек Волги, Костромы, Вексы, в округе Галичского озера начинают проявляться ананьинские, реже дяковские, традиции, появляется гибридная керамика со шнуровой и гребенчато-шнуровой орнаментацией и сетчатыми отпечатками на поверхности, а в окрестностях Чухломского озера и бассейне р. Унжи по-прежнему присутствует только сетчатая керамика, существенных изменений в технике изготовления посуды не отмечается. Культурный статус памятников не меняется.

В целом, неразрешенных проблем раннего железного века Унженской низменности остается еще достаточно. Одна из важнейших - разграничение комплексов самой сетчатой керамики (эпоха бронзы, ранний железный век), определение ее узкой хронологии. Актуальным остается и поиск новых памятников археологии на данных территориях.

КУЛЬТОВЫЕ КАМНИ ГОРОДА ПЛЁСА

Панченко Г.В.
Плёсский музей-заповедник, г. Плёт

Летом 2011 г. в ходе разведочных работ, проводимых Археологической экспедицией Плесского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника под руководством автора, в г. Плёт Приволжского района Ивановской области был выявлен новый объект археологического наследия – местонахождение Плёт, представленное заглубленным в землю каменным изваянием фаллической формы, имеющим ясно видимые следы обработки (рис. 1).

Изваяние располагалось на второй, частично искусственной, террасе правого коренного берега р. Волги непосредственно на территории города Плёт недалеко от Хреновского оврага, ограничивающего с запада Больничную гору, представляющую собой мыс высокого коренного берега р. Волги. Название оврага воспроизводится по плану селитебной площади 1915 г., тот же овраг с протоком на плане 1775 г. имеет название Коженский ¹, на плане, составленном после 1797 г. – Маковской ². Камень был установлен в вертикальном положении в 1,9 м к юго-востоку-востоку от угла д. 21 по ул. Ленина. Высота местонахождения над современным урезом воды в р. Волге (после его подъема при создании Горьковского водохранилища на 8 м) составляла 14 м. Нахождение камня на подработанном человеком участке террасы указывает на то, что он был некогда перемещен сюда из другого места.

Изваяние из кварцита имеет характерную фаллическую форму. В своём положении на момент фиксации камень был ориентирован с юго-востока-востока на северо-запад-запад. Над поверхностью земли возвышался на 82 см. Периметр окружности «ножки» у земли составлял 190 см, периметр нижней кромки «шляпки» (верхнего утолщения) – 175 см. Изваяние было на 20 см углублено в почву и обложено мелкими камнями для придания ему устойчивости. Таким образом, общая высота объекта составляет 102 см. Как выяснилось после изъятия камня из грунта, его нижняя часть имеет форму грибной ножки. Основная часть камня обработана точечными ударами железным орудием. Верхняя часть камня округлая, выпуклая. Цвет основной части камня – естественного

1 РГАДА. Ф.1356. Оп. 1. Ед.1888.

2 ЦГИА. Ф.1293. Оп. 166. Ед. 53.

серого оттенка. Несколько отличается по цвету только сама «шляпка». Она более тёмная, имеет охристо-бурый оттенок. Из свидетельств жителей известно, что «шляпку» камня в 1990-е годы подкрашивали. Но может иметь место и использование при изготовлении изваяния природной особенности кварцитового валуна-заготовки, имевшего слоистое включение другого оттенка. Окончательные выводы можно будет сделать только после очистки поверхности от поздней краски. Поверхность «шляпки» несет следы полирования, нельзя исключать, что эти следы появились в ходе использования камня в некоей сакральной обрядности. Данный объект как древний культовый камень был ранее упомянут в статьях С.Б. Чернецовой ³.

Рис. 1 Фаллический культовый камень на ул. Ленина в г. Плесе.

³ Чернецова С.Б. К вопросу о типологической классификации культовых камней Верхней Волги (Ивановское, Костромское и Ярославское Поволжье)// Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2007. Вып. 7. Ч. 1. – С. 180; Чернецова С.Б. Некоторые аспекты изучения культа камня на территории Ярославского, Ивановского и Костромского Поволжья// Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ. – Ярославль, 2008. – С. 191.

Основываясь на археологической карте города, можно предполагать, что фаллический камень изначально мог иметь отношение к одному из трех мест, находящихся в границах города Плеса:

городище Плес на Соборной горе. Здесь раскопками П.Н. Травкина на мысовой части Соборной горы были обнаружены яма многократного языческого жертвенного кострища и еще две ямы ритуального назначения. Этот комплекс исследователь определил как святилище Велеса. В северо-западном углу ямы кострища были прослежены остатки древесины, которые были интерпретированы как остатки деревянного символа мирового древа⁴.

комплексный памятник (городище дьяковского времени и домонгольский курганный могильник) на Холодной горе (название объекта археологического наследия – курганный могильник Плес 2). Случаи находок фаллических камней на курганах уже известны (камни с погоста Рудина Слободка и из урочища Могильницы⁵, а также изваяние у д. Горки (Демидовского р-на Смоленской обл.)⁶.

мысовая часть Больничной горы. По сведениям сотрудника Плесского музея-заповедника Д.Б. Ойнаса, собиравшего этнографические данные о культовом камне в начале 90-х гг. XX века, два местных информатора, пожилые жительницы Плёса Сурина и Кузнецова, утверждали, что «камень... в прошлом скатился с Больничной горы»⁷.

В 1990-е годы у старожилов Плёса были зафиксированы чрезвычайно интересные его названия, ныне практически вышедшие из речевого оборота горожан: «Сват-камень», «Дедова шишка», «Чиркун», «Велеший»⁸.

Перенос камня, вероятно, был совершен до 1915 года, до фиксации на карте нового названия близлежащего оврага – Хреновский.

В Плесе же при прокладке газопровода в 2011 году был найден фаллический камень «домашних размеров» – 16,6х6,5х6,3 см (рис. 2).

4 Травкин П.Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. – Ивово, 2007. – С. 99-119

5 Чернецова С.Б., Карсаков О.Б. Комплекс сакральных камней из д. Могильницы (д. Дубровка) и фаллический камень погоста Рудина Слободка (Мышкинский МО)// Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ. – Ярославль, 2012. – С. 138-144.

6 Лопатин Н.В., Яковлев А.В. Комплекс каменных надгробий из Смоленского Подвинья и проблема идентификации славянских языческих изваяний// Археология: история и перспективы. – Ярославль, 2006. – С. 169.

7 Воспоминания местных жителей, собранные Д.Б. Ойнасом в 1980-90-е годах.

8 Данные опроса Д.Б. Ойнаса, 90-е гг. XX в.

Он был обнаружен при копке траншеи на ее развилке на ул. Мельничной вне границ археологического памятника селище Плес 1 (посад города Плёсо). Очевидно, от каменного божка избавились. Фаллический идол имеет близкую к физиологической форму, лика на нем нет, сделан из камня с включениями железа (метеорита?).

Эти идолы были отнесены автором данной статьи и С.В. Чернецовой по предложенной нами классификации к неантропоморфным фаллическим идолам⁹. До этого, подобные истуканы не были классифицированы. Так, говоря о языческих идолах, Б.А. Рыбаков утверждал: «Все идолы антропоморфны...»¹⁰.

Фаллические камни, антропоморфные и неантропоморфные, аналогичные рассматриваемым нами, можно увидеть на разных континентах и у разных народов. Чем объясняется столь широкое их распространение? На наш

Рис. 2 Фаллический камень с ул. Мельничной в Плесе.

9 Панченко Г.В. Фаллические культовые камни-идолы лесной зоны Европейской части России: проблемы интерпретации и сохранения// Тверской археологический сборник. Вып. 10 Т. II (в печати).

10 Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М., 1987. – С. 231.

взгляд, только тем, что фаллический культ являлся составной частью при-
сущего всем родовым обществам культа предков.

Вслед за И.П. Русановой и Б.А. Тимошук¹¹, я отношу фаллические идо-
лы лесной зоны Европейской части России к славянским памятникам. На
это указывает прослеживаемая привязка их к курганным могильникам и
древнерусским поселениям¹².

Возможно, они посвящены Роду – богу-прародителю всего сущего,
верховному богу, возглавившему пантеон богов. В культе Рода нашел свое
развитие древний культ предков. Борьба христианских пастырей с верой в
Рода и рожаниц велась дольше, чем с Перуном, Велесом и другими богами,
возможно, потому что, уступив в период создания новых общественных от-
ношений, молодым богам, Род и рожаницы стали покровителями уже не ис-
чезающего рода, а семьи. Отсюда и восприятие Рода некоторыми исследо-
вателями как домашнего божка, домового¹³. Даже в XV–XVI вв. актуальны
были списки «Слова святого Григория изобретено в толцех», автор которо-
го осуждал язычников. О фаллических обрядах «Слово...» сообщает: «чтут
срамные уды... и в образ створены и кланяются им и требы им кладут. Сло-
вене же на свадьбах вкладывающе срамоту и чесновиток в ведра пьют»¹⁴.
Первая часть цитаты прямо говорит о поклонении фаллическим идолам. На
возможное участие фаллических камней в свадебной обрядности указыва-
ет одно из названий плесского фаллического камня – «Сват-камень».

О многом говорит и еще одно старое название плесского идола – Чир-
кун. Кварцит, из которого сделан идол, способен при ударе давать искры.
От этих искр могли зажигать жертвенные костры. Это название, как и об-
разы искр – подобий небесных молний-«родий» – вновь относят нас в язы-
ческую древность.

Культе Рода в Плесе, где сохранился один из фаллических идов, про-
существовал долго. Доказательством этого служит найденная на террито-
рии плесского городища каменная иконка «Поклонение гробу Господню»

11 Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. – М., 2007. – С. 33–34.

12 Подробнее см: Панченко Г.В. Фаллические культовые камни-идолы лесной зоны Европейской части России: проблемы интерпретации и сохранения// Тверской археологический сборник. Вып. 10 Т. II (в печати).

13 Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. – М., 1982. – С. 268.

14 Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. II. – М., 1913. – С. 23.

начала XV в. На алтаре, рельефно изображенном на ней, явно другой рукой прочерчено перечеркнутое двумя горизонтальными линиями изображение фаллоса. По мнению П.Н. Травкина, оно было нанесено волхвом для усиления мощи иконы как оберега¹⁵. Фаллос, по трактовке исследователя, изображен находящимся под водой в ведре (см. описанный выше обряд)¹⁶. По нашему мнению, возможна и другая интерпретация. Не исключено, что более глубокие вертикальные линии относятся к основному сюжету и не могут изображать ведро, а перечеркнутое изображение фаллоса на иконке символизирует отречение от Рода в пользу Христа. В любом случае имели место кощунственные действия по отношению к святыне, что объясняет желание сделать ее заново. Рядом с иконкой найдена сланцевая заготовка для новой¹⁷.

Нам представляется вполне возможной «победа» молодых богов над старым богом Родом и уход его на второй план в XII-XIII вв. в период укрепления и распространения государственности, подрывающей основы родового общества на рассматриваемой территории. Функции Рода как бога плодородия и творца судеб переходят к Волосу (Велесу), богу Нижнего мира, куда попадают умершие предки. Обратим, в связи с этим, внимание на одно из названий плесского камня – Велеший (иначе принадлежащий Велесу).

Славяне верили, что земля принимает умерших предков, а души их отдает новорожденным¹⁸. Поэтому у фаллических камней-идолов могли проходить не только поминальные жертвоприношения, с помощью которых осуществлялась связь с миром умерших предков, но и обряды, целью

15 Травкин П.Н. Плесская каменная иконка-оберег// Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. – Иваново, 1994. – С. 87-90.

16 Травкин П.Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. – Иваново, 2007. – С. 272.

17 Травкин П.Н. Отчет об археологических раскопках, проведенных Ивановским отрядом Верхневолжской экспедиции на территории Плесского городища и посада. 1988. Архив ИА АН СССР. Р 1 № 12791. Л. 11.

18 Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. – М., 2007. – С. 129; Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI-XIII вв.// ТОДРЛ. Вып. 16. – М.-Л., 1960. – С. 104; Шишло Б.П. Культ предков и заместители умерших// Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. – 1972. – № 8. – С. 71.

которых было зачатие ребенка. С просьбой о зачатии ребенка приходят к плесскому фаллическому камню до сих пор.

Датировка фаллических идолов, подобных плесскому, проясняет пути распространения поклонения им. Интересно, что один из наиболее ранних фаллических идолов обнаружен рядом с комплексом одновременных славянских памятников: городища и курганного могильника с захоронениями, совершенными путем трупосожжения, у д. Жабино (ныне Усвятский р-он Псковской области), датированных исследователем второй половиной I тысячелетия¹⁹. Он по своей форме очень близок плесскому, но значительно меньше его по размерам (высота – около 0,4 м). Другие подобные идолы были найдены в Новгородской и Ярославской областях. Наше изваяние, основываясь на датировке близлежащих археологических памятников, мы датирuem XII-XIII вв. Т.е. оно намного моложе Жабинского.

Иоакимовская летопись сообщает о крещении Новгорода: «Добрыня... идолы сокрушил, деревянные сжег, а каменные, изломав, в реку бросил; и была нечестивым печаль велика»²⁰. Новгородская первая летопись младшего извода относит это событие к 989 году и называет первым новгородским архиепископом Аким (Иоакима) Корсунянина²¹. Крещение, как сообщает Иоакимовская летопись, шло «мечем и огнем», что могло привести к исходу язычников в земли дружественных язычников-мерян. Таким образом, с большой долей вероятности можно предположить, что традиция поклонения фаллическим идолам была принесена на нашу территорию псковскими и новгородскими переселенцами, бежавшими от христианизации, начавшейся в новгородских землях в конце X в.

Для финно-угров, судя по частым находкам не только у нас, но и в Финляндии, характерны совсем другие культовые камни – «чашечники».

Один из них обнаружен на территории современного Плеса, у северной границы участка домовладения по адресу ул. Ленина, д. 26. Участок расположен на первой надпойменной террасе р. Волги, справа от ручья, протекающего по дну Хреновского оврага. Эта территория в раннем средневековье не была заселена.

19 Станкевич Я.В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э.// МИА. № 76. Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н.э. – М.-Л., 1960. – С. 115, 116, 121.

20 Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. – М., 2005. – С. 60.

21 Новгородская первая летопись младшего извода// ПСРЛ. Т. 3. – М., 1950. – С. 159, 160.

«Чашечник» имеет трапециевидную в плане форму со скругленными углами. Его размеры – 48х36,5х10 см. На плоской слегка наклонной поверхности двумя рядами дугообразно расположены круглые углубления, выполненные под углом, и желобки: 4 углубления с более широкой стороны камня и чередующиеся два желобка и одно углубление между ними к сужающейся стороне. Диаметр «чашек» – 2 см, глубина не превышает 1 см. Желобки имеют разные размеры: один длиной 5,5 и шириной 1,5 см, другой длиной 4 см и шириной 1,3 см. Их глубина не превышает 0,5 см. Рядом с этими углублениями намечены новые. Цвет камня – розовый (рис. 3).

Кому посвящались камни-«чашечники»? Рискнем предположить, что всему роду в лице Великой Богини-Матери, имя которой считается неизвестным. Но так ли это?

В «Повести временных лет» под 882 г. указано, что в походе Олега на Киев участвовала наряду с другими племенами меря²². В языческом пантеоне князя Владимира в Киеве позднее находился идол Мокоши (Макоши)²³, богини плодородия и судьбы. Мокша и эрзя – разновидности мордвы. Мокша – река в Мордовии. Мокшить, по Далю, - докучать безотвязной просьбой, кланчить, канючить (новгородское, тверское диалектное сло-

Рис. 3 Камень-«чашечник» (с участка ул. Ленина, д. 26)

²² ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. – Л., 1926. – С. 22.

²³ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. – Л., 1926. – С. 79.

во)²⁴. Синонимом могут быть слова «молить, умолять». В том же словаре читаем: «Макеш – мокош м. недоброе русское (мордовское?), языческое божество, о котором память осталась в пословице: бог не макеш, чем-нибудь да потешит»²⁵.

Все это наводит на мысль о том, что Мокошь (Макошь) изначально – финно-угорское божество. Эту версию в свое время рассматривал Е.В. Аничков²⁶. Не случайно, наличники с ее изображениями широко распространены именно на бывших финно-угорских землях. Традиция хранит то, что утратила память.

Мокошь – покровительница прядения и ткачества, держательница нитей человеческих судеб, лесная богиня. По сути самых главных приписываемых им качеств Велес и Мокошь очень похожи.

Если верить предположению о брачном союзе Мокоши и Велеса²⁷, то можно говорить о союзе племен, скрепленном союзом богов. То, что процесс ассимиляции мери шел мирно, почти ни у кого уже не вызывает сомнений. На примере плесских древностей это проявляется в женских курганных захоронениях, совершенных по славянскому обычаю, сопровождаемых мерянскими шумящими подвесками и славянскими височными кольцами в одном и том же захоронении (погребение 3, курганный группа Плес 2)²⁸.

В свете находок этих трех культовых камней по-новому смотрится первое летописное упоминание Плеса, обнаруженное в «Новгородской летописи». Плес (Плѣсо) упомянут под 1141 годом в связи с тем, что здесь был пойман новгородский посадник Якун, бежавший вместе с князем Святославом от гнева новгородцев под руку владими́ро-суздальского князя Юрия

24 Даль. В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 2. – М., 2006. – С. 349.

25 Даль. В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. – М., 2002. – С. 856.

26 Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. – М. 2003. – С. 275-276.

27 Иванов В. В., Топоров В. Н. К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // Балто-славянские исследования. 1982. – М.: Индрик, 1983. – С. 175-187.

28 Травкин П.Н. Отчет Плесской экспедиции об итогах раскопок комплексного памятника «Холодная гора» (курганный группа «Плес II») и Пеньковского городища Приволжского района в 1993 г. Архив ИА АН СССР. Р-1. № 17817. С. 9-10.

Долгорукого²⁹. Судя по историческому контексту, можно предположить, что Плёс не был тогда еще городом и не входил в состав Владимиро-Суздальского княжества, иначе вся эта история не была бы возможна. Скорее всего, он был основан славянами-язычниками, бежавшими от христианизации и осевшими на землях других язычников - мерян. Состав жителей города был полиэтничен, и какое-то время – до полной христианизации населения – здесь одновременно отправлялись мерянские и славянские языческие культы.

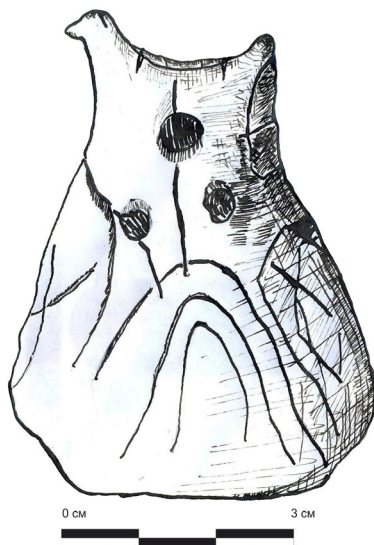
²⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – Рязань, 2001. – С. 211.

ЛИНЯНЫЙ КОЛОКОЛЬЧИК ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ КОСТРОМСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Сатурин А.А., Щербаков В.Л.

ОГБУК «Костромской государственной историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник», г. Кострома

В 2012 году в городе Костроме в ходе раскопок под руководством А.В. Гороховой на территории бывшего Анастасинского монастыря был найден глиняный колокольчик с необычным декором (Рис. 1)¹. Работы проводились ОГБУ «Наследие» и предшествовали малоэтажной застройке территории. Анастасинский монастырь впервые упоминается в 1417 году².

Рис. 1. Колокольчик (общий вид)

1 Коллекция в Костромском музее-заповеднике, КМЗ ВЗ 112-14, 113-14.

2 Зонтиков Н.А. Монастыри Костромского края (в пределах современных административных границ Костромской области) // Светочъ. – 2008. – № 3. – С. 25.

Колокольчик относится к условно-закрытому комплексу.

Любопытно, что подобные предметы рассматривались ранее как собственные культуре средневекового Владимира-на-Клязьме. Колокольчиков, полностью аналогичных костромскому, нами не выявлено; близкие аналогии датируются XIV-XV вв. Большинство владимирских колокольчиков имеет следы росписи белым ангобом. Предметы тщательно смоделированы, поверхность заглажена. Колокольчик из раскопок 1976 г. имеет держатель в виде птички³. Костромской колокольчик из раскопок 2012 г., смоделирован грубо, поверхность не заглажена, рисунок нанесен острым предметом по сырой глине. Немного тщательней смоделирован держатель в виде птички. С большой вероятностью, мы можем говорить о наличии общей культурной традиции изготовления подобного рода предметов.

Колокольчик изготовлен из ожелезненной глины с примесью дресвы. Смоделирован вручную, с внутренней стороны, в верхней части, имеет следы от острого предмета, вероятно служившего опорой во время нанесения рисунка. Имеет два отверстия у основания держателя для подвешивания язычка и одно сквозное отверстие в держателе для крепления самого колокольчика. Наиболее интересным признаком костромского колокольчика является особый декор (Рис.2), отличающий его от владимирских аналогий. Верхняя часть предмета увенчана миниатюрной глиняной птичкой, украшенной продольной и двумя поперечными линиями. В задней части держателя, под хвостом птицы, изображена разделенная на четыре равные части окружность. Обращение к декору тулова позволяет предварительно выделить несколько символических единиц, образованных из линий: полукруглые волнистые линии; вертикальные линии, ограниченные сверху дугообразной линией; геометрическая фигура — ромб с примыкающими линиями; геометрическая фигура из пересекающихся под разными углами линий.

Трактовка выделенных символических единиц затруднительна, однако, мы попытаемся предложить наиболее, на наш взгляд, им соответствующие предметы или явления: разделенный на четыре части овал под хвостом птицы - «яйцо», «разбитое (?) яйцо» или символ, означающий огонь, жар или солнце; волнистые линии - «вода», «море», «океан»; вертикальные линии, ограниченные сверху дугообразной линией - «поле», «земля», «остров»,

3 Нестерова Н.В. Глиняные игрушки XIV-XVIII вв. из археологических коллекция ВСМЗ. – Владимир, 2002. – С. 9.

«земная твердь»; геометрическая фигура — ромб с примыкающими линиями - «рыба»; геометрическая фигура из пересекающихся под разными углами линий — не поддается определению. Сам колокольчик, как вместилище сюжета, можно рассматривать как шестую смысловую единицу - «гору», «холм», любую другую неровность.

Трудно предположить, что такого рода сочетание символов может быть случайным. По замечанию Л.А. Динцеса для средневекового мышления не был типичен реализм, как художественный принцип⁴; идейное содержание большинства средневековых рисунков позволяет сделать предположение,

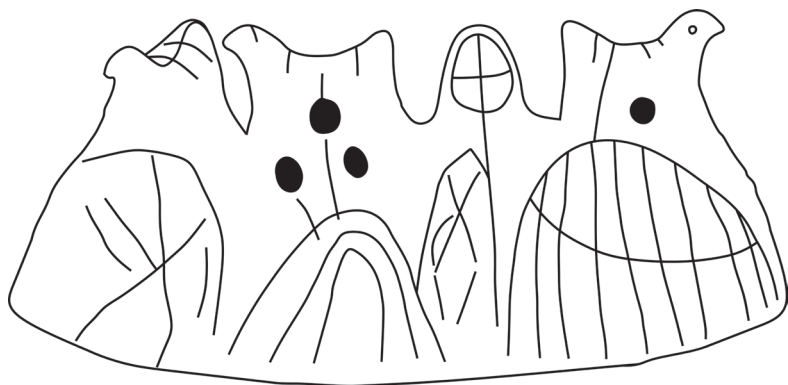

Рис. 2. Прорисовка декора

что сюжет, начерченный на колокольчике, не был изображением окружающей действительности. Поиск мифологических сюжетов, вмещающих эти символы, не представляет особых затруднений. Приведем только два из них.

⁴ Динцес Л.А. Русская глиняная игрушка. Происхождение, путь исторического развития. — М.,Л.: Издательство академии наук СССР, 1936. — С. 23.

Широко известен космогонический сюжет карело-финского эпоса «Калевала». Ильматар, мать воды, спускается в море и на ее колене свивает гнездо утка. Мать воды, не выдержав жар от птицы, сдвигает колено и яйцо, выкатившееся из гнезда, разбивается на кусочки, из которых образуется земля, небо, солнце и тучи⁵. Другой известный образ содержится в стихе о Голубиной книге, датируемом по ряду признаков XV-XVI вв.⁶ Страфиль-птица, упоминаемая в стихе, живет и плодит плод посреди моря; когда спит – держит один глаз открытым, чтобы присматривать за гнездом⁷. Любопытно, что на держателе-птичке нашего колокольчика изображен только один глаз на птице. Когда птица встрепенется – начнется волнение на море и время последнее⁸. Другим персонажем является рыба-кит, на котором покоится земля. Различные редакции стиха также наделяют его эсхатологическими функциями.

У этих двух сюжетов есть общий мотив – движение некой тверди, сопровождаемое звуками разбитого яйца или землетресения, бури. Сам, колокольчик, олицетворяющий эту твердь, начинает издавать звуки после приведения его в движение. Вместе с тем, описывая глобальные космогонические процессы, оба произведения несут диаметрально различную смысловую нагрузку: первый сюжет повествует о сотворении мира, второй о его конце. Различно и происхождения этих сказаний, если Калевала является языческим произведением, то стих о Голубиной книге сочетает как языческие, так и христианские мотивы. Так или иначе, у нас нет никаких оснований настаивать на какой-либо версии. Мы также не можем утверждать, что колокольчик принадлежит культурному слою монастыря, а не более раннему времени.

Однако нельзя исключать сезонную приуроченность изготовления подобного рода предметов, связанную с тем или иным календарным праздником. Изготовление глиняных игрушек к определенному празднику земледельческого цикла известно по данным этнографии. В пользу этого предположения может свидетельствовать символическое изображение «солнца» в верхней части, «поля» и «ростков-всходов» в виде прочерчен-

5 Калевала / пер.с финн. Л.П. Бельского. – СПб, 2010. – С.10-11.

6 Каган М. Д. Голубиная книга // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Выпуск 3. (XVII в.). Часть 1. А-З. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1992. – С. 218.

7 Мочульский В. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. – Варшава: типография Михаила Земкевича, 1887. – С. 143.

8 Там же. – С. 146.

ных отрезков на небольшом основании из трех полукруглых линий (Рис. 2), которые также могут трактоваться, как волна, о чем мы говорили выше. Подобные основания типичны для растительных мотивов в русской народной вышивке⁹. Начертание «пашни» в виде параллельных линий, также имеет аналогии в собрании колокольчиков XIV-XV вв. ВСМЗ¹⁰.

Исследование колокольчика из раскопок 2012 г. привело к следующим выводам:

1. Костромской колокольчик обнаруживает определенное родство с колокольчиками средневекового Владимира, о чем свидетельствует одновременность бытования, сходство орнаментальных мотивов и держатель в виде птички.
2. Определенно можно выделить 7 устойчивых семантических единиц, включая сам колокольчик, как вместилище единого сюжета.
3. Для более обоснованного анализа сюжета необходим поиск аналогий данного сочетания символов в более конкретном историко-культурном контексте.

---

9 Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки. – М.: Наука, 1978. – С. 95.

10 Нестерова Н.В. Указ. соч. – С. 9. Рис 87.

ГЛАВНАЯ ЗАГАДКА «ШАМАНСКОЙ РИЗНИЦЫ» (К 180-ЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ ОБНАРУЖЕНИЯ ГАЛИЧСКОГО КЛАДА)

Шалахов Е. Г.

Государственное бюджетное учреждение культуры Республики
Марий Эл «Замок Шереметева», пос. Юрино, Марий Эл

Грядущий 180-летний юбилей находки Галичского клада, случайно открытого крестьянами помещицы Н. И. Челеевой ранней весной 1836 г. на берегу р. Лыкшанка, впадающей в древнее Галичское озеро, заставляет обратить внимание на керамический аспект изучения указанного памятника эпохи бронзы.

Рис. 1. Галичский клад. Медный идол и маскоид. ГИМ.

Фото Г. Сапожникова.

Главной загадкой «шаманской ризницы» (рис. 1), состоявшей из предметов, имеющих аналогии в фатьяновских, вольско-лбищенских и абашевских древностях¹, а также среди инвентаря сейминско-турбинских некрополей², по моему мнению, является культурная принадлежность утраченного глиняного сосуда – «хранителя» галичских бронз.

Первым о разбитом находчиками Галичского клада сосуде (точнее – фрагментах керамики от него) рассказал в своем письме секретарю «Общества истории и древностей российских» епископ Черниговский Павел. Письмо это вскоре было опубликовано в «Русском историческом сборнике»³.

В публикации перечислены практически все древние артефакты, подаренные епископу Павлу племянником помещицы Челеевой – Д. С. Бестужевым. Кроме медных изделий (идол, «жреческий» нож, фигурка животного, голова небольшого идола, большое кольцо) и серии мелких серебряных предметов, упомянуты и два небольших «черепа глиняного горшка, в котором находились означенные вещи»⁴.

Учитывая тот факт, что подробных описаний найденных черепков нет даже у П. Свинына – первого вдумчивого исследователя, интерпретатора и рисовальщика предметов Галичского клада⁵, нам остается лишь предполагать какими типолого-морфологическими признаками обладал разбитый ломом «большой глиняный сосуд»⁶.

1 Студзицкая С. В., Кузьминых С. В. Галичский «клад» – шаманский комплекс бронзового века // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тыс. до н.э. Каталог выставки. – СПб., 2013. – С. 266.

2 Студзицкая С. В., Кузьминых С. В. Галичский «клад»: (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М., 2001. – С. 134–140; Кузьминых С. В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // Краткие сообщения Института археологии (КСИА). – 2011. – № 225. – С. 240–263.

3 Костромские находки. (Письмо Преосвященного Павла, Епископа Черниговского, на имя Секретаря Общества) // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. / Ред. проф. Погодин. Т. I. – М., 1837. – С. 101–105.

4 Галичский клад. Костромские находки [фрагмент письма епископа Павла на имя секретаря «Общества истории и древностей российских»]. URL: <http://www.starina44.ru/galichskiy-klad> (дата обращения: 08.04.2015).

5 Студзицкая С. В., Кузьминых С. В. Галичский «клад» – шаманский комплекс бронзового века. – С. 265–266.

6 Свинын П. Краткая записка о древностях, найденных близ Галича. URL: <http://www.starina44.ru/galichskiy-klad> (дата обращения: 08.04.2015).

Абашевский компонент клада – вислообушные топоры, ножи, браслеты, очковидные привески, пронизки, полушарные бляшки⁷ «подсказывают» направление для поисков керамики, аналогичной галичскому сосуду.

На мой взгляд, наибольшего внимания заслуживает вещевой комплекс Кухмарского курганного могильника, открытого Ярославской археологической экспедицией (Я. В. Станкевич) на берегу Плещеева озера в конце 30-х гг. прошлого века⁸.

Погребальный памятник расположен на холмообразном песчано-гравийном возвышении коренного берега Плещеева озера, в 7 км к северо-востоку от исторического центра г. Переславля-Залесского – в излучине ручья Кухмарь⁹. Первыми стационарными раскопками могильника в 1939 г. руководили П. Н. Третьяков и Я. В. Станкевич. В исследованных ими четырех курганах обнаружена керамическая посуда и собран немногочисленный медно-бронзовый инвентарь¹⁰. Наиболее масштабные работы на Кухмаре были предприняты в 1959–1960, 1971 и в 1973 гг. Д. А. Крайновым (изучено 33 насыпи)¹¹.

В коллекции Кухмарского могильника, кстати, не самой выдающейся среди прочих абашевских курганных древностей, есть оригинальный сосуд, который мог иметь ритуальное значение в эпоху бронзы. Речь идет о находке из кургана № 13 (рис. 2).

Сосуд с шаровидным туловом и резко отогнутой наружу раструбообразной шейкой, расчищенный в погребении № 1 упомянутого кургана, имел богато орнаментированную внешнюю поверхность с «отпечатками мелкозубчатого штампа в виде косо-вертикальных насечек (7 рядов), разграниченных зигзагообразными линиями из насечек того же штампа»¹².

7 Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. – М., 1967. – С. 45–46.

8 Крайнов Д. А. Кухмарский курганный могильник // КСИА. – 1962. – № 88. – С. 51–63.

9 Крайнов Д. А., Уткин А. В. Курганный могильник у ручья Кухмарь на Плещеевом озере // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. – Йошкар-Ола, 1991. – С. 147.

10 Крайнов Д. А. Указ. соч. – С. 51.

11 Крайнов Д. А., Уткин А. В. Указ. соч. – С. 147, 155. Рис. 1.

12 Крайнов Д. А. Кухмарский курганный могильник. – С. 59. Рис. 13.

*Рис. 2. Глиняный круглодонный сосуд из кургана № 13
Кухмарского могильника (по Д. А. Крайнову).*

Как справедливо отмечал основной исследователь Кухмарского могильника Д. А. Крайнов, рассматриваемая находка интересна «еще и тем, что на внутренней стороне шейки нанесен крайне сложный рисунок»¹³.

Кроме орнамента в виде косых насечек, Д. А. Крайновым зафиксировано шесть довольно условных изображений представителей речной ихтиофауны и орудий рыболовства, которые интерпретируются исследователем как рисунок пиктографического характера¹⁴.

Прямых аналогий кухмарской композиции нет, но изображения «рыбы, пораженной гарпуном»¹⁵, рыболовной верши или вентеря, гарпуна с пятью

¹³ Там же. – С. 60. Рис. 14, 5.

¹⁴ Там же. – С. 59.

¹⁵ Там же.

шипами и трех рыбообразных существ, на мой взгляд, передают некое сакральное действо, сопряженное с шаманскими ритуалами эпохи палеометалла.

Чтобы выяснить смысловую нагрузку образа рыбы (рыб) в обрядовой практике эпохи, оставившей после себя ритуально-культовый (шаманский) комплект бронз Галичского клада¹⁶, обратимся к опубликованным этнографическим источникам.

Любопытные свидетельства об использовании шаманских фетишей в виде рыб приводит в одной из своих статей Д. К. Зеленин: «Тунгусский шаман, приступая к лечению больного, также велит надеть идолов в виде зверей и рыб, которыми и обкладывают больного. <...> У енисейских тунгусов при шаманском камлании от болезней употребляются духи – деревянные изображения человека на налиме, две деревянные сросшиеся хвостами рыбы-мамонты, плот из девяти антропоморфных онгонов и т.д. По свидетельству Кривошапкина, на р. Енисей, камлая для излечения болезни, шаман кладет вокруг места камлания разную рыбу, сделанную из дерева...»¹⁷.

Кроме того, из этнографических сочинений нам известны «случаи, когда шаманы вселяют в леканы (зооморфные обрядовые амулеты. – *Е. III.*) своих духов-помощников. Например, у енисейских тунгусов, по свидетельству К. Рычкова, шаман делает деревянное изображение рыбы тайменя или налима, <...> для того, чтобы отправить его в поиски за похитителем души больного»¹⁸.

По якутским верованиям, духи-помощники шамана могли являться в образе рыб¹⁹. Костюм якутского шамана, по описанию исследователей XIX века, имел железные нашивки-амулеты, изображавшие рыб²⁰.

Таким образом, изображения рыб на сосуде из кургана № 13 Кухмарского могильника полностью соотносятся с атрибутикой сибирского ша-

16 Студзицкая С. В., Кузьминых С. В. Галичский «клад»: (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии). – С. 140–155.

17 Зеленин Д. К. Культ онгонов в Сибири // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.: хрестоматия в 2 т. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. / Сост. Т. Ю. Сем. – СПб., 2011. – С. 158–159.

18 Там же. – С. 162.

19 Там же. – С. 165.

20 Там же. – С. 170.

Рис. 3. Медный «ящер» из Галичского клада. ГИМ.

Фото М. Пахаренко.

манизма, получившего мощный импульс к становлению в бронзовом веке Северной Азии²¹.

Изображения гарпуна и пронзенной им рыбы, запечатленные на кухмарском сосуде, у нас ассоциируются со стрелами-оберегами, которые в шаманской мифо-ритуальной практике призваны были запугивать или даже убивать демонов²².

Вместе с воинами-шаманами сейминско-турбинской традиции в Восточную Европу из Прибайкалья и Горного Алтая попадают великолепные образцы медно-бронзового культового литья, впоследствии найденные крестьянами помещицы Челеевой близ Галичского озера.

Одна вещь из культового комплекта Галичского клада – отлитый по восковой модели «ящер» (рис. 3), – позволяет выстроить гипотетическую

21 Окладников А. П. Проблема связи между племенами Западной Сибири и Прибайкалья (на материалах петроглифов) в раннем бронзовом веке (тезисы) // Из истории Сибири. – 1973. – № 7. – С. 24.

22 Зеленин Д. К. Указ. соч. – С. 150.

параллель между этим фантастическим животным, представляющим, как думал Ф. А. Теплоухов, нечто среднее между зверем и рыбой²³, и символическими изображениями рыб на внутренней стороне шейки кухмарского керамического сосуда.

Палеозоолог Е. Е. Антипина, консультировавшая С. В. Студизскую и С. В. Кузьминых по вопросу о фаунистической принадлежности галичского «ящера», «видит в этой фигурке в большей степени черты некоего рыбоподобного существа, нежели выдры, бобра и им подобных»²⁴.

Фантастическое рыбоподобное существо из Галичского клада, по мнению Л. С. Грибовой, является воплощением нижнего (подземного, загробного, потустороннего) мира²⁵. В этом мире оказались и предметы шаманского костюма (В. П. Денисов, С. В. Кузьминых и Е. Н. Черных относят Галичский «клад» к числу разрушенных могильников типа Сейма-Турбино)²⁶, и абашевско-фатьяноидный сосуд с Кухмаря²⁷.

В заключение отмечу, что наше предположение о происхождении и культурной принадлежности давно утраченного галичского горшка, конечно, нуждается в дополнительной проверке. Археологические материалы с неравноценных по своей природе памятников и этнографические источники XVIII–XX вв. лишь приближают нас к пониманию процессов этнокультурного взаимодействия на территории Верхнего Поволжья в эпоху средней и поздней бронзы.

---

23 Студизская С. В., Кузьминых С. В. Указ. соч. – С. 145.

24 Там же.

25 Грибова Л. С. Пермский звериный стиль: (Проблемы семантики). – М., 1975. – С. 11–13.

26 Денисов В. П., Кузьминых С. В., Черных Е. Н. Могильники сейминско-турбинского типа в Волго-Камье // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. – Казань, 1988. – С. 52.

27 Крайнов Д. А., Уткин А. В. Указ. соч. – С. 151.

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИИ БЕЛОЗЕРСКОЙ ВЕСИ В ПРИУРАЛЬЕ В КОНЦЕ IX В.

Шумилов Е. Н.
г. Пермь

Долгое время исследователи рассматривали летописную белозерскую весь как предка современных вепсов: этому обстоятельству в немалой степени способствовали схожесть их этнонимов, территориальная близость и некоторые общие элементы культуры¹.

И только в последние десятилетия усилиями археологов была воссоздана реальная историческая география расселения веси и прослежен процесс ее этногенеза, оказавшийся довольно сложным и иным, чем у вепсов: в нем, наряду с балтами, приняли участие поволжские финны².

Выявлен также был компонент, связанный с неволинской, ломоватовской и ванвиздинской археологическими культурами Приуралья. Появление приуральских переселенцев можно объяснить сложной обстановкой, сложившейся на рубеже VIII – IX вв. в среднем Приуралье, особенно в районе Сылвенского поречья – территории расселения неволинцев. Здесь тогда отмечались массовая гибель населения и коллективные захоронения, сделанные в спешке. Уцелевшая часть неволинского населения устремилась к волжским булгарам и ломоватовцам³. Миграционный процесс неволинцев продолжался и далее за счет включения в него представителей ломоватовской и ванвиздинской культур. Благодаря этому факту мы можем проследить путь движения мигрантов на запад: он проходил через верховья Камы, Вычегду, Сухону к Белому озеру.

Мигранты, будучи более опытными, чем местное население, в военном искусстве, заняли, несомненно, доминирующее положение в Белозерском крае (так для удобства изложения материала мы назовем район расселения веси). Это, в первую очередь, относилось к потомкам неволинцев – вои-

---

1 Голубева Л. А. К проблеме этногенеза веси // Древние славяне и их соседи. – М., 1970. – С. 142–146.

2 Башенькин А. Н. Некоторые общие вопросы культуры веси. V – XIII вв. // Культура Европейского Севера России (дооктябрьский период). – Вологда, 1989. – С. 3 – 21.

3 Очерки археологии Пермского Предуралья. – Пермь, 2002. – С. 149

нов-конников, населявшим ранее беспокойную лесостепную зону Приуралья. Их присутствие наиболее заметно на реке Андога, притоке Суды⁴.

Археологи констатируют, что реалией весской цивилизации являлись различия в культуре отдельных групп населения. Они отчетливо проявлялись на Суде, Андоге, Андозере, средней Шексне, в центральной части Белозерского края и в других регионах⁵. Это свидетельствует об определенной разобщенности общества, сформировавшегося из нескольких этнических групп. И полной его консолидации достичь не удалось, так как, начиная с конца IX в., здесь отмечается присутствие скандинавов, а позднее – славян. При этом наблюдалась экспансия на территорию веси одновременно по двум направлениям – с территории Ладоги и верховий Волги. Целью скандинавов было объясачивание веси, выбивание дани-пушнины, а также получение «живого товара» для реализации его на рынках Булгара⁶.

Это привело к тому, что наиболее активная часть общества, в первую очередь, бывшие жители Приуралья, покинула Белозерский край и устремилась обратно на свою историческую родину в родственную по языку среду. Но возвращалось на родину уже иное население, чем то, что ушло ранее на запад. За время проживания в Белозерском крае оно вобрало в себя или увлекло за собою на восток другие группы веси. В результате у него появился иной, чем ранее, антропологический тип – восточно-балтийский, заимствованный у местного населения. Белозерцы (будем так для удобства называть возвращенцев) расселились на землях ванвиздинской и ломоватовской культур. Основная их масса обосновалась в верховьях Вычегды и ее притока Выми. Это привело к созданию в IX в. в бассейне Вычегды новой археологической культуры, получившей название вымская. Именно белозерцы заложили основу вычегодских коми-зырян, обладающих ныне восточно-балтийским антропологическим типом⁷.

С появлением белозерцев в бассейне Вычегды стали сооружаться неизвестные здесь ранее городища, возникли зачатки примитивного земле-

4 Кудряшов А. В. Белозерская весь: современный взгляд // Русь в IX – XII веках. Общество, государство, культура. – М., 2014. – С. 299 – 311.

5 Там же.

6 Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М., 1987. – С. 55, 64.

7 Там же. – С. 129.

деляя, появились новые элементы в погребальном обряде. Кроме того, на Вымской земле зафиксирована топонимика весского происхождения⁸.

В меньшей степени миграция белозерцев затронула Верхнекамье. Но и здесь, как и на Вычегде, они сохранили в дальнейшем контакты с Белозерьем, даже тогда, когда весь подверглась славянизации, о чем можно судить по наличию выявленных артефактов⁹.

Однако и на новом месте обитания в Приуралье белозерцев ждали серьезные испытания, поскольку ценными мехами интересовались не только скандинавы, но и волжские булгары. Уже в IX в. булгары вступили в торговые отношения с предками удмуртов, проживавшими тогда в низовьях Вятки. Первое время торговля с аборигенами-охотниками велась с использованием импортных серебряных дирхемов, часть которых попала в клады¹⁰. Но скоро булгары поняли, что гораздо выгоднее отбирать меха у местных охотников силой, чем их покупать. С начала X в. белозерцы становятся известными восточным авторам под именем вису (ису). Первым о них поведал миру арабский путешественник и писатель ибн-Фадлан, посетивший в 921 г. Волжскую Булгарию. Он знал о вису немного, лишь то, что булгарские купцы ездили в страну Вису и привозили оттуда соболей и черных лисиц¹¹.

Известны и другие краткие сведения о вису, сохранившиеся в трудах средневековых мусульманских писателей-компиляторов. Но наиболее обстоятельная характеристика вису принадлежит другому арабскому путешественнику — ал-Гарнати. Он, в отличие от компиляторов, был в Волжской Булгарии в 1135 г. По его словам, булгары взимали с вису харадж — земельный налог и пускали их в свои владения только зимой, поскольку летом вису, согласно мнению булгар, могли принести им несчастье. Видел ал-Гарнати и самих вису, одетых в льняные одежды: они имели голубые глаза и белые, как лен, волосы¹². Что еще раз подтверждает их принадлежность к восточно-балтийскому антропологическому типу.

8 Савельева Э. А. Актуальные проблемы этногенеза коми-зырян // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. — Сыктывкар, 1982. — С. 14 — 31.

9 Там же

10 Хан Н. А. Очерки о распространении куфических монет на территории Восточной Европы в конце VIII — начале XI вв. — М., 2004. 159 с.

11 Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М. — Л., 1939. — С. 74.

12 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 — 1153 гг.). — М., 1971. — С. 31 — 35.

В X в. под давлением булгар часть белозерцев мигрировала за Урал, где участвовала совместно с уграми в создании полиэтничной юдинской культуры. Они принесли в Зауралье неизвестный здесь ранее обряд кремации, а также значительное количество вещей славянского и приуральского происхождения, в частности, проушные топоры, железные ножи, витые и пластинчатые браслеты, бронзовые и серебряные перстни, серьги и височные подвески, металлические и стеклянные бусы¹³.

К 1135 г. булгары уже прочно утвердились в землях вису в Верхнекамье, но их больше интересовало Зауралье. Приуралье же они рассматривали как опорную базу для транзитной торговли пушниной, моржовой костью и невольниками из Западной Сибири в Волжскую Булгарию¹⁴.

Ал-Гарнати говорит о налоге, собираемом булгарами с вису – земледельцев. Археологические раскопки подтверждают правоту его слов: в XII в. в Верхнекамье получает развитие пашенное земледелие. Но оно развивалось преимущественно в северной части региона, там, где условия ведения сельского хозяйства были хуже, чем в более южных районах Верхнекамья – в Иньвенском и Обвинском поречьях. Примечательно, что местное население пользовалось при обработке земли не булгарскими сабанами, а пахотными орудиями труда северорусского образца¹⁵.

Более того, в XII в. в гончарном производстве местного населения параллельно с булгарскими элементами прослеживаются и северорусские традиции ремесла. Всё это говорит в пользу того, что население Верхнекамья, в первую очередь, его северной части, испытывало влияние со стороны русского населения, осевшего в Вымском крае¹⁶.

Проникновение северорусского населения в вымскую культуру предков коми-зырян зафиксировано во второй половине XI в. Это были сборщики дани из Ладоги, которые оставили на реке Вымь у порогов Кичилькосьский I могильник с богатыми захоронениями, включавшими 54 западноевропейских денария (чешские, германские, датские, голландские и др.)¹⁷.

13 Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – С. 169 – 174.

14 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 – 1153 гг.). – С. 31 – 35.

15 Очерки археологии Пермского Предуралья. – С. 168.

16 Там же. – С. 170.

17 Савельева Э. А. Кичилькосьский могильник // Археологические исследования в бассейне Печоры. – Сыктывкар, 1973. – С. 63 – 98

В XII в. в долинах рек Выми и Вычегды появляются первые северорусские поселения. Археологические находки свидетельствуют о тесных торговых связях в XI – XII вв. Перми Вычегодской с Волжской Булгарией через земли Верхнекамья¹⁸.

Вторжение в Верхнекамье в первой половине XIII в. монгольских завоевателей привело к значительным потрясениям в регионе. Были нарушены давно сложившиеся торговые связи. Тюрки-скотоводы, проникшие сюда, оттеснили большую часть местного населения в более суровые по климату северные районы Верхнекамья¹⁹.

Из письменных источников исчезло и само имя вису. Теперь их потомков стали звать «чудь белоглазая». Представители вису, оставшиеся на насиженном месте и попавшие под власть тюрков, испытали на себе все прелести ига кочевников. Отголоском этих событий являлся обычай топтать конями мужской частью населения чудов, практиковавшийся до недавнего времени в среде южных (иньвенских) коми-пермяков²⁰.

И хотя, со временем, пришлые тюрки были ассимилированы, чуды (чудь) в представлении южных коми-пермяков остались врагами. Тогда как северные коми-пермяки, сохранившие, в целом, в своем облиции восточно-балтийский тип, до сего времени считают чудов («чудь белоглазую») своими предками и почитают их²¹.

---

18 Савельева Э. А., Королев К. С. Торгово-экономические связи Перми Вычегодской с Волжской Булгарией // Известия Коми научного центра УрО РАН. Выпуск 3 (7). – Сыктывкар, 2011. – С. 90.

19 Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. – Иркутск. 1990. – С. 49 – 50.

20 Голева Т. Г. Образы коня, быка и коровы в представлениях коми-пермяков // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь, 2009. Выпуск VI. – С. 207.

21 Королева С. Ю. Чудь с русскими именами: кого и как поминают на чудских могильниках? (материалы Верхнего Прикамья) // Социо- и психолингвистические исследования. – Пермь, 2014. Вып. 2. – С. 156 – 170.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОСТРОМСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА В 2012– 2015 ГГ.

Щербаков В.Л.

Костромской государственной историко-архитектурной и
художественной музей-заповедник, г. Кострома

В 2012 году Костромской музей-заповедник приступил к проведению археологических работ на территории Костромской области в рамках разработки научной темы «Исторические города и села Костромского края».

Первым объектом исследований стало селище Тетеринское в Нерехтском районе¹. Программа изучения памятника включила в себя археологические разведки и раскопки. В результате работ собрание музея пополнилось материалами развитого и позднего средневековья². Впервые на территории Костромской области крупное средневековое сельское поселение изучалось во взаимосвязи с округой.

На селище Тетеринское в общей сложности вскрыто 84 кв.м. культурного слоя. Вещевая коллекция насчитывает несколько тысяч фрагментов керамики и более ста индивидуальных находок. Ряд вещей не имеют аналогов в собрании Костромского музея. Так, в 2013 году на раскопе I изучены остатки постройки второй половины XIV-первой половины XV в., относящейся к усадьбе, существовавшей на поселении в XIV-XVI вв. В заполнении постройки, помимо бытовых предметов, найден фрагмент маджарской керамики XIV в. и бронзовый крест-энколпион, частично сохранивший эмалевое покрытие и позолоту (Рис.1)³. Предполагается, что постройка могла входить в состав усадьбы бояр Остеевых, в вотчину которых входи-

---

1 Щербаков В.Л. Отчет об археологическом обследовании селища Тетеринское XII-XIII, XV-XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2012 г. – Кострома, 2013.

2 КМЗ ОФ 2742, 3186; КМЗ ВФ 606, 616, 617, 709.

3 Щербаков В.Л. Отчет об археологических раскопках селища Тетеринское XII-XIII, XIV-XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2013 г. – Кострома, 2014. – С.58; Рисунки к предлагаемой статье выполнены сотрудницей отдела археологии ОГБУК КГИАХМЗ А.С. Кузнецовой.

ло село Тетеринское⁴. Заслуживает внимания существенная деталь – остатки указанной постройки были перекрыты слоем осколков глиняных плиток⁵, по своим метрическим параметрам близких средневековой плинфе. Наличие такого рода строительных остатков является маркером существования храма на прилегающей территории (первые упоминаемые в Тетеринском церкви были деревянными).

Раскопками 2014 года на селище изучена периферийная зона. Из ямы №3, датированной второй половиной XIV-первой половиной XV в., происходит наконечник стрелы-срезня⁶, первый наконечник этого типа, найденный на территории Костромской области.

Проведенные раскопки позволили установить время возникновения селища – ранняя часть вещевого комплекса относится к периоду не ранее второй половины XIII в. Облик наиболее древней части керамической коллекции полностью идентичен облику синхронной владимирской посуды. Обстоятельства возникновения поселения видятся следующим образом: селище основано населением, бежавшим из центральных районов Северо-Восточной Руси от татаро-монгольских набегов второй половины XIII в.

Селище Тетеринское, согласно данным письменных источников и археологических изысканий, в своем развитии прошло ряд этапов: поселок переселенцев второй половины XIII в., центр феодальной вотчины XIV-начала XV в., монастырская вотчина (Переяславского Горицкого монастыря) XV-XVIII вв.

Разведочные работы, помимо территории собственно селища Тетеринское (2012 г.), охватили его округу и преследовали цель определить время возникновения ближайших деревень, известных по письменным источникам XVIII в.⁷ В результате разведки 2013 года выявлено три селища конца XV

4 Днев М.Я. История города Нерехты. - Кострома, 2012. - С.11.

5 Щербаков В.Л. Отчет об археологических раскопках селища Тетеринское XII-XIII, XIV-XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2013 г. – Кострома, 2014. – С.25.

6 Щербаков В.Л. Отчет об археологических раскопках селища Тетеринское XII-XIII, XIV-XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2014 г. – Кострома, 2014. – С.38.

7 Смирнов М. Костромские вотчины Переяславского Горицкого монастыря (материалы) // Исторический сборник. – Кострома, Типография губернского земства, 1917. – С.8-19; Генеральный геометрический план городу Нерехте и уезду, состоящему в Костромском наместничестве. Сочинен в Нижегородской межевой конторе в 1793 году. Копия.

(XVI)-XVIII в.⁸ Таким образом, округа, религиозным и административным центром которой было село Тетеринское, возникла не ранее конца XV в.

В 2014 году археологическая экспедиция Костромского музея-заповедника приступила к исследованиям летописного города Унжа, первое упоминание о котором датируется 1219 г.⁹ В ходе обследований 2014-2015 гг. были выявлены 8 участков распространения культурного слоя городского посада, функционирование которого относится к XV-XIX вв.¹⁰ Ранее памятники археологии на данной территории известны не были.

В результате археологической разведки 2015 года удалось выяснить, что культурный слой городища (крепости) Унжа полностью уничтожен разновременными некрополями: в западной части площадки — кладбищем второй половины XVII-XVIII в.; в восточной части площадки локализуется кладби-

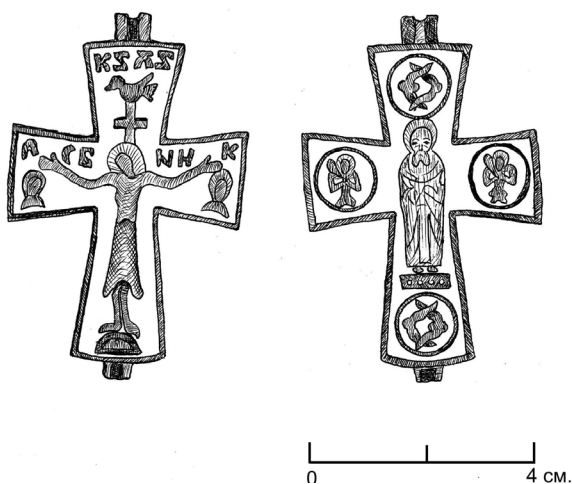
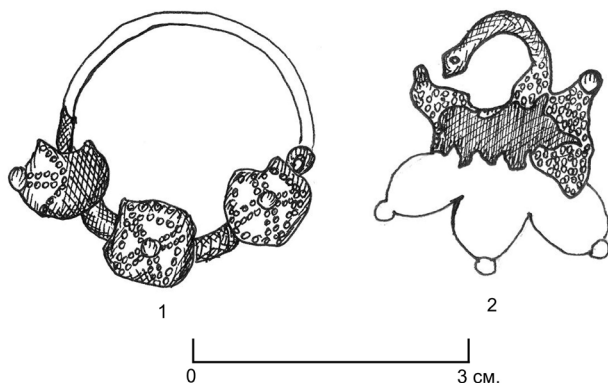

Рис. 1. Крест-энколпион из коллекции раскопок 2013 г. (селище Тетеринское)

8 Щербаков В.Л. Отчет об археологической разведке в Нерехтском районе Костромской области в 2013 году. – Кострома, 2014.

9 Полное собрание русских летописей. Т.VII. – Санкт-Петербург, 1856. – С.126.

10 Щербаков В.Л. Отчет об археологической разведке на территории села Унжа в Макарьевском районе Костромской области в 2014 году (в 2-х томах). – Кострома, 2014.

Рис.2. Фрагменты городских украшений из раскопок 2015 г. (посад города Унжа): №1-трехбусиное височное кольцо, №2-колт.

ще при Воскресенском соборе, функционировавшее в XIX-начале XX в., не исключено наличие и здесь погребений второй половины XVII-XVIII в. Примечателен факт отсутствия находок в слое погребенной почвы, зафиксированном под оплывшей насыпью вала, что указывает на возникновение крепости на ранее пустовавшем участке.¹¹

Проведенные в 2015 году археологические раскопки на территории селища Унжа 1 (площадь раскопа 48 кв.м.) позволили установить, что расположенное на минимальном удалении от городища селище является городским посадом, о чем наглядно свидетельствует вещевая коллекция раскопок, включающая фрагменты городских украшений (трехбусинного височного кольца, колта) (Рис.2), предметы торговли (фрагменты амфор), многочисленные стеклянные браслеты¹².

11 Материалы исследований 2015 года находятся на обработке в отделе археологии ОГБУК КГИАХМЗ.

12 Материалы исследований 2015 года находятся на обработке в отделе археологии ОГБУК КГИАХМЗ.

На протяжении 2012-2015 гг. экспедицией Костромского музея-заповедника переданы в департамент культуры Костромской области необходимые для постановки на государственный учет и охрану данные об 11 новых памятниках археологии, проведены раскопки двух исторических поселений и собрана представительная вещевая коллекция.

Безусловно, работы по изучению исторических городов и сел Костромского края далеки от своего завершения. В условиях малоизученности не только сельских, но и городских исторических поселений региона, проведение обследований и ограниченных раскопок на их территории является только началом системного изучения средневекового прошлого Костромского Поволжья.

СЕКЦИЯ 2. КРАЕВЕДЕНИЕ И ЭТНОГРАФИЯ

СЕВЕРНОЕ ПОВОЛЖЬЕ И РУССКИЙ СЕВЕР КАК СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ. ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Беляева Т. А., Беляев И. В., Чебукина Е. Н.
Вологодский государственный университет, г. Вологда

В современной России сохраняется актуальность социально эффективной национальной идеи, нередко говорится о неясности модели развития постсоветского общества. Это затрудняет и решение задач, которые возлагаются на формирующуюся систему непрерывного образования. Его основные векторы правомерно связывать с образовательными и воспитательными направлениями средней и высшей школы. Так, в Концептуальных основах историко-культурного стандарта для средней школы, говорится: «Одной из главных задач школьного курса истории является формирование гражданской общероссийской идентичности»¹. Федеральный Государственный Образовательный Стандарт высшего образования по истории в качестве одной из компетенций называет способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции². Историческое краеведение, решая задачу изучения истории страны через историю регионов, призвано сыграть значительную роль в работе всех звеньев современного непрерывного образования, в том числе, средней и высшей школы, музейных учреждений, культурно-образовательного туризма. Все эти звенья объединяет то,

---

1 Министерство образования и науки РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/>

2 Портал Федеральных государственных образовательных стандартов [Электронный ресурс]. – URL: <http://fgosvo.ru/fgosvpo/7/6/1>

что они сталкиваются с одними проблемными ситуациями, находятся в одном проблемном поле, суть которого – в наличии рассогласования и противоречивости общественных представлений и ожиданий. Проблемы носят гносеологический характер, но тесно связаны с социальной практикой.

В качестве предмета изучения в краеведческих исследованиях выступает тот или иной регион страны. Вместе с тем, научное исследование истории края всегда ставит перед учеными вопрос о сущности общероссийских культурно-исторических процессов, специфике их протекания в регионе, значимости его опыта для страны в целом. Социально-гуманитарное знание, как известно, отличается тем, что познаваемый объект находится под повышенным вниманием познающего субъекта, а в краеведении этот фактор может еще усиливаться эмоциональной причастностью автора к краю как предмету исследования. Как следствие противоречия между любовью к отечеству, которая рождает героев, и любовью к истине, которая создает мудрецов, говоря словами П. Я. Чаадаева³, может, на наш взгляд, возникать опасность «героизации» истории края, создание образа «исключительности» его судьбы. Как гносеологическое по характеру, мы сводим это противоречие к сосуществованию эмоционального и рационального освоения мира, двух известных ступеней познания.

Как известно, предмет научного исследования – это та или иная сторона или свойство изучаемого объекта. В нашем случае таким свойством является сопредельность территорий. На материалах Верхнего Поволжья и Русского Севера мы и попытаемся приблизиться к пониманию этнокультурной, региональной и общерусской истории, содержанию понятия «гражданской общероссийской идентичности», его образовательного и воспитательного потенциала.

В настоящее время в понятие Русский Север обычно включают современные Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую области, север Ленинградской области, Карельскую и Коми республики. А. Б. Пермиловская в статье «Русский Север в пространстве культуры»⁴ отмечает, что исследователи по-разному относятся к границам этого региона, особенно его южной части, и, не ограничивая его пределами бывшей Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, включают северо-восток быв-

---

3 Чаадаев П. Я. Избранные сочинения и письма. М., 1991. С. 142.

4 Грамота.ру [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gramota.ru/>

шей Санкт-Петербургской губернии, бывшие Новгородскую и Тверскую, а также северную часть Костромской губернии. Что касается сравнительной и оценочной стороны, автор говорит о выдающейся роли Русского Севера в становлении национального самосознания. Специфическую особенность северной русской культуры автор объясняет так: находясь в экстремальных географических и климатических условиях, «пороговой» ситуации, в борьбе за выживаемость она обращается к своим исходным основаниям, и, благодаря этому, родовые черты «материнской» культуры в северной русской традиции сохранены в своей первозданной сути. «Русский Север, – пишет А. Б. Пермиловская, – сыграл важную роль в русской культуре, став в силу исторических причин хранителем «генофонда» национальной культурной традиции, сохранив черты ее самобытности даже в условиях разложения традиционной культуры, которое шло в центральной России на рубеже XIX–XX веков»⁵.

И. В. Власова в статье «Вологодская земля и ее население: этническая история XII–XX веков»⁶ замечает, что севернорусское население, особенно XIX–XX веков, не является этнотерриториальной общностью, сохранившей свои территориальные особенности, восходящие к племенным различиям древнерусского периода. В своем интереснейшем исследовании об этнической истории Вологодского края с его этнографическими, антропологическими, диалектными зонами автор рассказывает, например, о группе «ягутков» («ягунов»). «Яго» вместо «его» и «каго» вместо «кого» («кагоканье») – черты бурлацкого говора, проникшего в Череповецкий, Белозерский и Кирилловский уезды. Это группа населения, пишет автор, – профессионального происхождения, связанная с бурлаками Волги и получившая свое название от прозвища.

В целом, историки соглашаются в том, что первыми славянами на Севере были новгородские словене и кривичи с верхней Волги, а к XIV веку граница между новгородскими и ростовскими владениями на Севере была отодвинута с водораздела Кострома–Сухона на водораздел Сухона–Вага. Новгородцы и ростовцы, хотя при расселении и сталкивались с различными группами финно-угорского происхождения, относились к одному этносу. Москва положила конец соперничеству, включив Новгород в состав

---

⁵ Там же . С. 123.

⁶ Вологда: краевед. альманах. Вып. 2 / под ред. М. А. Безнина . – Вологда, 1997 . – С. 47, 62.

Московского государства. Как Русь была размещена в XIV веке, пишет В. О. Ключевский, Москву можно считать этнографическим центром Руси⁷.

Особое значение в истории России в целом принадлежит христианизации населения, формированию православного единства общества, непростым отношениям церкви и государства на различных этапах истории. Это касается и общерусской истории, и истории регионов. Сопредельные территории Верхнего Поволжья и Русского Севера и в этом вопросе дают нам дополнительные аспекты для исследования. Множество туристских программ в Вологде предлагается сегодня под названием «Северная Фиваида». Ее образ в туристских предложениях нередко романтизируется. Изучение этой темы проливает свет на поставленные выше вопросы о смысле изучения сопредельных территорий. А. Н. Муравьев в книге «Русская Фиваида на Севере»⁸ пишет: «...предпринимаю описание родной нашей Фиваиды, которую только что посетил в пределах Вологодских и Белозерских». Порой в туристических программах этого замечания становится достаточно, чтобы говорить об особом месте Вологодского края в духовно-религиозном пространстве страны и Русского Севера («Вологодская область – душа Русского Севера»). Научный подход требует взглянуть на вопрос во всей его полноте и взаимосвязи с сопредельными территориями. Тема «Русской Фиваиды», как ее возникновения, так и запустения, снова обращает нас к общерусской истории. Так, В. О. Ключевский пишет, что движением монастырей обозначился начавшийся в XII веке «отлив русской жизни с юга на север». При этом историк замечает: из 20 монастырей, известных до XII века, только четыре находились в Северной России, а в XII веке из 50 новых монастырей только девять принадлежало Южной Руси. Границу между Южной и Северной Русью историк проводит тогда «по широте Калуги». Некоторые монастыри, прежде всего, Троицкий Сергиев, стали метрополиями: из него или из его колоний образовалось 27 пустынных монастырей и 8 городских, ими были намечены главные направления монастырской колонизации. «Если вы проведете от Троицкого Сергиева монастыря две линии, одну по реке Костроме на реку Вычегду, другую по Шексне на Белоозеро, этими линиями будет очерчено пространство, куда с конца XIVв. усиленно направлялась монастырская колонизация из монастырей центрального

---

7 Ключевский В. О. Сочинения. В 9т. Курс русской истории. Т. 2. Москва., 1987. – С.11.

8 Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере [Электронный ресурс]. – URL: <http://booksite.ru/fulltext/phiv/aida/index.htm>

междуречья Оки – Волги и их колоний. ...Водораздел Костромы и Сухоны, покрытый тогда дремучим Комельским лесом, стал русской заволжской Фиваидой». Ключевский же проливает свет на причины ее запустения. К концу XVI в., пишет он, когда устанавливалась поместная система, особенно успешно развивалось в Московской Руси землевладение монастырское, создавая государству своими успехами большие затруднения в деле обеспечения военно-служилого класса. Это привело московское правительство в столкновение с церковной иерархией, но при этом сплелось столько разнообразных интересов, что явилось целое государственное и церковное движение, которое придало особый характер целому веку нашей истории⁹.

В XVIII в. было прекращено основание новых обителей, а секуляризация 1764 г. сократила количество монастырей более чем на 60%. Вместе с тем в XVIII–XIX вв. монастыри становились центрами паломничества. Тема паломнического туризма привлекает сегодня все больше внимания организаторов путешествий, а значит, и необходимость научного осмысления данного феномена, в том числе как ресурса непрерывного образования и разработки концепции гражданской общероссийской идентичности. С этой точки зрения весьма интересную группу источников представляют литературные произведения в жанре «Путешествий...» и «Путевых заметок», в том числе по сопредельным территориям Русского Севера и Верхнего Поволжья. Их круг достаточно широк. В преподавании краеведения мы находим множество смыслов обращения к этой литературе. Так, наше внимание привлекли, в частности, книги Н. А. Лейкина и А. П. Энгельмейера¹⁰. Как оказалось, они описывали одно и то же путешествие, т. к., независимо друг от друга, плыли на одном пароходе от Вологды до Архангельска. Далее Н. А. Лейкин вернулся поездом в Петербург, а А. П. Энгельмейер продолжил путь на Соловецкие острова, а затем по странам Скандинавии. Наше внимание привлек их взгляд на Север и северян, их заметки о региональных особенностях населения края, сравнение со «средней Россией». В книге Н. Лейкина обсуждение этого вопроса происходит тогда, когда путешественники оказались близ Котласа, где Вычегда впадает в Малую Двину, и реки, слившись вместе, образуют большую Северную

⁹ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 232–235.

¹⁰ Лейкин Н. А. По Северу дикому: путешествие из Петербурга в Архангельск и обратно. Поездка на водопад Кивач. – СПб., 1904. – 208 с. Энгельмейер А. По русскому и скандинавскому Северу: Путевые впечатления: В 4-х ч. – М., 1902.

Двину. Автор пишет: «Село имеет вид полной зажиточности. Крепкие, высокие избы с клетями и амбарами под жильем в четыре-пять окон и иногда еще с мезонином, все сплошь крытые тесом. Когда, приняв пассажиров и нагрузившись топливом, мы проходили мимо всей линии этого села, я не заметил ни одной ветхой, ни одной развалившейся избы, которые так часты в селах и деревнях средней России... К дровам высыпали посмотреть на пароход бабы и ребятишки. ...Я невольно залюбовался на этих баб. Высокие, стройные, темноволосые – они и держали себя с достоинством: не совали пассажирам молоко и яйца, стараясь перебить друг у дружки покупателя, не кричали, не суетились. Даже вид у них был какой-то гордый. Коротеньких, приземистых баб, напоминающих тумбу, столь частых в средней полосе России, совсем было не видеть. Я невольно восхищался ими и сказал моему товарищу К. С. Баранцевичу:

- Какой сильный, крепкий народ здесь на Севере! И посмотрите, как эти бабы держат себя, с каким достоинством.

- Оно и понятно, отчего это, - отвечал тот. – Крепостного гнета не видали. И предки их никогда не были крепостными. Народ свободный, вольный из поколения в поколение. В старину пришли сюда из Великого Новгорода вместе с мужьями-ушкунниками. Ведь это потомки новгородских ушкунников, а те уж бесспорно были народ бодрый, смывленный, энергичный, крепкий. Пришли и сели на обширные пустыри, питаясь хорошо и от земли, и от воды, и от леса, прямо без запрета, не боясь ни станowych, ни судей, ни помещиков. Ведь здесь помещиков никогда не было. От сильных и крепких предков – сильные и крепкие потомки»¹¹. Другой путешественник, А. П. Энгельмейер, разделяет высокую оценку русских северян. Затем, путешествуя по Скандинавии, он говорит о русских чертах вообще. И тут нельзя не вспомнить не превзойденные в этом жанре «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина.

Подводя некоторые итоги нашего исследования, заметим, что, вопрос о Русском Севере и Верхнем Поволжье – это вопрос о «пространстве русской жизни», ее основах и сути, самосознании и самоидентификации народа. Этническая и социально-культурная история Верхнего Поволжья и Русского Севера как сопредельных территорий в целом доказывает, что исторические судьбы верхневолжского и северного народа становятся все более общими после вхождения их в состав Московского государства, с

---

¹¹ Лейкин Н. А. Указ. соч. С. 20–21.

этого времени начинается новый этап и этнической истории русского населения северных областей. Наряду с определенными различиями в этнической истории, к разнообразию в общерусской культуре населения приводило сосуществование в России двух форм социально-экономических отношений – поместно-вотчинного землевладения с крепостничеством и государственного феодализма. На Русском Севере эта граница, как отмечают историки, особенно заметна. Важную роль играло и становление духовно-религиозной истории страны. Исследование темы убеждает нас в том, что инновационная модель преподавания региональной истории в контексте требований современного непрерывного образования может быть сформирована на пути взаимодействия всех его звеньев, в том числе средней и высшей школы, музейных учреждений, а также культурно-образовательного туризма. Научное наставление С. М.Соловьева «не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм...»¹² поможет глубже понять и реализовать идею гражданской общероссийской идентичности.

---

12 Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн.1.Т. 1-2 М.: Мысль, 1988.

РУССКИЕ НЕМЦЫ В ИСТОРИИ ЧУХЛОМСКОГО УЕЗДА КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Герасимова Т.Н.

ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник» Чухломский филиал. г. Чухлома

Человеческая история всегда была историей отношений различных по своей антропологической, языковой и культурной принадлежности общностей, жизнь которых невозможна без взаимодействия и общения. На протяжении столетий Германия и Россия находились в тесном контакте друг с другом. На территории России до сих пор проживает значительное число представителей немецкого этноса. Выходцы из Германии, жившие в России, оказали большое влияние на политическую жизнь, экономику и культуру новой родины. Оставили свой след немцы и в истории Чухломского уезда Костромской губернии.

С XVIII – XIX веков чухломский край стал малой родиной или местом жительства для многих представителей древних германских родов.

Гильдт Христиан Иванович происходил из дворян Священной Римской империи, княжества Нассау Саарбрюкенского. На службе России состоял с 1773 г. в чине подпоручика Санкт-Петербургского полка. Участвовал в войне с Турцией в 1773 – 1774 гг., 1788 г. Принимал участие в боевых действиях в Польше в 1778, 1779, 1783, 1784, 1787 гг. Дослужился до звания секунд-майора. После выхода в отставку в 1789 – 1802 гг. исполнял должность чухломского городничего¹. В его владении и владении его жены, Натальи Васильевны (урожденной Воейковой) находились ус. Поповское, с. Ново-Никольское Чухломского уезда. Чухломский городничий коллежский асессор Гильдт был первым смотрителем Чухломского народного училища.

Представитель другой немецкой фамилии – Оскар Карлович Моллер – дворянин, действительный статский советник, мировой посредник, гласный земской управы, неоднократно избиравшийся секретарём, 23 года жизни отдал работе в Чухломском уездном земстве. Он способствовал воз-

---

1 Бадьина Н. В. Иностранные подданные на службе российских государей // Страницы времён. 2011. № 4. С. 91.

Моллер Оскар Карлович, кон. XIXв.

возможности получения образования крестьянскими детьми, был членом училищного совета от земства.

Чухломское уездное земство с самого начала своей деятельности (1865 г.) обращало особое внимание на развитие народного образования в уезде и с каждым годом увеличивало ассигнование сумм. Чухломский уезд в 1875 год вполне справедливо считался первым по уровню образованности жителей в Костромской губернии, о чём в своём заявлении земскому собранию в марте 1875 года докладывал гласный священник Николай Соболев.

В 1881 г. Оскару Карловичу Моллеру земское собрание выразило благодарность «за постоянное посещение училищ и вообще внимание и усердие к делу народного образования»². В 1886 г. именно Моллер выступил противником снижения пособия на содержание городского женского училища с 500 до 200 руб. Он считал, что «такое значительное сокращение суммы со стороны земства на содержание единственного в уезде женского училища ... равносильно закрытию вовсе училища, на что едва ли имеем право, т.к. женское училище утверждено было министерством и основано бывшим предводителем дворянства, статским советником Валентином Александровичем Новиковым и имеет Высочайше утверждённую стипендию на капитал, пожертвованный помещиком, действительным статским советником Фон-Визиным»³. На 10-

² Сборник постановлений Чухломского очередного земского собрания. Б/м. 1881. С. 29

³ Сборник постановлений Чухломского очередного земского собрания. Б/м. 1886. С. 42.

Кант Каролина Юльевна, кон. XIXв.

ом заседании земской управы от 30 марта 1881 г. было решено капитал этот «передать в управу, поручить ей записать его на приход, положить в ящик для хранения и вести ему особый счёт, а из процентов употреблять известную часть ... в плату за учение и на учебные пособия для четырёх воспитанниц, преимущественно из бедных дворянок, по выбору предводителя дворянства из коих две стипендиатки имени В. А. Новикова, одна – И. С. Фон-Визина и одна в память бывшей попечительницы училища А. И. Котениной»⁴.

О. К. Моллер неоднократно выбирался почётным мировым судьёй г. Чухломы, «как лицо известное своею общественной деятельностью и заслуживающее полного доверия»⁵.

Кроме просвещения, традиционной сферой деятельности немцев, поселившихся на территории Костромской губернии, была медицина и аптечное дело. Среди врачей, работавших в Костромской губернии в конце XVIII – первой четверти XIX вв. упоминается Чухломский городской штаб-лекарь М. Вирман, лекарь Г.А. Клинген⁶. Содержателем Чухломской аптеки был провизор Гуго Христианович Шенрок. Видимо, дела у него в Чухломе шли хорошо и он в 1865 году подал просьбу во врачебное отделение

4 Сборник постановлений Чухломского очередного земского собрания. Б/м. 1881г. С. 39

5 Сборник постановлений Чухломского очередного земского собрания. Б/м. 1872. С. 6

6 Бадьина Н.В. Кострома многонациональная // <https://drive.google.com/file/d/0B48cDmpovKiLS0xLVmJWbjVwZk0/edit?pli=1> С. 46

Костромского губернского правления об открытии аптеки в Парфеньеве⁷. Шенрок, также как и Моллер, неоднократно избирался в почётные Чухломские мировые судьи. На заседании 1 апреля 1883 г. земское собрание постановило: «непременному члену съезда, почётному мировому судье Г. Х. Шенроку, принимая во внимание полезную, усердную и бескорыстную его службу, выразить глубочайшую благодарность за его деятельность по земству»⁸. К сожалению, это постановление осталось не исполненным в связи со смертью Г. Х. Шенрока 7 мая 1883 г.

Аптеку в Чухломе долгое время содержал также обрусевший немец Иоганн Фридрих Фидлер, который был сыном одного из основателей и совладельцев крупной фармацевтической фирмы «Роде и Фидлер».

Впечатления, полученные Иоганно Фридрихом во время участия в русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг. оказало сильное влияние на мировоззрение и привело к пересмотру жизненных целей. И. Ф. Фидлер прекращает свою службу в торговом доме «Роде и Фидлер» в Москве и с частью накопленного капитала отправляется в Чухлому, где открывает большую аптеку. В 1881 г. он привозит в Чухлому молодую жену⁹.

В Чухломе у Фидлеров родилось пятеро детей, а Иоганн Фридрих был крещён в православие и стал Фёдором Фёдоровичем Фидлером. За активную деятельность и заслуги перед обществом он получил потомственное почётное гражданство.

Война 1818 года и последующие войны способствовали увеличению числа немцев на территории Российского государства. В Костромскую губернию были направлены военнопленные солдаты и офицеры германской армии. Первоначально пленные размещались в губернском городе, но уже в апреле 1807 г. часть из них была переведена в уездные города. В Чухломе военнопленные, солдаты и офицеры германской армии находились и в Первую мировую войну. Высшие чины разместили в домах обывателей, а солдаты жили в казарме при воинском присутствии. Три офицера — германские подданные — были женаты на русских девушках, а родившихся

---

7 Там же. С.45

8 Сборник постановлений Чухломского уездного очередного земского собрания. Б/м. 1883. С. 15.

9 Женой Иоганна Фридриха была Каролина Юльевна Кант — правнучатая племянница по линии отца немецкого философа Иммануила Канта. (Щербаков А. К. истории рода Кантов в России. Библиотека Чухломского музея. б/н.)

Альберт Геде, 1 четв. XXв., КМЗ ЧКМ 1016/56, Д-1-737/56

детей окрестили в Чухломском Преображенском соборе¹⁰. На чухломских мещанках были женаты также Рудольф Герман Норенберг и Альберт Эмиль Вильгельм Геде.

Трагическая страница в истории чухломских немцев связана с репрессиями, раскулачиванием и депортацией. В Чухломском архиве сохранились лицевые счета рабочих спецвыселенцев, из которых можно узнать, что в

¹⁰ В метрической книге собора есть такая запись: «Военнообязанный, германский подданный Карл Фридрих Геллер — лютеранин, 29 лет и девица из г. Юхнов Смоленской губернии Елизавета Петровна Барковская венчались 8 января 1916 года» (Байкова Т.Н. О судьбе российских немцев: неизвестные страницы истории чухломского края // Костромская провинция: история, традиции, современность. Выпуск 7. Кострома, 2009. С. 64.)

Галицкая улица, нач. XXв. КОК 50757/1; Д-2-1045/1

Введенском лесопункте наряду с кадровыми русскими рабочими в 1949 г. жили и работали на лесоучастках немецкие семьи. Гейнц, Гернер, Гофман, Гизбрехт, Миллер, Найфельт, Ремпель, Феллер, Циглер, Клаузе, Генн, Ваймер, Фишер и другие. Работа была тяжёлой: заготовка дров, трелевка, прокладка ступняка и путей узкоколейки, ручная заготовка и подкатка лесоматериалов, заготовка и погрузка чурок, окорка, обрубка и сжигание сучьев, очистка демян, раскряжёвка, теребление мха. Вот как вспоминает годы жизни на лесоучастке Эльза Фридриховна Миллер: «Жили мы в спецпоселке, жили тяжело. Если рабочим выдавали по 600 граммов хлеба в день, то детям – ничего. И только с 1948 года стало жить полегче, тем, кто работал, полагалось уже 2 килограмма хлеба и 400 граммов каждому ребёнку. Весной даже крапивы не хватало, всю съедали. Научились рыбу ловить в реке, ягоды в лесу собирать, привыкли к грибам. В 1946 году мне исполнилось 11 лет, я впервые стала учиться в Погореловской школе, закончила всего четыре класса и стала работать. В 16 лет новая печаль, приехали уполномоченные НКВД, сняли отпечатки пальцев, и каждый месяц мы ходили отмечаться и расписываться в журнале. Уходить с Полешмы даже до Судая нам запрещалось. Только через девять лет в 1956 году сняли запрет на передвижение и желающим разрешили покинуть поселок. (13 декабря 1955 года вышел Указ Президиума Верховного Совета «О прекращении ограничений

в правах немцев и членов их семей, которые находятся на спецпоселении» (без возвращения конфискованного имущества), снимающий запрет на возвращение в бывшие родные населенные пункты – Т.Г.) Уехали все, кроме нас и Месмер.

Мои двоюродные сестры давно живут в Германии, два года назад приезжала погостить Гильда Эдгаровна Кремер с дочерью. Я же 65 лет живу на этой земле и никуда не собираюсь. Вся моя трудовая биография связана с лесом, здесь родились мои дети, и я хочу, чтоб у них и восьмерых внуков и двух правнуков была мирная и счастливая судьба»¹¹.

Не только на лесоучастках, но и в самом городе и в с. Судай уже после войны работало много обрусевших немцев. Р. Ф. Цоллер – сапожник, К. Г. Малер – рабочий верёвочного цеха, А. Г. Эйзнер – возчик, В. Г. Хиле – шофёр райсоюза, Е. Я. Айрих – пекарь, И. Б. Лаук – возчик ремстройучастка, Р. М. Шеффер – плотник, А. Д. Юрк – рабочий ремстройучастка, Г. Ф. Куксгауз – завхоз-комендант АОЗТ «Чухломский леспромхоз».

В наше время в Чухломском уезде проживает много русских людей с немецкими фамилиями: Ольга Львовна Реймус, Елизавета Христиановна Грауле, Людмила Николаевна Рулле, Ольга Григорьевна Месмер, Светлана Гельблинг и другие. Жители города вспоминают добрым словом Адама Ивановича Запевалова, супругов Лаубган, Христиана Грауле. Это люди нелёгкой судьбы, очень трудолюбивые, аккуратные, отзывчивые, но не любящие вспоминать своё прошлое. Они жили и добросовестно трудились на чухломской земле. Русский язык для них стал средством не только межэтнического, но и внутриэтнического общения. Их внуки посещают православную церковь, отмечают православные праздники, ничем не отличаются от русских в одежде, обустройстве жилья. Произошла замена традиционных элементов немецкой культуры на русские эквиваленты.

---

11 Байкова Т.Н. На земле благословенной. Кострома, 2014. С. 387.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КОСТЮМАХ ГОРНЫХ МАРИ И ЧУВАШ В XIX — XX ВВ.

Емелин Е. В.,
старший научный сотрудник отдела хранения
МУ «Козьмодемьянский музейный комплекс»
Республики Марий Эл

Издавна повелось, что разные народности, со своей как духовной, так и материальной культурой, контактируя между собой, прежде всего в результате торговых отношений, обмениваются не только товарами, но и особенностями быта, перенимают некоторые обычаи, обогащают свой язык словами соседних этносов.

Горные марийцы (или Кырык мары) – этнолингвистическая группа марийцев, проживающая в основном на западе Республики Марий Эл, а также в Нижегородской и Кировской областях Российской Федерации.

Верховые чувашы (или Вирьял) – этнографическая группа чувашского этноса, проживающая, в отличие от низовых чуваш (Анатри), выше по Волге.

В результате длительного и тесного культурного взаимодействия между народами (ещё в русских летописях вирьял упоминаются рядом с горными марийцами) сформировалось некоторое сходство в их костюмах и обрядах.

Вот что пишет в своих записках Александра Фукс о марийском костюме XIX века: «У Черемисина [марийца], который побогаче в деревне, я смотрела женское Черемисское платье. Оно одинаково с чувашским, кроме головного убора»¹. «Никак невозможно путешественнику вдруг отличить Чуваш с Черемисами, ни мужчин, ни женщин, по их наружности и костюму, который, выключая головного убора женщин и огромных серёг, с Чувашским одинаков»². Почти полную идентичность национальной одежды

---

¹ Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии [переписка А. А. Фукс с К. Ф. Фуксом]. Казань, типография Императорского Казанского университета, 1840. С. 181–182.

² Там же. С. 203.

горных мариЙцев и вирьял подтверждает Т. Л. Молотова в своём исследовании мариЙского народного костюма³.

По мнению Е. А. Ягафовой, группа вирьял сформировалась в результате активного взаимодействия с мариЙцами. И чем дальше к югу верховой зоны – тем больше традиционные признаки близки к низовым чувашам; «одновременно в северо-западной её части наблюдается полное сходство этнографических комплексов сундырской подгруппы вирьял и горных мариЙ»⁴.

Различие и сходство следует искать, прежде всего, в женских костюмах, так как в них сохраняется гораздо больше этнических традиций, чем в мужском. Общими типичными признаками национальной одежды горных мариЙцев и чувашей вирьял являются: материалы, используемые для одежды, общность покрова, характер орнаментации и расположение вышивки. Белая туникообразная рубаша с орнаментацией, верхняя распашная одежда схожего покрова. Даже способ ношения рубашки с большим напуском, лыковой обуви с чёрными онучами. «Тыгыр» горных мариЙек конца XIX – начала XX вв. по покрою и вышивке был аналогичен рубашке соседних чувашек-вирьял. Горные мариЙки закрывали шарпаном шею и косу, как это делали чувашки группы вирьял. Идентичность в вышивке одежды проявлялась в аналогичных орнаментальных мотивах. По всей видимости, эти и другие сходства имеют давние корни, т. к. национальная женская одежда консервативна и способна сохранять отличительные особенности длительное время, особенно в условиях натурального хозяйства⁵.

Сходство костюмов влияло и на отношения между этническими группами. Интересен тот факт, что браки между соседними народами были в прошлом не единичны⁶.

Примечательно, что и сейчас можно найти много аналогий в современных комплексах национальной одежды горных мариЙек и чувашек группы вирьял, - что соответствует этим группам издавна.

3 Молотова Т. Л. МариЙский народный костюм. Йошкар-Ола, МариЙское книжное издательство, 1992. С. 62.

4 Ягафова Е. А. Формирование и традиционная культура этнотерриториальных групп чувашей в Урало-Поволжье. XVII– начало XX вв. Автореферат. Самара, Сам. гос. пед. ун-т, 2004. С. 27.

5 Молотова Т. Л. МариЙский народный костюм. С. 24, 37, 82-84.

6 ПИМА. 1979, ГорномариЙский район МАССР.

Источники и литература:

1 Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии [переписка А. А. Фукс с К. Ф. Фуксом]. Казань, типография Императорского Казанского университета, 1840.

Молотова Т. Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, Марийское книжное издательство, 1992.

Ягафова Е. А. Формирование и традиционная культура этнотерриториальных групп чувашей в Урало-Поволжье. XVII–начало XX вв. Автореферат. Самара, Сам. гос. пед. ун-т, 2004.

ПМА. 1979, Горномарийский район МАССР.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЯРОСЛАВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ IX – X ВЕКАХ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ, ТОПОНИМИКА, ИСТОРИОГРАФИЯ

Марасанова В. М.,

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Проблема этнического состава населения ярославского края и всего Верхнего Поволжья в период складывания Древнерусского государства является дискуссионной для отечественной исторической науки и краеведческих исследований еще с XIX века. У этой проблемы есть два аспекта, получивших особое внимание археологов и историков. Это, во-первых, освоение верхневолжских территорий славянским населением. И, во-вторых, вопрос о роли местного финно-угорского населения и скандинавов в формировании этнокультурной общности на данных землях.

В конце I тысячелетия н.э. территорию края (в границах современной Ярославской области) населяли финно-угорские по своей этнической природе племена мерян. Сведения о мерянах содержатся в письменных и археологических источниках. Первыми упоминали мерян в VI веке готский историк Иордан и германский хронист Адам Бременский, но не давали никаких конкретных сведений об этом народе. В «Повести временных лет» указывалось на местонахождение разных финно-угорских племен: «А на Белом озере сидит весь, а на Ростовском озере – меря, а на Клещине озере сидит также меря. А по реке Оке – там, где она впадает в Волгу, свой народ – мурома, и черемисы свой народ, и мордва – свой народ»¹. Таким образом, меряне населяли земли вблизи Ростовского и Клещина озер (современные названия озеро Неро и Плещеево). Под 859 годом «Повесть временных лет» сообщала о том, что меряне платили дань варягам: «*Варяги, приходя из-за моря, взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и с веси, и с кривичей*»².

В дореволюционный период изучением древнейшей истории активно занимались А. С. Уваров, И. А. Тихомиров, Д. А. Корсаков³ и др. Археологические материалы в большом объеме ввели в научный оборот раскопки

Алексея Сергеевича Уварова в середине XIX века⁴. Тогда было раскопано около восьмисот курганов Ростово-Суздальского края, что заложило археологический фундамент для дальнейших исторических исследований. Правда, граф Уваров считал, что все раскопанные им памятники являются мерянскими. Так до конца XIX века фактически независимо друг от друга существовали две концепции. Условно назовем их «археологической» – население края было сплошь мерянским; и «историческая», которая также на основании письменных источников утверждала, что край заселялся новгородцами (Н. М. Карамзин⁵, С. М. Соловьев⁶, В. О. Ключевский⁷). Особняком стоит точка зрения Иллариона Александровича Тихомирова, считавшего курганы памятниками новгородских словен и варягов⁸.

Александр Андреевич Спицын попробовал объединить данные археологии и использовать их для решения исторических проблем. В результате этого он предложил новую модель славянской колонизации на северо-восточных землях Древней Руси. А. А. Спицын отверг точку зрения о том, что колонизация распространялась из земель новгородских (ильменских) словен, и пришел к выводу, что расселение шло из области племенного союза кривичей (из Смоленского Поднепровья)⁹.

В 1930-е годы Петр Николаевич Третьяков поддержал точку зрения Спицына о колонизации Верхневолжья кривичами¹⁰. Предшественниками мерян, по мнению П. Н. Третьякова и Е. И. Горюновой¹¹, являлись представители дьяковской культуры железного века, поселения которых на территории края датировались примерно VII веком до н.э. – VII веком н.э. При этом славянская колонизация края большинству авторов представлялась как процесс *«некоторого смещения славянского и мерянского населения»*, причем практически отрицалось присутствие в Ярославском Поволжье выходцев из Скандинавии (т.е. край был объектом споров сторонников и противников норманнской теории).

В работах Игоря Васильевича Дубова были весьма полно обобщены данные о начальном этапе истории городов края (Ростов, Углич, Ярославль, Переславль-Залесский) и о протогородских центрах вблизи Ярославля (Михайловский, Петровский, Тимеревский), а также об этническом составе населения и колонизации этих земель¹². Он даже предлагал заменить термин «славянская» на «древнерусская» колонизация, чтобы подчеркнуть полиэтнический состав местного населения.

В 1990-х годах Андрей Евгеньевич Леонтьев обосновал, что дяковцы и меряне не были связаны друг с другом, поскольку между их культурными слоями не прослеживалось преемственности. По его мнению, меряне пришли на территорию края со стороны реки Оки¹³, что заставляет по-новому рассмотреть процесс расселения древнерусского населения и колонизацию на территории региона. Исследования многих поколений ученых доказали, что не следует преувеличивать местный финно-угорский компонент и в то же время полностью отрицать наличие скандинавских элементов на территории края¹⁴.

Уже в XIX веке археологи пытались определить границы расселения мерян по археологическим находкам и данным топонимики. Например, граф Уваров определил границы мери так: от Волги до Клязьмы, в губерниях Ярославской, Владимирской, в западной части Нижегородской и северной части Москвы. Ряд историков признавал, что северная граница обитания мери находилась несколько дальше, в Вологодской области, и на северо-востоке доходила до Уральского хребта, а некоторые отодвигали также восточные и южные границы обитания мери. Но все авторы сходились в том, что меря жили на территории Ярославской, Костромской, Владимирской (до реки Клязьмы) и северной части Московской губернии.

На территории Ярославской области археологами изучены более 20 мерянских селищ, а также их укрепленные поселения – Сарское городище неподалеку от Ростова и городище в районе Александровой горы близ Переславля-Залесского. Однако меряне ненадолго оставались хоть и немногочисленным, но основным населением этих земель. В IX–X веках здесь началась и неуклонно расширялась славянская колонизация, в которой участвовали племенные союзы кривичей и ильменских (новгородских) словен, что подтверждается данными археологических и письменных источников. Одновременно в формирующуюся этническую общность вливались и многочисленные скандинавы.

X век стал временем еще более массового движения нового населения, о чем свидетельствуют Тимеревский, Петровский, Михайловский археологические комплексы близ Ярославля, датируемые IX–X веками. В состав каждого из них входили поселения, могильники и клады монет. Особенно интересны два клада, найденные на тимереvских раскопках в 1967 (1503 арабских серебряных дирхемов) и 1973 годах (2751 дирхем), которые датируются VII–IX веками. Такие находки подчеркивали важное экономи-

ческое и торговое значение данного района. География монетных дворов Арабского халифата, где чеканились монеты, производит впечатление – это Центральная Азия, Иран, Испания, Сирия, Кавказ, Северная Африка и т. д. Новые находки (66 дирхемов IX века) на Тимерево относились к 1986 году. На 11 монетах были обнаружены скандинавские руны, и вообще на Тимеревском комплексе 13% погребений являлись скандинавскими, и в одном из них был найден меч с клеймом «ULFBERHT» Рейнской мастерской (хранится в ЯИАХМЗ).

При раскопках обнаружили также фибулы, мечи, весы и гирьки, бусы, копоушки и другие предметы, которые позволяют судить о разнообразных занятиях местного населения. Жители занимались ремеслом, торговлей, земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством, причем преобладали именно типично городские «профессии». География торговых связей действительно была обширной – есть вещи европейские, скандинавские, болгарские (из Волжской Булгарии), арабские. С основанием нового центра – Ярославля – в начале XI века Михайловское и Тимеревское поселения постепенно «заглохли», не выдержав своеобразной конкуренции с княжеским городом, и только Петровское сохранилось, но уже как сельское поселение.

Во второй половине I тысячелетия н.э. Верхнее Поволжье по сути было далекой окраиной славянских земель. Область племени кривичей в то время охватывала все верхнее течение Днепра, верховья Западной Двины и Валдайскую возвышенность. По Волге поселения кривичей располагались преимущественно выше устья Мологи, но отдельные поселки спускались значительно ниже, доходя до устья реки Которосли, около которого и возник Ярославль. Здесь область кривичей как бы клином входила в площадь, занятую иноплеменниками.

Северными соседями славян были племена веси. Судя по всему, весь жила не только вокруг Белого озера, около древнего города Белозерска, о чем говорит «Повесть временных лет», но и южнее. Об этом свидетельствуют данные топонимики, примеры – Весьегонск на реке Мологе и Череповец (век) на реке Шексне. С востока и юга волжские кривичи граничили с мерянскими племенами. Меряне занимали волжское правобережье, центром которого было два больших озера – Неро и Плещеево – и более восточные районы. Здесь вновь следы мерянского населения сохранились в топонимике: древности город Нерехта назывался Мерехтой, а город Галич именовался Галичем Мерским (это уже левый берег Волги).

Почему же ученые столько спорят об этническом составе населения края в этот период? Ведь под рукой большой археологический материал – и поселения, и могильники. Кто в них жил – славяне или меряне – не всегда можно определить, так как хозяйство и быт были похожи. Как известно, у мерян и славян бытовали различные погребальные обычаи. В славянских поселениях сжигали своих мертвых, а остатки сожжения помещали в земляную насыпь – курган. С каждым новым погребением насыпь удлинялась. Длинные курганы на территории Ярославской области находились около города Мышкина, у села Великое, под Ярославлем и т.д. Меряне хоронили своих мертвых в могильниках без курганных насыпей, причем умершие чаще не сжигались.

Изученные археологами погребения зафиксировали процесс постепенного смешения культур, когда, например, в типичных по обряду славянских могильниках стали встречаться мерянские вещи (подвески, фигурки животных) и наоборот. Такие поселения известны на правом берегу Волги ниже Мышкина, у деревни Кирино близ станции Волга. Есть несколько селищ на реке Сить и выше Ярославля на реке Ить. Есть такие селища на озере Неро и на Плещеевом озере. В результате ярославские могильники предстали как полиэтнические образования. Судя по вещевым комплексам раскопанных памятников, одним из компонентов здесь являлась вещь, продвинувшаяся из района Белоозера в начале X века, т.е. на территории края были представлены разные этнические группы. В этих погребениях можно встретить, хоть уже и не столь многочисленные, скандинавские вещи, что говорит не о наличии скандинавов, а скорее об упрочнении и развитии связей с северными странами. Как показывают материалы погребений, в X – XI веках более заметными становились не столько этнические, сколько имущественные различия.

Рассматривая проблемы состава местного населения и формирования государственности, необходимо помнить о роли Великого Волжского пути, который вел, как говорили в старину, «из варяг в персы». Великий Волжский путь, проходя по землям мерян, соединял область славян с землями Древней Черемесы, Муромы и Мордвы. Дальше он вел на юг, идя по землям кочевых племен и народов, где в VI – VII веках складывался Хазарский каганат. Особенно возросло значение Волжского пути в X веке, когда в Среднем Поволжье при слиянии рек Волги и Камы появилось Булгарское государство (мордовские, марийские, удмуртские, чувашские племена).

на). Волжские булгары торговали с Востоком, с арабами, с Поднепровьем и Балтикой.

Волга, во-первых, связывала земли и народы Восточной Европы, Скандинавии, Волжской Булгарии и арабского Востока и, во-вторых, обеспечивала успешное социально-экономическое развитие этих земель. Именно Волга привела в Верхнее Поволжье и финно-угорское, и славянское население, а затем способствовала их объединению в единую этническую общность. Рост населения в Верхнем Поволжье создавал необходимые условия для появления здесь городов. Они стали политическими, экономическими и культурными центрами формирующегося государства и выполняли важную функцию пограничных крепостей. В результате росло могущество формирующейся военно-дружинной и торговой знати «племенных князей», а затем из этой знати вырастало господствующее сословие раннефеодального общества Древней Руси.

Первым из городов Ярославского края под 862 годом в летописи упоминается Ростов («в Ростове – меря»)¹⁵. Этот год также примечателен для отечественной истории знаменитым «призванием варягов» во главе с князем Рюриком. Его преемник князь Олег захватил земли племенного союза полян в Среднем Поднепровье и таким образом связал два главных города Древней Руси – Новгород и Киев. В походе князя Олега на Киев в 882 году участвовала и подвластная ему меря. В последний раз меря была упомянута в летописи под 907 годом при перечислении рати князя Олега в походе на Царьград (Константинополь): *«Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве, взял же с собою... мерю»*¹⁶.

В дальнейшем в летописи упоминается «земля Ростовская» или «Ростовская и Суздальская», то есть племенное деление сменяется территориальным. В конце X – начале IX веков земли Верхнего Поволжья входили в состав Древнерусского государства. Здесь усиливалась княжеская власть, киевские князья направляли в города своих наместников. Вследствие этого наблюдался приток нового земледельческого населения с других восточнославянских территорий, преимущественно из северо-западных районов.

Таким образом, в результате обобщения немногочисленных письменных источников, представительного корпуса данных археологии и сведений топонимики колонизация верхневолжских, и в том числе ярославских земель, представляется сложным экономическим, социальным и политическим явлением. Колонизация не была чисто механическим перемещением

племен и касалась не только славян. В материалах археологических раскопок отразился процесс формирования нового этнического образования. В него вошли финно-угорские племена (меря и весь), несомненно, какое-то влияние на начальном этапе оказали варяги, но основу составили сначала новгородские славяне, а затем славяне Верхнего Поднепровья. На территории края происходила постепенная ассимиляция народов, при этом доля славян в составе местного населения увеличивалась, а скандинавов и мерян, напротив, сокращалась.

Примечания

- 1 Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 69.
- 2 Там же. С. 75.
- 3 Корсаков Д. Меря и Ростовское княжество. Казань: Университетская типография, 1872. 132 с.
- 4 Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М.: Синодальная типография, 1872. 230 с.
- 5 Карамзин Н. М. История государства Российского. Репринт. изд. [СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1842]. М.: Книга, 1988. Т. 1. Гл. 2. С. 1731.
- 6 Соловьев С. М. История России с древнейших времен (Т.1–2) // Соловьев С. М. Соч. в 18 кн. М.: Голос, 1998. Кн. 1. Гл. 1–3. С. 14–87.
- 7 Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. М.: Синодальная типография, 1904. 456 с.
- 8 Тихомиров И. А. Отчет о раскопках в Ярославской губернии и уезде под селом Михайловское. Ярославль: Типография губернского правления, 1898. 10 с.; Он же. Кто насыпал Ярославские курганы. Ч. 1 // Труды II Тверского областного археологического съезда. 10–20 августа 1903 г. Тверь, 1906. с. 87–248; То же. Ч. 2 // Труды III областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909. С. 1–98.
- 9 Спицын А. А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. СПб.: Типография В.С. Балашев и К^о, 1899. 43 с.
- 10 Третьяков П. Н. Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. Ярославль: Ярославский облиздат, 1939. 68 с.
- 11 Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 264 с.

12 Дубов И. В. Города, величием сияющие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 182 с.; Он же. Спорные вопросы этнической истории северо-восточной Руси IX–XIII веков // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 15-27; Он же. Ярославское Поволжье в IX–XIII веках (ведущие исследователи и основные проблемы) // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы (Славяно-русские древности). Вып. 1. Л., 1988. С. 136-150.

13 Леонтьев А. Е. Археология мери (к предыстории Северо-Восточной Руси). М.: Институт археологии, 1996. 337 с.

14 Подробнее см.: История ярославской археологии / П. Г. Аграфонов, В.В. Праздников, Е. В. Спиридонова. М.: Квадрига, 2009. 288 с.

15 Повесть временных лет. С. 75.

16 Там же. С. 83.

ИЗ ИСТОРИИ ДИАСПОР АССИРИЙЦЕВ В НЕКОТОРЫХ ГОРОДАХ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

Михайлов С. С.

Научный сотрудник Центра истории и культуры
старообрядчества, Москва

XX столетие является важным периодом в процессе формирования этнических диаспор в городах Центральной России и других регионов. Бурное развитие промышленности еще в предыдущем столетии привело к значительным миграциям населения. В XX столетии процесс экономической миграции продолжился с еще большей силой, а также к нему прибавились и иные причины, по которым перемещались большие группы населения. Национальные диаспоры, прежде всего татарская, еврейская, немецкая, польская, существовали в городах рассматриваемого региона и прежде. В советское время в крупных городах уже можно было встретить представителей большинства народов, населявших СССР. Проживание небольшой этнической группы в большом городе могло быть почти незаметным, но некоторые народы благодаря специфике своих занятий, играли важную роль в городской бытовой культуре.

Одной из интереснейших, пусть даже и небольших диаспор рассматриваемого региона являются ассирийцы, также известные и под этнонимом «айсоры». Общины ассирийцев, редко насчитывавшие более нескольких семейств на город, тем не менее были заметны благодаря ставшему в России традиционным промыслу их представителей – чистке обуви. Работая на обувных «точках», находившихся как правило на рынках, у вокзалов и на центральных улицах и площадях, торгуя гуталином, шнурками и прочей фурнитурой, смуглые ассирийцы резко выделялись на фоне остальных горожан. Очень часто ассирийцы, помимо услуг связанных с обувью, помогали клиентам доставать различные дефицитные в советское время предметы. Наверное, в каждом городе, где известна маленькая ассирийская диаспора и до 1960-х гг. были палатки «Чистка обуви», старожилы вспомнят о каком-нибудь чистильщике, который «мог достать все». Ассирийцы поддерживали крепкие связи с соплеменниками в других городах и регионах страны, что позволяло им легко доставать все необходимое.

К сожалению, никаких исследований ассирийских общин городов Верхневолжья прежде не проводилось, поэтому публикации на эту интереснейшую тему отсутствуют. Для написания данной статьи автор использовал прежде всего полевой материал, полученный в ходе бесед с ассирийцами-старожилами.

В городах Верхневолжья, равно как и в остальной Центральной России, ассирийцы появились благодаря трагическим событиям времен Первой Мировой войны – геноциду христианского населения в Турции. Более известен геноцид армянского народа, хотя физическому уничтожению по религиозному и национальному признаку подвергалось и ассирийское, и греческое население¹.

К началу XX века основной этнической территорией ассирийцев (восточных сирийцев) были земли в Курдистане, на юго-востоке нынешней Турции и севере Ирака. Ассирийское население также проживало в северо-западной части Ирана, в районе озера и города Урмия. В города рассматриваемого региона попали преимущественно уроженцы различных ассирийских областей Ванского вилайета Турции. Уроженцев иранской Урмии (ассирийцев-урмижная) было немного. Ассирийцы Турции в основном проживали в горах Хяккяри. Там сложилось не менее двух десятков самобытных групп-племен, проживавших в горных районах. Эти племена можно разделить на две основные категории: т.н. «независимые» или «аширетные» («би-ашират»), и «зависимые» или «райя». Подобная структура была заимствована ассирийцами у соседей-курдов. Аширетных племен фактически было пять, они населяли семь маликств: Верхнее Тьяри, Нижнее Тьяри (в обоих – ассирийцы-тьяра), Тхума (тхумная), Баз (базная), Диз (дизная), Большая Джилу (Джилу Горта) и Малая Джилу (Джилу Сорта). В двух последних маликствах проживали джильвая. Ассирийцы-райя в свою очередь делились на два типа. Первый составляли горцы, проживавшие в областях находившихся рядом с землями аширетных ассирийцев: Барвар, Таль, Левин и др. Эти ассирийцы более зависели от аширетных маликов, нежели от турецких властей и иногда их именуют «полузависимыми». Представители остальных племен, к которым прежде всего следует отнести жителей райо-

---

1 О событиях начала XX в. в связи с ассирийцами см.: Думбис. Айсоры // Новый Восток. М., 1923. № 3. С. 67–77; Саргизов Л.М. Ассирийцы стран Ближнего и Среднего Востока. Первая четверть XX в. Ереван, 1979. С. 7–66.

нов Гявар, Альбак, Нудыз, были полностью зависимы от турецкой власти и не имели никакого намека на политическую самостоятельность².

Представителями ассирийцев, прежде всего отходниками и торговцами, крупные города могли посещаться и до 1914 года, но формирование постоянных диаспор началось только в начале 1920-х гг. После ухода в 1918 г. русских войск из северо-западного Ирана, у ассирийских беженцев, находившихся преимущественно в Закавказье и на Северном Кавказе, исчезла надежда на благополучный исход событий и возвращение в места традиционного проживания. Миграции ассирийцев по городам продолжались все 1920-е гг., и отчасти в следующее десятилетие. Иран, намереваясь использовать ассирийскую карту в споре за восточные земли Турции, раздал беженцам свои паспорта. При их обмене многие из тех, кто не смог адаптироваться в Советской России, выезжали из страны.

Расселение ассирийцев по городам центра России происходило следующим образом. Вначале в город прибывали «разведчики», которые выясняли обстановку относительно жилья и работы. Потом, в случае благоприятной обстановки, они привозили свои семьи, родственников и односельчан. Подобные миграции продолжались все 1920-е и 1930-е годы.

Одним из источников, по которому легко определять наличие ассирийцев в том или ином регионе Центральной России, являются вышедшие ныне «Книги памяти», в которых опубликованы имена жертв политических репрессий. Здесь этнических ассирийцев легко определить по специфическим именам и фамилиям, месту рождения и, зачастую, по занятию чисткой обуви. В двух последних случаях ассирийцы легко выявляются даже при наличии у них уже русских фамилий, русифицированных имен. Многие в то время были еще обладателями иранских паспортов, что зачастую автоматически вело к обвинению в шпионаже. В официальных документах ассирийцы показаны как лица, родившиеся в городе Урмия, в Иране. На деле же подавляющее большинство ассирийцев, поселившихся в городах центра России в 1920-х гг. были выходцами из различных ассирийских групп-племен, которые жили на юго-востоке Турции, в Ванском вилайете. Неточ-

---

2 Матвеев А. К., Матвеев К. П. История и этнография ассирийцев // Ассирийцы. Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. 1. М., 1990. С. 20, 76; Маевский В. Т. Военно-статистическое описание Ванского и Битлисского вилайетов. Тифлис, 1904. Приложение. С. 58, 65–66, 79–84; Термен Р. Отчет о поездке в санджак Хяккяри Ванского вилайета в 1906 году. Тифлис, 1910. С. 221–228.

ность в официальном варианте имеет следующую историю. После исхода ассирийцев в Россию, когда еще не было понятно, какими будут результаты Первой Мировой войны, Иран намеревался использовать ассирийскую карту в своих целях, раздавая беженцам из приграничных областей свои паспорта. Те, в свою очередь, охотно их брали, но чтобы выдать себя за уроженца территории Ирана, ассириец-беженец называл самый известных ассирийских населенных пунктов соседней страны – город Урмия. Для точного определения места, откуда на самом деле происходят представители той или иной ассирийской диаспоры, необходимы полевые исследования. Как правило, даже в четвертом поколении ассирийцы знают, к какой группе они принадлежат.

Далее мы хотим немного рассказать об истории появления ассирийцев в некоторых городах рассматриваемого региона, прежде всего в Твери и Иваново. Данная информация была получена автором в 2014 году от самих представителей этих общин, а также от других ассирийцев-старожилов, знакомых с этими городами.

История ассирийской диаспоры в г. Тверь нам известно со слов главного хранителя исторической памяти местной общины – Станислава Салимовича Адамова, 1950 г.р. Он рассказал, что в городе в 1920-х гг. поселились только выходцы из области Джилю, из маликств Джилю Горта (Большая Джилю) и Джилю Сорта (Малая Джилю). Первые происходили из селения Алсан (аласная), вторые, которых в городской общине чаще именовали по второму названию Малой Джилю – Иштаэ – иштазная, были родом из села Телана.

Первым поселившимся в Твери ассирийцем считается Зерванда из рода Би-Шадуси, уроженец села Алсан. Он приехал в город в начале 1920-х, но точное время его прибытия неизвестно. С.С. Адамов знает только время переселения в город своего деда – Салимо из рода Би-Джадже, также аласная, который прибыл в Тверь в 1922 году, когда упомянутый выше человек со своей семьей здесь уже жил. Вскоре к ним присоединились выходцы из Иштазн (иштазная), из с.Телана, из семейства Биджамо. Ассирийские семьи поселились в городе относительно компактно, в центре Твери, в домах на набережной Степана Разина (старое название – Набережная реки Волги), вблизи построенного позже кинотеатра «Звезда».

Прежние односельчане тверских аласная поселились в Подольске, Серпухове, Туле, Рязани, Казани (40 семей) и особенно в Москве, в которой у

них было две большие колонии у Тишинского рынка и на Малой Грузинской улице. Со всеми городами, особенно с Москвой, до сих пор поддерживаются тесные связи. Благо Тверь и Москва расположены недалеко друг от друга и имеют хорошее сообщение, тверские ассирийцы постоянно ездили к москвичам на традиционные праздники, свадьбы и другие мероприятия. В Твери отмечались только Рождество и Пасха, на которые члены общины посещали ассирийские дома, начиная с наиболее уважаемого и далее по цепочке. С выходцами из Телана гораздо сложнее, поскольку большая их часть, ушедшая на российскую территорию, поселилась в Грузии. Их было немного в 1920-х гг. в Москве, и, как нам удалось выяснить, в гор. Александров Владимирской области. Возможно, семьи из Телана жили еще в каких-то небольших городах. Здесь поиск затрудняется тем, что у ассирийцев существовали крепкие связи только в пределах прежней сельской или племенной группы, разбросанной после исхода по городам России.

В Твери, к 1940-м гг. ассирийская община насчитывала до десяти семей. К этому времени сыновья первых поселенцев создали свои семьи. У каждой семьи кто-то работал на «точке» по чистке обуви. Все «точки» находились преимущественно в центре Твери. Молодые поколения ассирийцев уже получали образование и хорошие специальности, не связанные с обувью. Во всех городах Центральной России, за исключением Москвы, чистка обуви у ассирийцев ушла вместе с поколением, которое непосредственно пришло из Турции. После этого сохранялся только мелкий ремонт обуви, которым некоторые ассирийцы занимаются до сих пор.

Иваново, прежний Иваново-Вознесенск, при советской власти стал областным центром, чем, разумеется, не мог не привлечь ищущих новое жилье ассирийцев. Мы, к сожалению, не знаем подробностей ранней истории местной городской диаспоры. Связанные с ней моменты не были зафиксированы в публикациях, их почти нет в архивных документах. Нам остается только узнавать что-то из рассказов самих ассирийцев. Последние владеют в основном исторической памятью своих семей.

В отличие от Твери, ассирийцы Иваново не сохранили столь подробной исторической памяти. Мне не смогли назвать точно первого ассирийца, семья которого поселилась в городе. Представители современной диаспоры смогли дать сведения только о главах семейств, которые прибыли в город из Новороссийска уже в 1928 году. Но, было бы странным, чтобы в таком крупном городе и важном промышленном центре какие-то беженцы не обо-

сновались ранее, уже в начале этого десятилетия. Возможно, здесь в начале 1920-х поселились какие-то ассирийцы, по аналогии с соседней Кинешмой – джилвая (село Алсан). В пользу последнего предположения говорит и то, что до середины 1930-х гг. какие-то джилвая по рассказам старожилов-информаторов, в относительно большом числе жили во Владимире, но потом покинули город. Ассирийцы-джилвая из села Телана поселились в Александрове, который связан небольшой железнодорожной веткой с Иваново.

Основу городской ассирийской диаспоры составили выходцы из двух ассирийских регионов Ванского вилайета Турции: Нудыз (село Марвана) и Барвар (село Севин). В 1928 году сюда из Новороссийска прибыли Муши (Моисей) Савва (1891 г.р.), а также его родственники: Георгий и Юханна Осиповы, Шагино и Сада Вартановы, Шлимун Бит-Павлов, Беджан Павлов (Пло-Оглы). Это были уроженцы села Севин (севиная), в город они прибыли с семьями. Выходцы из села Марвана, братья Джигбар (Джабраил) и Крету Раво, первоначально поселились в Тейково и переехали в Иваново чуть позже, уже в 1930-х гг. В сведениях о репрессированных ассирийцах этого города, которые автору предоставил представитель ивановских ассирийцев Александр Семенович Роваев, упоминается и Нисан Авдишев, 1896 г.р., выходец из селения Бебеди (возможно, что это искаженное Бибеди). В сведениях об ассирийских населенных пунктах, которые в прошлом публиковали русские вице-консулы в Ване, В. Маевский и Р. Термен, такого селения, по крайней мере в горных областях, мы не находим. Возможно, следователи НКВД, и не стремившись разобраться, в качестве родного населенного пункта указали название родовой группы – Би-Беди. Не исключено, что это одно из селений, которое осталось вне поля зрения русских вице-консулов. Но, из какого села и какой ассирийской области этот род происходит, никто сказать не смог. Информацию мы можем получить только от нынешних представителей ассирийских диаспор, знающих преимущественно об истории своих семей и семей родственников.

По сведениям, представленным А. Роваевым, в Иваново жила и как минимум одна семья урмижная (выходцев из Ирана, района Урмия). Во время репрессий был арестован Иван (Деру) Юнанов, родившийся с селе Хосрова (Хусрава). Его супруга происходила из села Севин, в Барваре. Был ли он единственным представителем своей группы в городе, или же здесь жили другие семьи, нам неизвестно.

В городе семьи ассирийцев проживали в центре и на тогдашних окраинах: улицы Владимирская, Зеленая, Черкасская, Демидова, 10-го Августа, Красногвардейская, Марии Рябининой. Одного компактного места проживания ассирийцев в Иваново, по крайней мере в 1930-х гг., не было. В послевоенные десятилетия, по рассказам старожилов, в Иваново было шесть-семь палаток «Чистка обуви», в которых трудились ассирийцы.

Сразу после Великой Отечественной войны в Иваново из Архангельска приехали семьи двух двоюродных братьев: Джибу (Джабраила) Юнанова и Шебу Саркисова. Они происходили из ассирийцев-гяварная (уроженцы района Гявар в Ванском вилайете Турции), выходцев из большого села Перзален. Помимо Архангельска представители этой группы (бне-Перзален) в 1920-х гг. осели в Москве и ряде других городов (Шатура, Клин).

О проживании ассирийцев в других городах и населенных пунктах современной Ивановской области нам известно мало. Есть только сведения о том, что в Тейково, до 1930-х гг., жило как минимум три семьи ассирийцев, выходцев из села Марвана в Нудызе. Две из них (братья Раво, упоминавшиеся нами выше) еще до репрессий перебрались в Иваново, главу оставшейся – Басल्या Чавшино, арестовали в Тейково. Здесь также надо вспомнить о том, что мои информаторы-ассирийцы владеют преимущественно сведениями об общинах в городах, где проживали их родственники и выходцы из их сел в местах традиционного проживания.

И еще об ассирийцах в городах Верхневолжья нам известно, что диаспоры этого народа проживали в таких важных областных центрах, как Кострома и Ярославль. Нам пока очень мало известно про эти города, более-менее полную информацию еще предстоит собрать. На данный момент мы нашли информацию о двух костромских ассирийцах, ставших жертвами репрессий в конце 1930-х – 1940-х гг. 1. Матвей Ишо, 1899 г.р. работавший чистильщиком обуви «на улицах Костромы». Он был арестован 7.07.1938 г., обвинен в шпионаже и выслан за пределы СССР³. 2. Адам Лазаревич Осипов, 1905 г.р., живший в Костроме на Советской улице, дом 86, и был арестован уже в 1949 г. Этого человека обвинили в антисоветской агитации и участии в контрреволюционной организации, осудили по 58 статье

---

3 Книга памяти жертв политических репрессий Костромской области. Т. 2. Кострома, 2010. С. 203.

и выслали в красноярский край⁴. У М. Ишо указано, что он родился в г. Урмия, в Иране, что явно не соответствует истине: такая запись была у всех ассирийцев, которые имели иранские паспорта. Иранские ассирийцы-урмийская чистильщиками обуви не работали, в 1920-х гг. это было уделом их турецких соплеменников. Аналогичная ситуация встречается практически везде: мы знаем человека и его семью, как уроженцев одного из ассирийских районов юго-востока Турции, а в документах у него значится иранская Урмия. С А. Л. Осиповым все гораздо яснее: местом его рождения значится «г. Хосров, Иран». На деле же это ассирийское селение Хусрава, находящееся недалеко от г. Урмия.

Со слов нынешних московских старожилов-ассирийцев нам известно, что представители этого народа проживали и в городе Рыбинск, Ярославской области. Племенную принадлежность этой небольшой диаспоры выяснить пока не удалось, возможно, что это кто-то из би-ашират, джилъвая или дизная, поскольку информация была получена именно от московских представителей этих групп. Возможно, группы ассирийцев жили и в каких-то других относительно городах Ярославской области, но сведений об это нами пока не выявлено.

По рассказам московских потомков этого человека, нам известно, что какое-то время до переселения в Москву, в городе Кашин Калининской (ныне – Тверской) области проживал один из двух ассирийцев – Героев Советского Союза – Ладос Давыдов. В том же регионе, в городе Осташков, в середине 1930-х гг. поселился, перебравшись вместе с семьей из Москвы, шамаша (диакон) села Алькус, аширетного (независимого) маликства Диз, Бадель (Бадер) Хошабаев. Уже в 1937 году он был репрессирован, а семья вернулась в Москву. Почему семья переехала в Осташков, никто из помнивших про этого диакона не смог. Возможно, в городе жили какие-то выходцы из Алькуса (алькусная), возможно, была другая причина. Какое-то число семей алькусная обосновалось в 1920-х гг. в Калуге, немного представителей уроженцев этого селения жило в Москве.

Отдельно нам хотелось бы остановиться на «сапожной столице» – городе Кимры. По сведениям, полученным от информаторов, в конце 1930-х – в 1940-х гг. здесь проживало порядка семи семей ассирийцев, происходивших из разных племен (дизная, гяварная, куная и др.). Мы не располагаем

---

4 Там же. С. 331.

информацией о том, жили ли здесь какие-то из этих семей в этом месте с 1920-х гг. Известные нам ассирийцы попали в Кимры в 1930-х гг., когда в центре Москвы, в ходе реконструкции города, сносились дома. По традиции того времени, москвичей выселяли за пределы города, чаще всего в пригороды: Ховрино, Перово и др. Но, как видим, кому-то из советских чиновников того времени захотелось отправить некоторые семейства обывщиков-ассирийцев в соседнюю область, в город, известный как «сапожная столица». По крайней мере семья ассирийцев-куная (племенная группа, населявшая в прошлом село Кон, в горах Хяккяри), от членов которой нам собственно и удалось что-то узнать про Кимры, попала сюда с улицы Горького. Но, при первой же возможности кимрские ассирийцы вернулись в Москву. Уже в начале 2000-х гг. кимрские старожилы и сотрудники местного музея с трудом могли вспомнить палатки для чистки обуви, в которых трудились люди южной наружности. Одна из таких «точек» располагалась на рынке и более всего запомнилась горожанам.

Нам также стало известно, что в 1920-х гг. как минимум две семьи джилывая, также происходивших из села Алсан, поселились в городе Кинешма, прежней Костромской губернии, а впоследствии – Ивановской области. Главой одной из семей был диакон церкви этого села. Позднее эти ассирийцы выехали на жительство в другие города. Ассирийцы поселились и в Рыбинске, но пока у нас нет конкретной информации об их племенной принадлежности и из какого селения они происходили.

Вполне возможно, что какие-то ассирийские семьи могли обосноваться в 1920-х гг. еще в каких-то городах рассматриваемого региона. Однако, никакой информации на эту тему пока не обнаружено. По аналогии с другими областями мы видим, что ассирийцы упоминаются даже в таких маленьких районных центрах, как Киржач и Собинка Владимирской области. В конце 1930-х гг. в них было репрессировано по одному человеку, работавшему чистильщиком обуви, подданному Ирана, с местом рождения в Урмии в Иране (Собинка), или селе Марвана в Турции (Киржач)⁵.

Работа по изучению ассирийской диаспоры рассматриваемого региона продолжается. Прежде всего помощь в ней оказывают преимущественно полевые источники, информацию дают ассирийцы-старожилы, владеющие исторической памятью своих небольших сообществ. К сожалению,

---

5 Боль и память. Книга памяти жертв политических репрессий Владимирской области. Т.1. Владимир, 2001. С. 376; Т. 2. Владимир, 2003. С. 226.

ЛЕГЕНДА О ПЕРВОМ ПОСЕЛЕНИИ НА МЕСТЕ ГОРОДА КОВРОВА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И РУСИ В XII–XIII ВВ.

Монякова О.А.
Ковровский историко-мемориальный музей
Г. Ковров Владимирская обл.

История города Коврова начинается с легенд. И первым эти легенды сделал достоянием читателей священник и краевед Василий ТUTORский в 1857 году во «Владимирских губернских ведомостях». Именно из них мы впервые узнали о том, что на месте города Коврова находилась сначала деревня Елифановка, а потом поселение под названием село Рождественское, ставшее впоследствии селом и городом Ковровом. Воспроизведем ее почти целиком:

«В народе есть следующие предания о Коврове: в XII столетии при Великом Князе Георгии Владимировиче Долгоруком основаны в здешнем крае многие селения и города; здесь поселился будто зверолов Елифанко для доставления Князю зверей и место его жительства получило название Елифановки. Великий Князь Андрей Георгиевич Боголюбский воздавая последний долг умершему родителю своему строением церквей и обителей во Владимире и вниз от города Боголюбова по течению реки Клязьмы на правом берегу ея, первую церковь построил во имя Спаса под названием что в Купалищах, ко дню Успения Божией Матери Великий Князь прибыл к месту где ныне село Любец, имеющее самое живописное местоположение; место это полюбилось Князю: «любю здесь» сказал он и велел построить церковь во имя Успения Божией Матери; хотелось Князю побывать в Стародубе; от Любца он видел этот город, значительный в то время, - но обстоятельства отвлекли его к Князьям Суздальским. Великий Князь возвратившись уже зимою из Суздаля опять к Стародубу по случаю вьюги сбился с пути и прибыл в стан деревни Елифановки накануне Рождества Христова и приказал выстроить тут Рождественскую церковь; вьюга стихла, Великий Князь отправился к обедне в Стародуб отсюда он поехал

далее и при устье рек Тезы и Мстеры приказал построить церковь во имя Богоявления Господня, где ныне Мстерская слобода.

С тех пор, Великий Князь приказал построить в д. Елифановке деревянную церковь, деревня эта получила название села Рождествина (написание В. Тютторского – **О. М.**). Сын Елифана Васька Елифанов взялся срубить и поставить эту церковь и при освящении ее Великий Князь наградил его пустошами, лесами и лугами от реки Нерехты по Гремячий враг по Клязьме на кривой дуб и старую ветлу до Нерехты же, как это значит в писцовых книгах Дьяка Михаила Трусова и Федора Витовтова, значит эти угодья переходили из рода в род под названием пустошей Елифановских.

Частые набеги татар, беспокоившие жителей села Рождествина, вынуждали их укрываться в лесах; скопища Батыевы взявши Гороховец и Муром разграбили и сожгли село Рождествино; жители скрывались в двух верстах от него на Шириной горе, в последующее время от разных набегов вражеских многие из жителей этого села удалились в укрепленные города и будто бы поколение Елифановых переселилось в Суздаль, – этим предания оканчиваются»¹.

После В. Тютторского легенду еще раз изложил ковровский священник А. Г. Радугин, сначала в 1886 году во «Владимирских губернских ведомостях»², а позднее в своей «Исторической записке о Коврове», напечатанной отдельным изданием в 1904 году к 100-летию юбилею г. Коврова³. Его воспроизведение легендарного прошлого города Коврова практически не отличается от В. Тютторского, но он обогатил содержание легенды еще одним эпизодом – о происхождении фамилии князей Ковровых. Именно А. Г. Радугин первым опубликовал в 1886 году рассказ о том, как «князь Андрей Федорович Стародубский во время Куликовской битвы с Мамаем в 1380 году, ворвался в ставку Ханскую и взял из нее дорогой цены ковер, за каковой подвиг Великий Князь Дмитрий Иоаннович Донской и назвал князя Андрея Ковром».

1 Владимирские губернские ведомости (далее – ВГВ). Часть неофициальная. 1857. № 47. 23 ноября.

2 ВГВ. 1886. № 42, 43.

3 Государственный архив Владимирской области (ГВАО). Ф. 205. Оп. 1. Д. 946. Л. 130–133, об.

Все последующие авторы уже использовали публикации В. Турского и А. Г. Радугина, практически не внося в них каких-либо изменений⁴.

Если деревня Елифановка так и осталась легендой, то возникшее на ее месте село Рождественское с конца XV века появляется в документальных источниках. Тем не менее, топоним, обязанный своим происхождением мужскому имени Елифан, встречается в источниках XVII века, в частности в Писцовой книге села Коврова 1628-1629 гг., где упоминается «пустошь Васьки Елифанова»⁵.

Так существовала или нет на самом деле легендарная деревня Елифановка? Если абстрагироваться от красивого интригующего сюжета о том, как заблудился в елифановских лесах великий князь Андрей Боголюбский, то деревня Елифановка полностью соответствует тому историческому типу поселений, которые были характерны для северо-восточной Руси XII-XV веков. Деревня в те далекие времена заметным образом отличалась от современной, так как самым распространенным ее видом было поселение в 1-3 крестьянских двора, а слово «деревня» означало не само селение, не постройки, а участок земли с комплексом угодий: пашней, покосами, лесом и т. д.⁶

Кроме того, хронологически появление легендарной Елифановки совпадает с периодом славяно-русской колонизации бассейна Верхней Волги до соединения ее с Окой и всего Окского бассейна. При этом особенно густо был освоен бассейн реки Клязьмы и прилегающие к нему местности⁷. Это было отмечено М. К. Любавским, авторитетным исследователем проблемы образования территории древнерусского государства начала XX века. Перечисляя города, возникшие в этом районе в «дотатарское время», в том числе и город Стародуб на Клязьме, он делает следующий вывод: *«Все эти города, несомненно, были не одиночными поселками, а центрами, к которым тяготели целые группы других селений – волости»*⁸.

4 Токмаков И.Ф. Историко-статистическое описание города Коврова с уездом. М., 1903; А.И. Иванов Город Ковров в прошлом и настоящем. Ковров, 1928.

5 РГАДА. Ф. 1203. Оп. 1. Д. 30. Л. 96,об.

6 Веселовский С.Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV-XVI вв. М.,– Л., 1936. С. 12.

7 Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 8.

8 Там же. С. 5.

Известный советский археолог, доктор исторических наук М. В. Седова, темой кандидатской диссертации которой в 1972 году стали древнерусские города низовьев реки Клязьмы, так называемого Поклязьменя, в ряду которых были города Ярополч, Гороховец, Стародуб, опираясь на данные археологических разведок и раскопок, в том числе и с ее участием, предполагает, что города, появившиеся здесь в XII веке, возникли уже на обжитых местах. Они становились торгово-ремесленными, административно-политическими и культурными центрами прилегающей сельской округи. Таким образом, и «город Стародуб, – пишет М. В. Седова, – возник в эпоху Юрия Долгорукова как пограничная крепость на южных рубежах Владимирского княжества, по-видимому, уже в освоенном «ополье» и с самого своего возникновения был окружен довольно многочисленными сельскими поселениями»⁹. В ряду них вполне могла быть и деревня Елифановка.

Подтверждение тому, что местность, где могла находиться легендарная деревня Елифановка, была к середине XII века уже достаточно освоена, можно найти, если обратимся к такому, казалось бы, далекому от истории Коврова вопросу, как взаимоотношения Волжской Булгарии и Руси в период Владимиро-Суздальского княжества.

Именно Владимиро-Суздальское княжество, в составе которого находилась когда-то Ковровская земля, стало главной направляющей силой древнерусской колонизации Поволжья. Впрочем, Булгарское государство само обнаруживало стремление к распространению своего влияния на области, весьма удаленные от его границ. Русские летописи содержат обильный материал о военных походах русских князей в Булгарию и о нападении болгар на русские земли в XII–первой трети XIII вв. Маршруты этих походов, утверждает известный историк В. А. Кучкин, дают ценный историко-географический материал, позволяющий установить направление древних путей, местоположение ряда городов и областей¹⁰. Борьба русских князей с булгарами шла за торговые пути, и один из таких древних торговых путей пролегал через современную Ковровскую землю. Для этого достаточно взглянуть на карту «Походы болгар на русские земли и русских на болгар-

---

9 Седова М.В. Древнерусские города низовьев р. Клязьмы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1972. С. 7–10.

10 Кучкин В.А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских болгар в XII-первой трети XIII в. //Историческая география России XII-начало XX в. Сб. статей к 70-летию проф. Л. Г. Бескровного. М., 1975. С. 31.

ские земли XII-XIII вв.», составленную В.А. Кучкиным с использованием летописных источников¹¹.

Когда в 1107 году болгары напали на Суздаль, то достигли они его, воспользовавшись старой торговой дорогой, соединявшей обитателей Волго-Окского междуречья с народами Среднего Поволжья и далее со странами Востока. В военное время мирные торговые пути становились путями вооруженных походов. Проходила эта дорога по рекам Волге, Оке, Клязьме и Нерли Клязьменской¹², т. е. никак не могла миновать того места, где стояла легендарная Елифановка.

Этим же путем воспользовался в 1164 году Владимирский князь Андрей Боголюбский, когда вместе со своим сыном Изяславом, братом Ярославом и Муромским князем Юрием предпринял большой поход на болгар. Известие об этом походе сохранилось в Лаврентьевской летописи¹³. В 1183 году уже следующий великий князь – Всеволод Большое Гнездо организовал грандиозный поход русских князей на болгар. Известия о нем с разной степенью полноты сохранились в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях¹⁴. Русские полки шли к болгарским городам двумя путями: от Ярославля по реке Волге и обычным по Клязьме и Оке, а далее вниз по Волге.

Таким образом, уже с начала XII века наш край оказался втянутым в активную экономическую и политическую жизнь северо-восточной Руси, а легендарная д. Елифановка находилась на уже освоенном торговом и военном пути.

---

11 Там же. С. 33.

12 Насонов А.Н. Русская земля и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 174, прим. 3.

13 ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 352–353.

14 ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 389–390; Т. II. Стлб. 625–628.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ ПРИ ОСВОЕНИИ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ (СЛУЧАЙ С. КУНЧЕРОВО ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛ.)

Рязанов А.В.

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина –
филиал РАНХиГС, г. Саратов.

После разгрома Казанского ханства Русь приступила к освоению полученных территорий, которые еще долгое время оставались неосвоенными, лишенными оседлого земледельческого населения. В течение еще многих десятилетий эти земли оставались под угрозой нашествия кочевников разного происхождения. Г. Перетякович, для более позднего времени, отмечал, что «*лишь построением со стороны России новых укрепленных черт в нагорной и луговой сторонах Поволжья, сооружаемых с большим трудом и значительными издержками в продолжении XVIII столетия и воздвигаемых все южнее и южнее, отвоевывались от кочевников земли в низовом Поволжье для земледельческой культуры и государственной жизни русско-го общества*»¹. Но в процессах организации и освоения новых территорий участвовало не только русское население, но и представители народов Поволжья: татар, башкир, чуваш, мордвы, мещерыков. Государство стремилось использовать все возможные ресурсы для реализации этой цели. Так как противостоять приходилось набегам кочевников, то приходилось привлекать для охраны укрепленных черт население, имеющее навыки борьбы с ними. Часто это были представители народов Поволжья.

По мнению С. А. Харизоменова, предусмотрительная политика, которой держались московские цари со времен Грозного до Петра I «*привлекала на пограничную службу самые беспокойные элементы недавно покоренных царств Касимовского, Казанского и Астраханского. Сажая эти элементы на дикie поля и леса Украйны, жалую их землей, крестьянами, скотом и деньгами, московская политика создавала таким путем твердый оплот против соплеменным служилым людям диких орд, грабивших и вконец ра-*

---

¹ Перетякович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII в. // Очерки из истории колонизации края / Записки императорского Новороссийского университета. Т. 34. Одесса, 1882. С. 338.

зорявших юго-восточные окраины Московского государства»². Служилые люди получали землю то в виде прибавки к старым поместьям на родине в Темниковском, Саранском, Симбирском уездах, то в виде новых окладов. Мурзы селились нередко с крепостными, в числе которых были даже русские крестьяне³.

Точная дата основания села Кунчерово не известна. В селе издавна проживали русские и татары. Служилые татары были четвертными владельцами и до 1857 года не были обложены оброчной податью. Русские крестьяне были крепостными и переводились помещиками из внутренних районов России. Видный пензенский краевед М.С. Полубояров пишет: *«Татары составляли основную часть служилого люда Керенской черты, прибывая в основном из Темникова и Кадома. После 1670г., как нам представляется, из-за принуждения к крещению, темниковские и керенские татары стали переводиться в Узинско-Кададинское междуречье. Во всяком случае, здесь не было монастырей и это обстоятельство делало их жизнь духовно свободной... Древними колонизаторами края были также служилые и ясачные чуваши. Основная масса чуваш жила в верховьях Кадады, где вволю пахотных земель. Случилось это в конце 1690-ых годов. По крайней мере, в апреле 1700г. ясачные чувашские земли на р. Елань-Кададе уже упоминаются документально. Здесь пришельцы из Симбирского уезда основали Неверкино, Кунчерово и другие села района»*⁴.

Раздача поместий за сторожевую службу прекратилась в самом начале XVIII века. *«Четвертные дачи на первых же порах и в громадных размерах подверглись частной распродаже их владельцами – чувашами и в особенности мало привязанными и до сих пор к земле татарами. Эти инородцы в одиночку распродавали свои поместья то по частям, то полностью, то своим соплеменникам, то русским помещикам, сами же нередко уходили на далее юг, на новые места для поселения или же возвращались на родину»*⁵.

2 Харизоменов С. А. Материалы по четвертному землевладению Саратовской губернии // Труды СУАК, 1888. Т. II. Вып 2. Саратов. С. 409–434.

3 Там же. С. 410.

4 Полубояров М. С. Заселение Пензенского края в XVII – начале XVIII веков // «Земство» (Пенза). 1995. № 2. С. 171–196.

5 Сарат.дневник за 1886 год № 49. Цит. по: Сборник статистических сведений по Саратовской губернии Т. 10. Саратов, 1891. С. 32.

А. А. Голомбиевский в 1889 году написал работу «Материалы для истории колонизации Саратовской Губернии»⁶. В ней упоминается деревня Кунчерина прежнего Симбирского уезда, которая вошла в Саратовскую губ. по книгам 2 ревизии. Он пишет, что в ней проживает 35 душ мужского пола служилых чуваш и отмечает, что она возникала до проведения 1 ревизии 1724г. Тот же А. А. Голомбиевский в работе «Узинский стан Пензенского уезда по книгам 2 ревизии (1745–46 гг.) вновь отмечает, что село возникло до проведения 1 ревизии (т. е. до 1724 года). Владельцами села тем же автором обозначены: 1) вдова Прасковья Семеновна Павлова; 2) капрал князь Семен Семенович Кудашев; 3) Комиссар Андрей Иванович Тургенев (за женой Кудашевой) 4) капрал А. Б. Синбугин; 5) вдова Марина Семеновна Кикичеева (по 1-й переписи в означенном селе крестьяне были записаны за мурзами Осаном и Мамадеем князь Акчуриными). Переведены поручиком Аблязовым в д. Боровую, мурзами Алановым, Ишелеевым, Уразаевым и др. Крестьяне майора Радищева и девицы Авд. Ивашовой переведены в с. Гусиную лапу⁷. Обращают на себя преимущественно тюркские фамилии, христианские имена и отчества многих из владельцев крестьян. Это означает, что скорее всего, их отобрали у прежних владельцев, отказавшихся принимать христианство, и передали новым владельцам – их единоверцам.

Тенденцию смены владельцев земли подтверждают документы той эпохи, представленные в СУАК: « ...559. Купчая на землю при д. Деминой на р. Кададе, проданную Еналеевым Федоту Прикуровскому , 1715г. <...> 561. Купчая на землю при д. Деминой на р. Кададе, данная Кутламаметом Кильдибаковым князю Дмитрию Андреевичу Агишеву, 1737г. <...> 567. Купчая на землю при д. Могилках (Кузнецкого уезда) при р. Кададе, проданной татариним Касимом Пакаевым чувашенину Ибраю Нагаеву, 1754г. <...> 579. Полюбовная между Грузинцевыми и Алеем Федоровичем Миллер о разделе имения при с. Кунчерово <...> 608. Купчая на землю по р. Узе, проданную мурзой Адейшей Кулахметьевым князю Василию Семеновичу Урусову, 1727г. 609. Купчая на землю по р. Узе, проданную служилым татариним Адейшей Сафаровым князю Михаилу Никифоровичу Тенишеву, 1732г. <...> 616. Купчая на землю по р. Узе, проданную мурзой князем Иляком Кудашевым князю Михаилу Семеновичу Урусову⁸. Голомбиевский А.

6 Труды СУАК 1889.Т. III. Вып. 2. Саратов. С. 12.

7 Труды СУАК 1893. Т. IV. Вып.2. Саратов. С. 134.

8 Опись архива Саратовской Архивной комиссии // Труды СУАК. Вып. 27. Саратов. 1911.

А. тоже приводит информацию о продаже в 1732г. д. Курчерины князем Акчуриным земли «за р. Уза от Караульной горы правую стороною» 45 чет в поле «мирским» людям Троице-Сергиевского монастыря сельца Новотроицкого, Березового тож⁹.

Таким образом, происходила массовая смена владельцев земли. Новые владельцы переводили сюда своих крепостных. Именно этими причинами можно объяснить тот факт, что с. Кунчерово было смешанным по населению – русско-татарским. Точнее, отталкиваясь от источников, – русско-татарско-чувашским.

Интересные материалы содержатся в Трудах СУАК. Служилые татары будущего Кузнецкого уезда привлекались по линии Казанской адмиралтейской конторы к лесозаготовкам для нужд флота. *«От 2 января 1783г. №30 Казанская адмиралтейская контора требовала, что состоящим в здешнем наместничестве служилым татарам, бывшим в осени 1781 и зиме 1782 г. на работе при заготовке и вывозке корабельных и прочих лесов учинить при платеже ими адмиралтейского сбора зачет, полагая конному 16 копеек, а пешему по 10 кореек в день, а за переход и переезд из домов до пристаней и обратно – пешим по 3 коп., а конным по 6 копеек в день же и сколько онаго зачета и коlikому числу душ в точности зачесть надлежит (контора) приложила реестр коим зачтено 7082 рубля 30 копеек. Из реестра видно, что в работах участвовали из 97 селений Петровского, Кузнецкого и Хвалынского уездов 9690 душ. Самое большое число татар высылалось из следующих селений Усть-Уза – 634, Мостяк – 193, Моисеевка – 195, Ст. Атлаш – 396, Кулатка – 191, Верхн. Терешка – 274, Ср. Терешка – 174, Зимнина – 210, Могилы – 334, Каменный брод – 161, Вершаут – 238, Суляево – 300, Бикбулат – 152, Канадеи – 272, Бегеево – 152, В. Елюзань – 395, Ср. Елюзань – 631, Ниж. Елюзань – 318, Индерка – 457, Пенделка – 308, Труево – 181»¹⁰.*

Указом от 8 апреля 1790 г. об исключении из оклада 14 чуваш с. Кунчерово (ныне Кузнецкого уезда) за предоставлением им трехлетней в платеже податей льготы, по случаю «восприятия веры греческого закона». Указами от 1795 года 14 февраля № 269 и 370 «воспринявших христианскую веру греческого исповедания 14 душ чуваш дд. Калышлейка и Кунчерово (ныне

9 Голомбиевский А. А. Опись дел, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции // Труды СУАК. 1889. Т. II. Вып. 1. Саратов. С. 40.

10 Труды СУАК. 1896. Вып 20. Саратов. С. 15.

Кузнецкого уезда) освобождаются от платежей податей на 3 года. Возможно, что в Кунчерово происходило то же, что и в Нижегородском Поволжье где, по мнению, А. М. Орлова, чуваши участвовали в этногенезе татар, сливаясь с мишарями в социальном (становились служилыми татарами) и в культурно-языковом плане, поскольку входили в контакт с мишарями небольшими группами. Такая ситуация характерна для некоторых сел нынешней Нижегородской области – Собачий остров, Петряксы, Ов. Овраг, К. Пожарки, Базлово, Тат. Маклаково»¹¹. Это был процесс, растянутый по времени, постепенный, в результате которого население подобных деревень утрачивало чувашскую идентичность и приобретало татарскую. Татары-мишари сами по себе имеют сложное происхождение, о котором до сих пор ведутся дискуссии у специалистов.

Так, Т. Акимова описывает более позднюю ситуацию начала XX века в Кузнецком уезде: *«Некоторые целые села (чувашские) Кузнецкого уезда в настоящий момент не представляют никаких отличий от татар, хотя некоторые из них всего лишь 30 лет назад были чистейшими чувашами. Толчком к такой абсолютной и быстрой ассимиляции обычно являлось принятие чувашами мусульманства <...> Чуваши, если вступают на путь взаимообщений и близких сношений с другими национальностями, обычно оказываются слабейшими»*¹². Думается, что такой или приблизительно такой, ситуация была и в более ранний период.

Не миновали Кунчерово и пожары, часто случавшиеся в российских деревнях в рассматриваемый период. Документы свидетельствуют о том, что *«августа 23 числа (1827 года) в деревне нашей неизвестной судьбою сделался пожар, а о того пожара выгорело татарских дворов 41, помещичьих крестьян 16 и однодворцев»*. Выборные на мирской сходке мурзы *«просили покровительства губернатора об отводе мест от господ помещиков особливо, казачьих поселян к казачьим, а помещиков к помещичьим к тем сторонам, где отведена им церковная земля»*. Казенная палата, как это следует из документа, поддержала поданную просьбу. Документ также содержит информацию о том, что этим категориям населения было предписано в поселении жить отдельно от других: *«... указом Правительствующего се-*

11 Орлов А.М. Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы. Нижний Новгород, 2001. Гл. 2.

12 Акимова Т. Эволюция женского костюма у Саратовских чуваш // Труды Нижне-Вожского Областного Научного Общества. Вып. 35. Ч.5. (этнографические очерки). Саратов, 1928. С. 25.

ната от 12 октября 1822 года повелено казенных поселян от помещиков владением землями и всеми угодьями отделить к особым местам, на коих должны мы и все дач поселение свое иметь»¹³.

В 1705 г. указом Петра I учреждается крупнейший на территории Мордовского края Саровский монастырь, основанный на месте старинного татарского города Сараклыча, которым когда-то владел князь Акчура. Монастырь принимал активное участие в проведении мероприятий по насаждению православия среди мордовского и татарского населения. С момента появления, уже в начале XVIII века настоятели Саровского монастыря разными способами стали приобретать земли и вотчины у татар, проживающих в деревнях Кадомского и Темниковского уездов: Бутаково, Дивеево, Атенино, Дербышево, Тарханское, Митрялы, Сухово, Тюеёво, Чекашево, Айкеево, Адаево и др.¹⁴. «Для обоснования прав на полученные владения монахи собирали документы, подтверждающие права собственности татарских владельцев и их предков – это были, как правило, выписи из различных писцовых книг или грамот. К документам прикладывались родословные росписи и схемы, а также указывалось информация о месте проживания старых хозяев. Необходимо заметить, что многие татары к этому времени вынуждены были покинуть родные деревни и выехать в другие районы: в Пензенский (часто встречается выражение «живут на Кададе»), Инсарский, Симбирский уезды»¹⁵.

Правители России последовательно проводили политику христианизации народов Поволжья. Еще по указу 1628 года татарским феодалам было запрещено владеть «новокрещенами». По указу Петра I 3 ноября 1713 года мусульманам было запрещено владеть крепостными христианами. В случае отказа принять христианство их ожидала конфискация работников, а иногда и поместий¹⁶. Подобные указы принимались и позднее. Принятие указов с приблизительно одинаковым содержанием свидетельствовало в

13 ГАСО. Ф. 2. оп. 2 ед. хр. 594. Дело о рассмотрении прошения жителей д. Кунчеровой о запрещении помещикам Кастрицыной, Лагуновым, Грузинцевой и их крестьянам строить дома на принадлежащей им земле (1827г). 22 л.

14 Акчурин М.М. Родословные татарских князей из фонда Саровского монастыря // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. 5. Казань: изд-во «ЯЗ»; ИИ АН РТ, 2011. С. 118-153.

15 Там же.

16 Габдуллин И. Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. С. 5.

пользу того, что они не выполнялись. Однако упорствующие в вере часто были вынуждены переселяться в новые районы.

Родословные Саровского монастыря свидетельствуют о том, что, скорее всего, исходным пунктом для переселения на Кададу, в частности в с. Кунчерово, было Адаево (Татарское Адаево) – ныне село в Темниковском районе республики Мордовия на реках Аксел и Мокша. По списку 1869 г. в нем имелась казенная (татарская часть) и владельческая (русская часть). Она была указана как деревня Краснослободского уезда из 80 дворов. Название является антропонимом тюркского происхождения.

Упомянутая деревня Аксел (Оксел), находит отражение в документах: в 7187 году (1679) его владельцами были *«Темниковские и Шацкие мурзы Еникеевы, Кашаевы и князя Акчурины, в селе числилось 51 двор крестьянских и бобыльских, в них 231 человек (переп. кн. 6457 л. 129)»*¹⁷. Таким образом, переселение служилых татар шло именно из этих районов.

Таким образом, с. Кунчерово возникло в процессе освоения русским государством малонаселенных и неосвоенных территорий. Как русский форпост вряд ли село могло иметь какое-либо значение, даже если бы оно к тому моменту и было, так как последний крупный набег ногайцев в этот регион был в 1717 г. Оно является селом, в котором издавна жили бок-о-бок представители двух крупных национальных общин: русской и татарской. С ранних времен (с XVIII в.) в селе существовали православный храм и татарская мечеть, причем старожилы не помнят конфликтов на национальной или религиозной почве.

Список сокращений

ГАСО – Государственный Архив Саратовской Области

Труды СУАК – Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии

ИИ АН РТ – Институт истории Академии Наук республики Татарстан

---

¹⁷ Материалы для истории, статистики, археологии города Темникова и его уезда XVII и XVIII ст.: (Темниковская десятина) / сост. В. и Г. Холмогоровы. Тамбов, 1890. С. 49.

Научное издание

**Этнокультурные взаимодействия на территории Верхнего Поволжья
и сопредельных территориях в древности, Средневековье и в Новое время**

Сборник научных трудов

Статьи печатаются в авторской редакции

Компьютерная верстка А. Е. Половникова

Подписано в печать 01.10.2016.

Формат 60х90/16

Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 17

Тираж 50 экз.